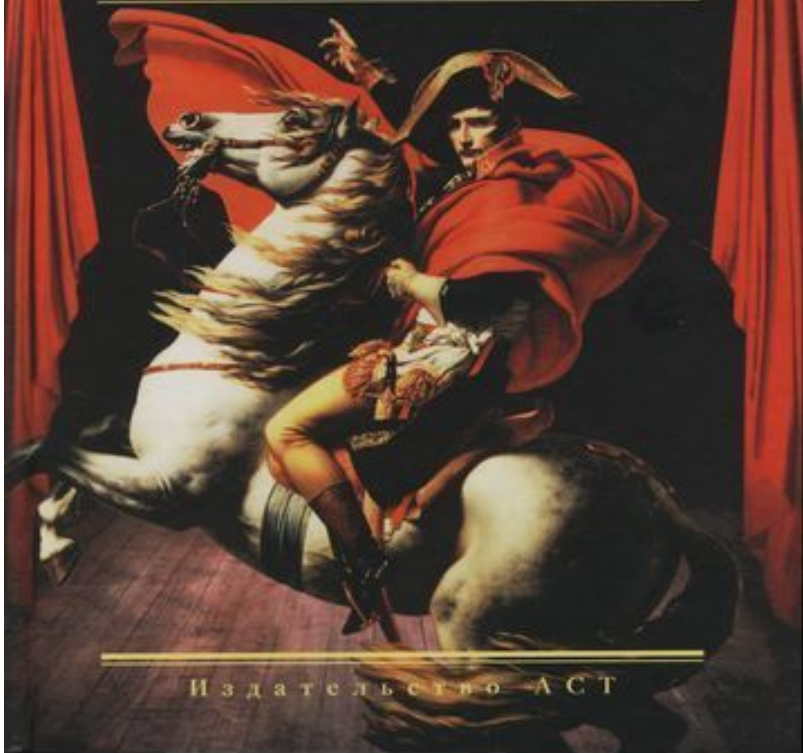

Драматург

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

Издательство АСТ

Эдвард Станиславович Радзинский

Пьесы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436226
Пьесы / Эдвард Радзинский.: АСТ, Зебра Е; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-043868-6, 978-5-9713-4909-9

Аннотация

В авторский сборник вошли самые известные пьесы Эдварда Радзинского: «104 страницы про любовь», «Снимается кино», «Чуть-чуть о женщине», «Обольститель Колобашкин», «Продолжение Дон Жуана», «Приятная женщина с цветком и окнами на север», «Старая актриса на роль жены Достоевского», «Монолог о браке», «Спортивные сцены 80-х», «Она в отсутствии любви и смерти», «Я стою у ресторана: замуж – поздно, содохнуть – рано».

Содержание

104 страницы про любовь	4
Часть первая	4
Часть вторая	80
Снимается кино	130
Действие первое	130
Действие второе	208
Чуть-чуть о женщине	265
Часть первая	265
Конец ознакомительного фрагмента.	288

Эдвард Радзинский

Пьесы

104 страницы про любовь

Часть первая

Над сценой – светящаяся вывеска «Молодежное кафе «Комета». В кафе. Два столика. За одним столиком сидит девушка. Она одна. На стуле стоит ее чемоданчик. На чемоданчике – букет в целлофановой обертке. За другим столиком – парень. И он тоже один. За сценой мальчишеский голос поэта читает стихи.

МОТОГОНКИ ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНКЕ В ОГАЙО

Мы – мотоциклисты —
Мчимся вверх,
Ввинчиваясь в стенку
Круг за кругом.
Над нами звезды,
А внизу – огонек у входа,
Так похож на червовую карту
Или – проще – на чье-то сердце.

А кругом почтеннейшая публика,
Как ей спокойно
Смотреть за пятиалтынный,
Как мчатся к звездам,
Круг за кругом,
Шальные мотоциклы,
Играя с судьбою в червовую карту.
А потом сердце у входа гаснет,
И публика расходится,
И ты говоришь мне немного устало,
Снимая со лба мокрый шлем:
– Придет время – мы станем толстыми
И будем смотреть,
Как другие мальчишки,
Круг за кругом,
Рвутся к звездам
По отвесной стенке.
Но пока...
Мы – мотоциклисты.

Поэт закончил читать стихи. Аплодисменты.

Голос председателя общественного совета кафе.

Мы обсуждаем стихи и песни «молодого, начинающего... и т. д. и т. п.» поэта Жени Даля. Кто-нибудь хочет высказаться? Ну давайте, ребятки, в бой!

Девушка (за столиком). Я только два слова. Можно? (Встала.) Мне очень понравились стихи. Большое спасибо.

Смех, аплодисменты за сценой.

Голос председателя. Еще кто-нибудь. Только помного-словнее...

Молчание.

Ну, ребятки. Кто родил хоть какую-нибудь идею?

Парень. Я родил... *(Встает.)* Вызнаете... передо мной здесь выступала девушка...

Голос председателя. Ваша профессия?

Парень. Анкета необязательна... Так я продолжаю... Вот передо мной здесь выступала девушка... Довольно необычная. Мне даже показалось, что она...

Голос председателя. Я не понял. вы собираетесь обсуждать стихи или девушку?

Смех.

Парень *(тоже усмехнулся, невозмутимо).* Нет. Стихи я обсуждать не буду. А девушка мне понравилась. Все.

Смех, аплодисменты.

Голос председателя. Ясно. С идеями у нас... не выхо-

дит. По этому случаю предлагается маленькая врезочка в наш вечер... Прошу!

И тотчас женский голос за сценой запел песенку. А парень преспокойно подходит к столику, где сидит девушка, снимает со стула ее чемоданчик и цветы и садится рядом.

Девушка (даже задохнулась). Ну!..

Парень (ровно). Да, такие шутки я ценил в средней школе. Думал, что вырос. Оказалось – нет.

Девушка. Нет, это... ну... на нас все смотрят!

Парень. Несущественно. Кстати, стихи были довольно дрянные. Вам всегда нравятся дрянные стихи?

Девушка. А может быть, этот товарищ писал их от чистого сердца? Может быть, у него просто не получились хорошие?

Свет на сцене медленно гаснет. Освещен только их столик.

Парень. Тоже довод... Вы, видимо, очень чуткая девушка?

Девушка. А вы приставучий товарищ.

Парень. А вам нравится, что я к вам пристаю. Красивые девушки страшно тщеславные. У вас сегодня целый вечер будет чудесное настроение.

Девушка (*засмеялась*). Вы... веселый товарищ.

Проходит спортивного вида, тщательно одетый очкастый парень.

Очкастый (*дружелюбно*). Привет.

Парень (*сухо*). Салют.

Очкастый (*обескураженный его тоном*). Ну, я к тебе лучше потом подойду.

Парень. Да, лучше потом.

Очкастый уходит.

Девушка. Это ваш знакомый?

Парень. Это мой знакомый... Что же это вы одна?

Девушка. Одна – не одна... Не все ли равно?

Парень. Не все. Я боюсь, что к вам сейчас кто-то придет.

Девушка. Чепуха какая... Я просто с аэродрома, ужасно проголодалась и зашла. (*Махнула рукой.*) А! Все это не важно... Часто вы так пристаёте к девушкам?

Парень. Часто.

Девушка. Не надоело?

Парень. Нет... Людям моложе ста двух лет свойственна вера в «необыкновенную встречу». Без этой веры можно было бы умереть от скуки. Идет по улице человек. Упал и умер. Все думают – он от инсульта. А он – от скуки.

Девушка (*засмеялась*). Вы невероятно веселый товарищ.

Парень. Вы уже два раза об этом сказали.

Девушка. Вы грустный?

Парень. Да, я пессимист. (*Чуть насмешливо, чуть серьезно.*) Иногда вдруг отчетливо понимаешь, что жизнь проходит. И довольно быстро. Люди смешны. Вот если я потерял два рубля – я огорчусь. А каждую секунду мы теряем секунду жизни. И ничего, не замечаем.

Девушка. Да... Вы очень странный...

Парень. Товарищ...

Девушка (*опять засмеялась*). Вот именно, товарищ.

Парень (*встал, перенес бутылку вина со своего столика*). Давайте выпьем. По поводу моей странности.

Девушка. А... зачем?

Парень. Только не надо ханжить, хорошо?.. Кстати, это сухое вино.

Девушка. Сухое – мокрое, это не важно. Терпеть не могу, когда меня кто-то угощает.

Парень. Хотите оставаться независимой?

Девушка. Хочу!

Парень. Проблема. Ну что ж... Тогда давайте пить как мужчина с женщиной. Кончим эту бутылку – вы купите следующую. Подходит такое решение?

Девушка (*отважно*). Подходит.

Парень. Ну вот. А теперь поехали?

Девушка. Поехали.

Он наливает.

(*Торопливо.*) Только не очень много. А то я рано утром опять улетаю...

Парень засмеялся.

Чего вы смеетесь?

Парень. Так... Значит, то прилетаете, то улетаєте? Веселая у вас жизнь. Где же вы работаете?

Девушка. «Где», «что» – кому нужны эти уточнения! И вообще... А! Вы все равно этого не поймете.

Парень. Я отлично понял.

Девушка. Что же вы поняли?

Парень. Человек – не тот, кто он есть на самом деле, а тот, кем он мечтал стать. Просто в силу тех или иных причин часто что-то не получается в жизни. А вот встретишь незнакомого человека – и ничего он о тебе не знает, и ты можешь держать себя с ним так, будто все у тебя вышло. С незнакомыми людьми легко. Вы это хотели сказать?

Девушка (*тихо*). Да... Вы здорово все понимаете.

Парень (*так же*). Вам... со мной легко?

Пауза.

Девушка. А! Ерунда! Просто вы мне попали под настроение. *(Опять засмеялась.)*

Парень. Часто смеетесь. *(Сухо.)* Вам, наверное, кто-то сказал, что у вас красивый смех. А он у вас довольно глуповатый.

Девушка. Ну!..

Парень. Простите, сорвалось.

Девушка. Нет, это даже хорошо. Я люблю людей, которые говорят то, что думают.

Парень. Налить?

Девушка. Как мужчина мужчине... Вообще, правда, я сегодня часто смеюсь. Вы знаете, я заметила, есть какой-то закон: если плачешь, всегда потом будешь смеяться. И наоборот. Вот однажды я плакала два дня подряд. Мне это так надоело. И вот на третий день я решила: буду смеяться – и все! И целый день ходила и смеялась сквозь слезы, как идиотка... А! Вот странно. С той минуты, как мы познакомились, мы трещим, трещим...

Парень. И все равно мы ничего не сможем сказать друг другу.

Девушка. Знаете, это тоже правда. Я тоже об этом часто думаю. Хорошо бы все люди лет на пять замолчали. Вот тогда у всех-всех слов появился бы снова большой смысл. Непонятно? Вот когда я думаю – понятно, а говорить не умею. Юморочек один... Что вы так на меня смотрите? Вообще, что вы все время улыбаетесь?

Парень. Так.

Девушка. Так, да?.. *(Чтобы что-то сказать.)* У вашего знакомого очень грустное лицо... Нет, но почему вы все-таки улыбаетесь?

Парень. Так.

Девушка. Так – не так... Я ненавижу, когда улыбаются. Вы... вы просто мне попали под настроение.

Парень. Нет. Я вам понравился. Еще когда там сидел и на вас смотрел – уже понравился. Да?

Девушка. А! Да – не да... Чепуха все это.

Парень. Понравился?

Девушка. Нет... Ну понравились! Ну и что с того! Мало ли кто мне нравится...

Парень. На будущее. Мы постараемся говорить друг другу только правду. Этого еще никто не сумел. Идет?

Девушка *(засмеялась, потом спохватилась и опять засмеялась)*. Буду смеяться своим глуповатым смехом... Кстати, неплохо бы узнать, как вас зовут.

Парень. Неправда первая. Вы давно хотите, чтобы я вам сказал это. И вас ужасно бесит, что я молчу. Да? **Девушка.** Нет!.. То есть – да.

Парень. Как вас зовут?

Девушка. Наташа.

Парень. А меня – Евдокимов.

Девушка. Как?

Парень. Евдокимов. Я люблю, когда меня называют по

фамилии.

Танго за сценой.

Вам очень хочется, чтобы я вас пригласил сейчас танцевать?

Наташа. Нет... То есть хочется. Ну хочется. Что тут особенного? Я люблю, когда меня приглашают танцевать, вот и все.

Они танцуют.

Давно не танцевала... Не надо. Не смотрите на меня все время... Мы сегодня будем здесь недолго, хорошо? Евдокимов. Плохо... Когда мы с вами встретимся? Наташа. Не знаю. Завтра я, возможно, улетаю. Завтра или через несколько дней.

Евдокимов. Вы не улетайте завтра. Улетайте через несколько дней.

Наташа. Это от меня не зависит. Евдокимов. Все зависит от нас. Если вы очень захотите...

Наташа. Вообще, действительно все зависит от нас.

Евдокимов. Так вы хотите встретиться со мной завтра?

Наташа. Ну, ладно. Хочу! Ну и что с того? Ну почему вы все время смотрите... А!

Евдокимов. Здорово у вас звучит это «а!».

Наташа. Это раньше, когда мне мама что-нибудь неприятное говорила, я всегда хмыкала. Потом мы решили покончить с хмыканьем, и я ей теперь на все неприятное говорю «А!» Ну не смотрите на меня все время!

Евдокимов. Буду смотреть. Здорово, что вас зовут Наташа.

Наташа. «Здорово», да? Почему «здорово»?

Евдокимов. Не знаю. Здорово – и все!

Наташа. Чепуха какая... Ну не смотрите на меня так.

Евдокимов. Буду. У вас невероятные глаза. У вас желтые глаза. У вас, наверное, лучшие глаза в СССР.

Наташа. Желтые, серые, зеленые... *(Вдруг кокетливо.)* Вот один человек называет меня лучшей девушкой Москвы и Московской области.

Евдокимов. Он дурак. Вы лучшая девушка в СССР.

Наташа. Не надо смотреть.

Евдокимов. Буду... *(Тихо.)* Вы хотите, чтобы я вас поцеловал.

Наташа. Нет!.. То есть... А! Хочу – не хочу... Нет... это кошмар какой-то.

Затемнение.

Одинокий столбик с шашечками. Надпись: «Стоянка такси». Прямо на тротуаре, под столбиком, сидит парень. Он что-то чертит в записной книжечке. Подходят Евдокимов и

Наташа.

Наташа. Пусто... А вчера было сколько угодно машин, да?

Евдокимов. Просто вчера мы вышли из «Кометы» рано, а сегодня поздно.

Наташа. Какой вы рассудительный товарищ. (*Смеется. Парню на тротуаре.*) Простите, вы на такси?

Парень (*с достоинством*). Нет, я на троллейбус.

Наташа. Разве еще ходят троллейбусы?

Парень. В час двадцать «букашка» по кольцу. Таксистов подбирает.

Евдокимов. Здорово, что ты не улетела.

Наташа. Вот интересно... Вчерашний, сегодняшней день... Это все будто один день... Какой-то долгий-долгий. Я еще с утра... (*Махнула рукой.*) А! Юморочек.

Евдокимов. Понятно. Кстати. Ты счастливая?

Наташа. Нет.

Евдокимов. Зря. У меня сейчас решается одно важное дело. Постарайся принести мне счастье.

Наташа. Постараюсь. Сколько сейчас?

Евдокимов (*глядя на часы*). Стоят.

Парень (*услужливо*). Двенадцать сорок.

Наташа. Мне осталось спать шесть часов.

Евдокимов чуть обнял ее. Она отстранилась.

Евдокимов. Ты не бойся. К часу ты будешь дома.

Наташа. Я не боюсь – ты сам не бойся.

Евдокимов. А знаешь (*показывает на виднеющийся силуэт дома*), это мой дом.

Наташа (*будто не слыша*). Ну ни одной машины. Вот всегда так, когда тебе нужно что-нибудь позarez...

Евдокимов. А вон мое окно... Шестой этаж, первое справа.

Наташа (*неловко, чтобы что-то ответить*). У вас темно.

Евдокимов. Просто нет никого в квартире. Я там один сейчас живу.

Молчание.

Парень. Прости, закурить не найдется?

Евдокимов. Найдется. (*Передавая сигарету, взглянул в записную книжку парня.*) Мыслишь? Не так уравнение написал, Топтыгин. (*Наклонился, что-то черкнул в записной книжке парню.*)

Парень. Понял. (*Доброжелательно.*) Стрельни мне еще сигарету, про запас.

Евдокимов протягивает сигарету.

(Словоохотливо.) Начал боксом заниматься, выбросил сигареты. Смех: девушку проводишь, пока сидишь здесь, ждешь «букашку», так закурить разбирает – обязательно согрешишь. Ничего, с понедельника начнем жизнь сначала.

Евдокимов. Ага. Пятьдесят процентов людей каждый понедельник начинают жить сначала.

Появляется веселый **гражданин** с цветком георгина.

Гражданин. За Саврасушкой очередь, рыбочки мои, воблушки? Кто последний?

Евдокимов. Мы.

Гражданин. Все Саврасушки в парк едут... Храп-храп делать... Да здравствует ночь – друг молодежи. Ночью нахально блестят скамейки и по пустым улицам пощелкивают каблочки. «А я усталый старый клоун... и в испуге даже дети убегают от меня». (Строго.) О прекрасная наша молодежь! Вы не подумайте, что я пьян. Не подумали?

Парень. Ну что вы.

Гражданин. Просто я – балалаечник. Представляете, в двадцатом веке быть балалаечником? Ужас. Каждый вечер я порчу настроение современной публике. Трагедия. Ну можно быть после этого трезвым? Ведь правильно? Ведь точно?

Парень. Несомненно.

Гражданин. А я трезв. (Вынимая из-под пальто четвертинку.) Малыш еще не начат. (Парню.) «Бип-бип-бип... я

Земля, ищущу спутника».

Парень. Нет, мил человек, поздновато.

Наташа (*Евдокимову*). Всегда так, когда машина нужна позарез...

Евдокимов. Есть предложение...

Наташа. Не надо никаких предложений.

Гражданин (*Евдокимову*). Можно к вам обратиться?

Евдокимов. Нет, нельзя.

Гражданин. А я нарушу и обращусь. (*Протягивая Наташе цветок.*) Возьмите этот георгин. Как дань восхищения...

Наташа. Спасибо. (*Вьнимает из чемоданчика яблоко.*) А вы возьмите яблочко. Очень хорошее, из Ташкента.

Гражданин. Прекрасно... Вся история человечества началась с яблока. Прекрасно... Вы добрая. А он злой. Вы от Чернышевского. А он от Достоевского. Я тоже добрый. А мир не приемлет доброту. Вот я говорю: «Дайте мне большое, чистое, настоящее». А мне отвечают: «Возьмите слона и вымойте его в ванне». Вот тебе большое, чистое, настоящее. Уйти из мира, рыбочки мои, воробушки?

Парень. Сделайте одолжение.

Евдокимов (*тихо*). Слушай, Наташа...

Наташа. Нет, нет!

Евдокимов. Ну перестань. Пойдем ко мне, и от меня вызовем такси по телефону.

Наташа. Я не спешу!

Евдокимов. Ну, пойдём. Ты с трудом держишь этот че-

модан. Я все могу вытерпеть в жизни, только не ханжество!
Ведь днем ты бы пошла?

Наташа. Но я не спешу.

Шепотом, бессвязный разговор.

Евдокимов. Ты спешишь.

Наташа. Нет.

Евдокимов. Боже мой, вызовем по телефону. Я прошу...

Наташа. Не надо!

Евдокимов. Ну, по телефону. Идем!

Наташа. Идти, да?

Евдокимов. Да, туда.

Наташа. Туда идти, да?

Евдокимов. Туда.

И они уходят.

Гражданин. Тысячелетняя поэма. И он увел ее, как Ромео увел Джульетту... как Фауст увел Маргариту... и еще кто-то увел еще кого-то... Ведь правильно я говорю, ведь точно?

Парень (*равнодушно*). Несомненно.

Гражданин. Эй, таксист! Саврасушка! Савра-сушка!
(*Бросается за проезжающей машиной.*)

Затемнение.

Квартира Евдокимова. Очень пустая комната. **Наташа** и **Евдокимов**.

Евдокимов (*говорит по телефону*). ... Дом семь, квартира пять.

Голос из трубки. Когда нужна машина? Евдокимов. Сейчас.

Голос. Заказ пятьдесят семь. Позвоним в течение часа.

Евдокимов вешает трубку; глядит на Наташу. Она сидит не раздеваясь, в плаще, на краешке кресла.

Евдокимов. Конфеты на столе.

Наташа. Спасибо.

Молчание.

Евдокимов. Вы меня сейчас очень боитесь? Наташа. Почему? Вы ведь не волк. Евдокимов. Да, я тоже так думаю... Вы можете снять плащ... А то в этом есть нечто вокзальное. Наташа. Да нет, я так посижу.

Евдокимов. Смешно. Мы опять перешли на «вы».

Молчание.

Наташа (*стараясь весело*). Почему смешно? Я до сих пор не знаю вашего имени.

Евдокимов. Это не бог весть какая потеря. Меня зовут довольно нелепо... Видите ли, я появился на свет, когда моя мать защищала кандидатскую... У нее было плохо с юмором... Короче, меня называли Электроном. Электрон Евдокимов.

Наташа (*смеется*). Смеюсь глуповатым смехом.

Евдокимов (*без юмора*). Зря смеетесь. Может быть, человечество выучит наизусть это странное имя.

Наташа. А вы все-таки страшно смешной товарищ, когда говорите самоуверенным тоном. Просто не тон – аюморочек.

Евдокимов. Вы лучше ешьте конфеты.

Молчание.

Мне подарили эту коробку на день рождения. Я всех угощаю, а она никак не кончается.

Наташа (*усмехнулась*). Ну если... всех угощаете, – я возьму.

Евдокимов. Да вы снимите, наконец, плащ.

Наташа. Ничего, ничего.

Евдокимов. Вы хотите спросить, где мои родители?

Наташа. Вообще, да.

Евдокимов. Они на юге. Отчим скоро должен вернуться.

Наташа. Вы тоже без отца?

Евдокимов. Тоже. (*Хочет пододвинуть стул к ней.*)

Наташа. Вы сидите там, ладно? (*Чтобы что-то сказать.*) А я хочу купить себе мотороллер и черные перчатки. Вот буду носиться по городу... Глупость, конечно, но все-таки мечта.

Евдокимов. Да... Поэтому давайте договоримся. Это будет ваша зона. (*Жест на ее стул.*) А вот здесь – моя... А здесь будет проходить условная граница, и я не буду переходить эту границу. Так будет безопаснее. Идет?

Сразу наступило какое-то облегчение. Будто это заявление решало все вопросы.

Наташа (*очень радостно*). Идет.

Евдокимов. Скоро позвонят.

Наташа. Спать хочется ужасно. Мне осталось до самолета...

Евдокимов (*перебивая*). Давайте поставим кофе.

Наташа. Давайте!

Евдокимов. У меня есть потрясающая кофеварка. Я ее сам сконструировал. Это лучшая кофеварка в СССР. (*Идет в угол комнаты.*)

Жужжание кофемолки.

Вы не сидите как именинница, вы ставьте чашки.

Наташа. Где чашки?

Евдокимов. На потолке, наверное.

Наташа (*снимает плащ, хозяйственно вынимает из буфета чашки, расставляет на столе*). Мы сейчас похожи на столетних супругов. Вам снятся сны?

Евдокимов. Нет.

Кофемолка затихла, потом опять пошла.

Наташа (*доставая ложки*). А мне снятся каждую ночь. Вы не улыбайтесь. Очень пророческие сны.

Однажды я с Котиком... это так моего старшего брата зовут... купила облигацию. Больше для юморочка... И вот мне приснилось: плывет корабль, а на мачте у него наша облигация. Представьте, мы выиграли.

Он подходит к ней сзади.

А еще... Что вы там стоите?.. Мне часто снится такой сон: ночь. Поле. Какой-то кол. Почему-то каска. Она звонит на колу от ветра. Как колокол.

Он вдруг резко обнял ее.

(*Вырвалась.*) Ну не надо... Ну оставьте... Ну! Не надо же!

Он попытался ее поцеловать, но она вырвалась, оцарапав ему щеку.

Он отступил.

Успокоились?

Евдокимов. Да.

Наташа (*почти грубо*). Все?

Евдокимов. Да.

Пауза.

Вы поймите...

Наташа. Не надо!

Евдокимов. Я хотел...

Наташа (*грубо*). Да не надо! Все ясно! «Потянуло на любовь», как говорят в Аэрофлоте.

Молчание.

Евдокимов. В каком-то Аэрофлоте...

Наташа. Смешно. С той минуты как вы появились, я подумала: какой одухотворенный товарищ. Вообще, вы мне здорово прожгли обшивочку. Я думала, вы... А вы... А!

Евдокимов. Ерунда. Ведь ты хотела, чтобы я тебя поцеловал! Хотела?

Наташа. Не так! Понимаешь?!

Он сидит какой-то растерянный. Почти жалкий.

(Искоса взглянула на него, и в ней проснулась жалость, которой так боятся женщины; примирительно.) Какой вы... взъерошенный сейчас.

Евдокимов. «Одухотворенный»... «взъерошенный»... У тебя жуткий лексикон.

Наташа. Ну вот. И смех глуповатый, и лексикон... Все плохо. А вообще, я люблю, когда меня ругают... Я вас здорово оцарапала?

Евдокимов. Прилично.

Наташа. У меня есть духи. Вы продезинфицируйте.

Евдокимов. Это только когда кошки царапают, нужно дезинфицировать.

Наташа. Ну вот, я уже кошка. При чем тут кошка?

Евдокимов. Ладно, успокойтесь. *(Презрительно.)* Хватит об этом. Я вас больше никогда в жизни не буду целовать.

Наташа. Ну и хорошо.

Молчание.

Не будете?

Молчание.

Вообще не будете?

Молчание.

Телефон что-то не звонит... Вы сейчас совсем как обиженный мальчик. Вот таким вы мне нравитесь... Вы обиделись?

Молчание.

(Милостиво.) Ну, хорошо... Ну поцелуйте меня, если вам это так нужно...

Евдокимов. Ханжа и трусиха.

Наташа. Ну, ладно уж, поцелуйте.

Евдокимов. Я сказал!

Пауза.

Наташа. Тогда я сама вас поцелую. Евдокимов. Я не хочу.

Наташа. А когда я не хотела...

Она не доканчивает фразы, потому что он поцеловал ее. Это очень долгий поцелуй, оттого что оба они боятся тех слов, которые нужно говорить после этого поцелуя. Потом

она только махнула рукой и сказала свое «А!».

Затемнение.

В затемнении звонок телефона. Телефон звонит безостановочно. И затихает. Шестой этаж большого дома. Раскрытое окно квартиры Евдокимова. За окном слышны голоса — его и ее.

Она. Качается фонарь.

Он. Ветер.

Она. Я не могу объяснить. Я все понимаю и ничего не могу объяснить. Как собака. *(Смех.)* Кошка, собака... *(Смех, и вдруг скороговоркой, как заклинание.)* Я люблю тебя... люблю, люблю... *(Тревожно.)* Ты меня любишь?

Он. Да.

Она. Молчи! *(Мстительно.)* А ты всем предлагал конфеты и чертил границу?

Он. Не говори пошлостей.

Она. Я, конечно, понимаю... Но все это гадко! Гадко!

Молчание. Слышны шаги на улице...

Он. Да.

Она. А знаешь, жалко, что кончилось детство. Это все-таки самое лучшее. *(Смеется.)* Странно. Я вот откалываю

какие-то дикие номера. Но это самый дикий. Моя мама мне всегда говорит: «Худая, худой и останешься. Потому что злая и сумасшедшая».

Он. Тебе попадет, что ты не вернулась?

Она. О какой чепухе мы говорим. Разве об этом надо сейчас говорить!

Молчание. Опять кто-то прошел... Слышны шаги на улице.

Он. Кому ты несла вчера букет?

Она. Цветочки, да? *(Засмеялась.)* Одной личности. Мы с ним живем в одном доме. Он был «моя первая любовь». Все уже давно кончилось, а я всегда посылаю ему цветы в день рождения. И он не знает, от кого. *(Засмеялась.)* Ловко? *(Вдруг встревоженно, как заклинание.)* Я люблю тебя, люблю, люблю. А ты меня любишь?

Он. Знаешь, не надо все время говорить это слово. Надо быть сдержанной.

Молчание.

Наташка?.. Ты что?.. Ты плачешь?

Она *(спокойно)*. Что ты. Я редко плачу. Я обычно сдержанная.

Затемнение.

Комната Евдокимова. Утро. **Евдокимов** спит на кровати. **Наташа** стоит, одетая, рядом. Смотрит на него. Задумалась. Вдруг подошла к столу. Взяла коробку конфет, вышвырнула ее за окно. Опустила голову, еще постояла. Ее обычный жест: «А!» Она включает на полную мощь радиоприемник. Раздается веселая песенка «Угадайки». Голоса дикторов.

Голос (*изображающий мальчика Борю; с большим энтузиазмом*). Ой, сколько мы писем получили сегодня, дедушка! В каждом из них ребята отвечают на наши вопросы.

Благородный мужской голос (*игриво*). В прошлой «Угадайке» мы, кажется, передавали голоса птиц и зверей. Кто правильно ответил на наши вопросы? Ну-ка, Боренька?

Голос Бореньки. «Первым вы передавали стрекотание кузнечика, – пишет нам Лева Пысин из города Брянска. – Я часто слышу пение кузнечика на лугах». Лева шесть лет... Он всегда помогает своей маме.

Благородный мужской голос. Смотри, какого кузнечика нарисовал Лева Пысин из города Брянска.

Голос Бореньки. Ой, какой хороший кузнечик! Маленький, настоящий!

Благородный мужской голос. А вот Володя Спицын из города Гомеля Белорусской ССР не узнал стрекотание кузнечика и решил, что это кричит крокодил.

Смех в репродукторе.

Евдокимов (*просыпается, благодушно*). Вы не сон... к счастью?

Наташа. Я быль, к счастью.

Евдокимов садится на кровати.

Голос из репродуктора. «Вторым вы передавали по радио крик слона», – пишет Володя Воробьев, пяти лет, из города Сольвычегодска. Володя не умеет писать, и письмо за него написала мама. А слона Володя видел в зоопарке.

Евдокимов. Брось мне конфеты.

Наташа. Конфет нету.

Евдокимов. Где они?

Наташа. Я их в окно выбросила, чтобы они наконец у тебя кончились.

Евдокимов. Ясно.

Голос по радио. А вот Коля Бурмистров из города Выборга не узнал слона. И решил, что это кричит жаба.

Евдокимов. Быстро ты оделась.

Наташа. Я немного проспала.

Евдокимов. Тебе попадет?

Наташа. Попадет – не попадет, не важно.

Евдокимов. Мне снился сегодня в первый раз сон.

Странно. Тебе снились сегодня сны?

Наташа. Снились.

Евдокимов. Ну и что же тебе снилось?

Наташа. Что-то большое... чистое... настоящее... Потом пришел вчерашний гражданин и объяснил мне, что это был просто слон, которого вымыли в ванне. А я его и не узнала. Совсем как Коля Бурмистров из города Выборга.

Евдокимов. Перестань, ладно?

Наташа (*стоя у окна*). Какое чистое небо! Чистое-чистое... Ну я пошла.

Евдокимов. Не поворачивайся. Я оденусь, провожу.

Наташа. Не хочу, чтобы ты провожал... Да и ты не очень хочешь.

Евдокимов. Как знаешь... Когда ты вернешься?

Наташа. Денька через три.

Евдокимов. Быстрые у тебя полеты. Значит, встретимся в понедельник в восемь вечера. У метро «Динамо». Идет?

Наташа. В восемь вечера у метро «Динамо».

Евдокимов. Если что изменится, позвони 295-5000, добавочный 365. Легко запомнить. В номере есть какой-то ритм.

Наташа (*резко повернулась, подошла к нему вплотную*). Поцелуй меня, ну, быстро! (*Засмеялась.*)

Евдокимов (*поцеловал ее*). Я был неправ – у тебя дивный смех.

Наташа. Просто – утро. Прощай, Электрон Евдокимов.

Вы очень милый товарищ.

Евдокимов. Салют, Наташка, до понедельника.

Она уходит. Стук захлопнувшейся двери. (Вскакивает с кровати, напевая, подходит к столу. Ищет сигареты и вдруг натывается на записку, читает.) «Ты ничего не понял. Я думала, ты поймешь... И получился – юморочек. Встречаться не надо. Наташка».

Затемнение

Большая комната в НИИ. Четыре стола – в ряд, как парты. В углу комнаты стоит доска. У доски – Владик (очкастый парень, которого мы уже видели в кафе «Комета») и Евдокимов. Оба одновременно пишут на доске. Что они пишут, мы не видим, а видим только обратную сторону доски, на которой мелом торжественно начертано разными почерками:

Евдокимов – лапочка.

Евдокимов – дуб.

Евдокимов – душечка.

Евдокимов – кретин.

В противоположном углу комнаты сидит третий научный сотрудник – Галя Острецов а. Она тоже что-то пишет. В комнате два телефона. Один – на столе у Гали, другой в противоположном углу, за доской, – на столе у руководителя групп-

пы Семенова. Звонок телефона на столе у Гали.

Галя (*сняв трубку*). Семенова нет. Он на установке «Альфа».

В продолжение картины все заняты делом. Весь разговор идет «между делом». Это привычная, никого не отвлекающая болтовня. Далекие удары, похожие на разряды.

Опять Гальперин начал рвать свои проволочки... Кстати, мальчики, с этими проволочками получается труднообъяснимый эффект.

Звонок телефона на столе Гали.

(*Подняв трубку*). Семенова нет. Семенов на «Альфе»... (*Продолжая работать.*) Кстати, в девяносто третьем ящике все установки называют именами цветов. Установка «Флокс». Звучит?

Евдокимов (*у доски, мрачно*). Целый день хочется жрать. К чему бы это?

Галя. Я думаю, к дождю.

Молчание.

Евдокимыч, сыграем после работы в шахматы? Мне надо

сыграть с заведомо слабым противником.

Владик (*у доски*). Одни люди живут, чтобы есть. Другие едят, чтобы жить. Острцова ест и пьет, чтобы играть в шахматы.

Галя. Владюша, ты вдумчивый мальчик. Но ты ошибся. Шахматы для меня не страсть, а цель. Человек должен все время ставить новые цели и добиваться. Я добилась первого разряда по лыжам. Потом стала мастером по пинг-понгу. Теперь я буду мастером по шахматам... Потом добыю еще одной вещи... Хочешь, скажу какой, Евдокимыч?

Евдокимов. Ну?

Галя. Фигушки. Ничего я тебе не скажу. (*Собирая бумаги.*) Я ушла на модель. (*Выходит из комнаты.*)

Владик. Эта твоя... в кафе... ничего была.

Евдокимов. Да, неплохая...

Владик. Я вас вчера искал перед закрытием. Но вы куда-то исчезли.

Евдокимов. Мы исчезли.

Владик. Не понял. Поподробнее.

Евдокимов. Я не люблю поподробнее...

Молчание. Возвращается Галя.

Галя. Мы пробирки заказывали?

Евдокимов. Нет, это Владик-маленький заказывал. Из тридцать девятой лаборатории.

Галя (*садится за свой стол*). Драма, мальчишки. Мы работаем вместе целый год и до сих пор не придумали друг другу прозвища. Есть предложение называть Евдокимова «многообещающим». Я буду – «элегантная». «Элегантная Острцова из почтового ящика». А вот Владюша...

Входит Феликс, высокий красивый парень. Он медлителен, даже величав. Он разговаривает выспренно, патетически и в то же время очень серьезно. Так что нельзя понять, шутит он или говорит всерьез.

Феликс. Здорово, отцы. Принес переводы.

Галя (*не отрываясь*). Как живешь, Феликсончик?

Феликс. Мог бы лучше, мать. Плохо живу. Очень я огорчен. (*Трагически.*) Понимаете, много платят, а вот я считаю, что истинный человек должен получать мало. Он должен работать ради энтузиазма! Ради дела! Может, я неправильно считаю, пусть старшие товарищи меня поправят. (*Евдокимову.*) А ты все тоскуешь по мне, отец?

Евдокимов. Не говори.

Феликс. Я вот тоже. Я всегда тянусь к тебе, Евдокимов, как тянется цветок навстречу утреннему солнцу.

Евдокимов. Отчего-то мне всегда хочется говорить тебе гадость, Топтыгин. К чему бы это?

Галя. Я думаю, к дождю.

Феликс. По-моему, все проще. Ты очень много кушаешь,

Евдокимов. А диалектика жизни такова: когда кони сытые — они бьют копытами. (*Уходит.*)

Звонок телефона.

Галя (*подняв трубку*). Семенова нет, Семенов на «Альфе».

Евдокимов. Ученый, который взялся заведовать отделом информации. Переводики составляет, кретин.

Галя. Ты очень впечатлительный, Евдокимыч. Ученого из него все равно бы не получилось. А там и оклад у него большой, и сидит на своем месте.

Евдокимов (*встал*). Не могу!.. Если придет Семенов, я в буфете. (*Уходит.*)

В комнате остаются Галя и Владик. Владик по-прежнему стоит у доски, что-то пишет. Галя усмехается, снимает трубку своего телефона, набирает номер. Звонок телефона на столе у Семенова, за доской.

Владик (*бросаясь к телефону*). Алло!

Галя (*тихо, в своем углу*). Здравствуйте, Владик, это опять я.

Владик (*не без кокетства*). Кто же мне все-таки звонит?!

Галя. Красивые девушки, Владик, не прощают, когда их не узнают по телефону.

Владик. Ну, совершенно не могу вас вспомнить. У вас весьма знакомый голос. Но вспомнить не могу. Ну, скажите... ну примерно, откуда вы меня знаете?

Галя (*роковым голосом*). В жизни, Владик, так много ясного. Пусть у вас будет хотя бы одна загадка... Нет, пока вы меня сами не узнаете, я вам ничего не скажу.

Владик. Вы меня не разыгрываете?

Галя. Что вы, Владик! Мы взрослые люди. Вы просто мне нравитесь. Поэтому я вам звоню.

Входит Семенов, за ним Евдокимов с бутербродами.

Семенов (*глядя на разговаривающих*). Любопытно! (*Саркастически.*) Был один телефон – занимали. Добился – поставили два телефона. Два занимают! Поставим десять телефонов!.. (*Махнул рукой, начинает быстро расхаживать по комнате.*)

Владик (*шепотом в трубку*). Здесь пришли. Позвоните завтра, хорошо?

Галя (*так же*). Хорошо.

Вешают трубки.

Семенов молча продолжает расхаживать.

Бегуны прошли половину дистанции.

Семенов. Каждый раз... я мысленно расстреливаю себя

за то, что взял в лабораторию Острецову.

Галя. Вы очень впечатлительный, Петр Сергеевич.

Семенов (*походил, вдруг остановился, неожиданно заулыбался*). Так вот. Трубы на «Альфе» в норме, герметичность – экстра. Короче, разрешение на опыт Евдокимова даю. И Гальперин тоже дает.

Евдокимов (*стараясь небрежно*). Ясно.

Семенов. Ты не стесняйся, ты улыбайся, Электрон. (*Расслаживаясь*.) Только нужна будет осторожность, ребятки. И главное – меньше темперамента. А то Евдокимов Электрон со своим темпераментом...

Евдокимов. Все ясно, Петр Сергеевич.

Семенов (*поднимая трубку телефона, заученно*). Третий? Алло! Милая, красивая, хорошая, Семенов Петр Сергеевич тебя беспокоит. Оформи мне заявочку... Значит, машина на установку «Альфа». Часикам к трем... Молодежь свою на экскурсию повезу. (*Вешает трубку*.) Ну, по домам! (*Надев какую-то разбойную, помятую кепку и допотопное пальто, начинает на ходу делать записи в журнале*.)

Галя (*одеваясь*). Вы бы хоть кепку приобрели новую, Петр Сергеевич. Все-таки руководитель группы.

Семенов (*не отрываясь*). Зачем? Симпатичная кепка с остатками былой красоты.

Галя. Знаете, Петр Сергеевич, современный человек может ходить в чем угодно. Только у него должны быть в порядке обувь и головной убор.

Уходит, за ней **Владик**.

Семенов (*по-прежнему не отрываясь от журнала, добродушно*). Все вы тряпичники, забодай вас комар. Я в вашем возрасте водку пил, а вы тряпьем занимаетесь. (*Засмеялся*.) Хорошая девушка эта Острцова. Только язык – лезвие.

Евдокимов. До свидания, Петр Сергеевич.

Семенов. Подожди, вместе пойдем... Да, был у меня друг, понимаешь, на фронте. Было ему тогда столько, сколько мне сейчас. Один раз приходит и говорит: «Полюбил». Я ему вопрос: «Красивая?» – «Да нет, не особенно...» – «Характер, спрашиваю, у нее, что ли, экстра или душа?» – «Да нет, отвечает, ничего особенного, просто молодая». Я тогда удивился, не понял... (*Грустно*.) А вот сейчас иной раз встретишь девушку и засмотришься. Потом думаешь: да что в ней особенного?.. Ничего. Просто молодая. Значит, стареть стал?

Евдокимов. Не знаю.

Семенов. Когда-нибудь узнаешь. (*Усмехнулся*.) Тяжелая будет неделя... Только ты... смотри... постарайся обойтись эту неделю без своих «ля-ля».

Они выходят. Кабинет пустеет. Бьют часы. Бьют шесть.

Затемнение.

В затемнении – голос Наташи: «Товарищи пассажиры, в восемнадцать ноль-ноль мы будем пролетать над городом Ждановом». Самолет. Кухня в самолете. **Наташа**, в синей форме стюардессы, раскладывает обед на подносы. Входит вторая стюардесса – **Ира**, очень маленькая, очень молчаливая девушка по прозвищу «Мышка».

Потом появляется штурман **Лева Карцев**.

Карцев. Что у вас хорошего, девочки?

Наташа. Как всегда – характер.

Карцев. В Адлере – тридцать восемь градусов.

Наташа. Очень интересная публика. У меня сидит такой пожилой товарищ, похож на Жана Габена. Он чтец и все время говорит: «В данном театральном сезоне». Хочешь яблочка?

Карцев (*взял*). Наташка, ты лучшая девушка Москвы и Московской области.

Наташа. Ты ошибся. Я лучшая девушка в СССР.

Карцев. Почему ты не носишь серую форму? Она тебе очень идет.

Наташа. Пошел говорить глупости.

Ира. Серая у нее в чистке.

Наташа. А ну, Мышка, шустри в салон!

Ира выходит с подносом.

Карцев. Почему ты опоздала на рейс?

Наташа (*вдруг сделала па*). Левка, мне предлагают стать манекенщицей. Согласиться? «Для полных женщин мы по-прежнему рекомендуем строгие формы... В этом году войдет в моду застроченная встречная складка...» Сойдет?

Карцев. Так я не понял, почему ты опоздала?

Наташа. Это и понимать не надо. Проспала – и все. Тира-ри-ра. (*Повернулась, взглянула на себя в зеркало.*) Ах! Ну до чего же прелестна эта женщина!

Карцев. Что с тобой сегодня происходит?

Наташа. Не знаю. Я несчастная сегодня, Лева... и почему-то счастливая. И где счастье, где несчастье – никто ничего не знает. (*Засмеялась.*)

Карцев. У тебя отличный смех, Наташка!

Наташа. Ты ошибся, Левушка. У меня глуповатый смех.

Возвращается Ира.

Карцев (*сразу официально*). Слушай, лучшая девушка Москвы и Московской области. Ты что, серьезно переходишь на спецрейсы?

Наташа. Ага. С конца месяца буду летать в Европу. Хорошо! Только вот по Мышке буду тосковать.

Ира вновь уходит с подносом.

Карцев. Слушай, Наташка!

Наташа. Опять, да?

Карцев. Не надо со мной шутить. Ты меня знаешь.

Наташа. Еще что?

Карцев. Я люблю тебя. Люблю!

Наташа. Не надо повторять это слово. Нужно быть сдержанным... Ты чудный парень, Левка... Когда ты водишь самолет и свою машину... ты ужасно значителен. Мужчинам идет заниматься делом... Но когда ты начинаешь объясняться...

Карцев. Это все из-за Мыши?

Наташа. Что ты! Если бы я любила, ни на Мышь... ни на что...

Карцев. Понятно. Ты просто восторженная дура!.. И пропадешь ты с этим ожиданием любви абсолютно ни за что!

Наташа. Может, я уже пропала... Ну смеюсь, смеюсь. Я когда пропаду – сразу тебе дам знать.

Возвращается Ира.

Ну, до свидания, до свидания, Левушка. Не мешай нам работать.

Карцев уходит.

Ира. Зачем он приходил?

Наташа. А! Спрашивал, почему я опоздала на рейс.
(*Взглянув на Иру.*) Глупая ты моя Мышь... Ты очень его любишь?

Пауза.

Ира. Очень... Иногда мне кажется, что он меня позовет, и я за ним – вот куда угодно!

Молчание.

Наташик, интересно, ты бы могла... куда угодно... только вот сразу?

Пауза.

Наташа. Нет... Не могла.

Молчание.

Вообще, Мышь, все эти разговоры тебе ни к чему. Выкинь из головы все эти глупости. Тебе только семнадцать, ты еще зеленая!

Ира. Да...

Молчание.

Счастливая ты, Наташка. Все за тобой ухаживают. Счастливая ты!

Наташа (*вдруг села, сжала виски, глухо*). Иди в салон, Мышь.

Ира. Что ты, Наташка?!

Наташа (*сразу спокойно*). Ерунда... немного прожгло обшивочку. Эх ты, Мы-ышь! (*Встала, привычным жестом одернула юбку. Взглянула в зеркало.*) Ах! Ну до чего же прелестна эта женщина! (*И ритмичной походкой стюардессы она направилась в салон.*)

Ее веселый голос: «Товарищи пассажиры! Полет проходит на высоте восемь километров. Скорость полета шестьсот пятьдесят километров в час. В девятнадцать часов две минуты мы будем пролетать над городом Харьковом».

Затемнение.

Улица. Справа – огромное окно парикмахерской. Окно раскрыто. В глубине, за окном, видна голова женщины. Линии проводов вокруг головы придают ей нечто марсианское. У окна, рядом с креслом, парикмахерша **Лилька**. Она переговаривается со стоящей на улице **Наташей**. Наташа, как всегда, с чемоданчиком и букетиком цветов. Слева на улице,

на скамейке, – очередь: интеллигентный мужчина, всхли-
пывающая девушка, ее подруга, толстая женщина.

Наташа (*Лильке*). Только ты мне как следует уложи. Мне сегодня очень нужно выглядеть.

Лилька (*она в очень свободном халате*). Милая ты моя, да я тебе такую прическу отгрохаю! Осень ты моя золотая, румяные щечки...

Интеллигентный мужчина (*безнадежно*). Вика! Ну скоро, наконец, там?!

Лилька. Не волнуйтесь, гражданин! Ваша дама на сушке. (*Опять затараторила, Наташе.*) Я к тебе вчера забежала с Нелькой Комаровой. Ты была в полете. Да, совсем забыла спросить, как я в рыжем цвете?

Наташа. Ничего.

Лилька. Значит, мы с Нелькой к тебе заходим – и твоя благоверная так на тебя разорялась!

Наташа. Да?

Лилька. Что ты дома последнюю ночь не ночевала... И если это повторится – она тебя вообще выгонит из дому... Такое наговорила!

Наташа. Нервы.

Лилька. Ты не расстраивайся! Я когда с моим Ленкой гуляла, моя благоверная...

Наташа. Ну, ладно! Благоверные какие-то пошли... Хватит!

Девушка в очереди (*подруге*). Соня, ты не плачь! У тебя все права есть!.. Товарищи, так же нельзя – она невеста.

Толстая. Все мы невесты.

Интеллигентный мужчина. Все-таки вы, я полагаю, не невеста.

Толстая. Ты про меня не полагай – ты про жену свою полагай.

Девушка. Нет, так же нельзя, товарищи! У нее номерок на девятнадцать часов во Дворец бракосочетаний! Она на свадьбу опаздывает. Товарищ парикмахер!

Лилька (*сразу сварливо*). Невест, девушка, у нас отдельный парикмахер обслуживает. Он на бюллетене. А у меня не тысяча рук – я разорваться на клиентов не могу! Невесты в порядке общей очереди.

Невеста безнадежно всхлипывает, глядя на часы.

(*Снова шепотом, Наташе.*) Эх и дуры мы... какие мы все дуры. Я иногда на своего Леньку смотрю – и чего я в нем нашла? За мной дипломаты ухаживали. Но вот появился этот бес Ленька...

Наташа. Когда... у тебя?

Лилька. Через пять месяцев.

Наташа. Боишься?

Лилька. Да... Он у меня уже там ручками-ножками шевелит... Так хорошо бывает! Мы с Ленькой теперь как заве-

денные ходим – имя ему придумываем... Ух! Я тебе сейчас такую голову отгрохаю. (*«Марсианке».*) Гражданочка, у вас в норме. (*Освобождает ее от проводов. Наташе.*) Садись.

Наташа. Я, пожалуй, невесту пропущу.

Лилька. Да ты что?

Молчание.

Ты ведь спешишь?

Наташа. Ага, спешу... Я пойду, а то опоздать могу. Не люблю опаздывать.

Пауза.

Лилька. Я думала, тебе действительно нужно сегодня... выгладеть.

Наташа. До свидания, Лилька.

Лилька. Сумасшедшая ты.

Наташа. Ну хватит, хватит!.. Яблочко возьми. Из Адлера.

Лилька. Эх, Наташка, и всегда ты кушаешь на ходу. (*Раздельно.*) Слушай... Если тебе... жить все-таки станет негде... ты к нам переезжай.

Наташа. Опять пошли какие-то глупости... Я побежала.

Лилька. Да, а как звать твоего?

Наташа. Какого моего?

Лилька. Ну ладно, ладно!..

Наташа. Ясенько. Моего любимого мужчину зовут Электрон. *(Уходит.)*

Лилька. А чего – Электрон? *(Заулыбалась.)* И необычно... и современно... *(Кричит.)* Ну кто там невеста? Эй, невеста!

Затемнение.

Площадка перед метро «Динамо». На площадке сейчас пустынно. Идет матч. Доносится рев и свист стадиона.

Голос радиодиктора. Одинадцатиметровый удар назначен судьей Клавсом за игру Иванова, номер четыре.

На площадке разгуливает **Евдокимов**. Смотрит на часы. Появляется **Наташа** с тем же чемоданчиком и цветами. Они стоят и молчат.

Наташа. Чего же ты пришел, Эла... Я ведь написала, чтобы ты не приходил.

Рев стадиона.

Голос радиодиктора. Мяч в ворота «Кайрата» забил Кожемякин, номер девять.

Евдокимов. Я на всякий случай... Кстати, тебе очень идет косынка, Наташа.

Наташа. Ничего мне не идет. Просто в парикмахерскую никак не выберусь. Ненавижу ходить по парикмахерским, Эла.

Евдокимов. Как ты здорово меня называешь – «Эла». Знаешь, «Эла» – это мысль! Просто выход из моего положения. *(Смеется.)* Ну давай твой чемоданчик.

Она отрицательно качает головой.

Самостоятельная?

Наташа *(кивает)*. Я пришла... просто... узнать, как у тебя твои важные дела?.. Я принесла тебе счастье?

Евдокимов. Ясно. Принесла.

Наташа. Честно?

Евдокимов. Честно... Слушай. Ты сегодня что-то ужасно красивая.

Наташа *(засмеялась)*. Ты в хорошем настроении, да?

Евдокимов. Я в потрясающем настроении. Я тебя сейчас, наверное, поцелую.

Наташа. Не надо! Не люблю, когда целуются на улицах. Вообще не люблю, когда что-то афишируют.

Евдокимов. Ты мне просто невозможно нравишься... К чему бы это? Я думаю – к дождю.

Наташа. К какому-то дождю... Ты просто поглупел сего-

дня. Стоишь очень глупый и не такой самоуверенный. Это тебе идет.

Евдокимов (*заметил ее букет*). Ой, Наташка, простите, я не купил вам цветы.

Наташа. Какая чепуха. Ненавижу, когда мне дарят цветы. Я сама себе все дарю.

Евдокимов. Опять забыл, ты ведь самостоятельная... И куда же мы двинемся?

Наташа (*торопливо*). Мы просто погуляем сегодня, хорошо?

Пауза.

Евдокимов. Да.

Наташа. Всю жизнь хочу выбраться в зоопарк. Там что-то родилось у бегемота...

Затемнение.

Голос по радио. Сегодня в зоопарке демонстрируются вновь поступившие животные: пантера Роза с потомством, вьетнамская свинья и камерунские козы...

Пионеры, школьники и другие посетители! Клуб любителей при зоопарке объявляет конкурс на лучшую фотографию отечественных животных зоопарка. Принимаются черно-белые и цветные фотографии размером восемнадцать

на двенадцать, в двух экземплярах. Лучшие фотографии будут премированы свинками, белыми мышами и книгами.

Зоопарк. Вольер с надписью «Вилорог». Указатель со стрелками: «К носорогу», «К бегемоту», «К тиграм и львам». Скамейка у вольера. На скамейке сидит Евдокимов, рядом стоит Наташа. Вдоль вольера прогуливается сторож.

Наташа. Что ты сел? Мы ведь не посмотрели камерунскую козу.

Евдокимов. Может, лучше навестить носорога? Все-таки у него рог есть. Хоть какое-то развлечение. Интересно, отчего меня всегда мутит в зоопарке?

Наташа. Наверное, ты не любознательный, Эла. Евдокимов. Нет. Скорее всего это от клеток. Слишком много клеток... Слушай, может, нам сфотографироваться на фоне жирафа, на память?

Наташа. Опять ты смеешься. Ну пойдем к козе.

Евдокимов. Я не могу идти к козе. Я лучше задам тебе один вопрос. Из чисто познавательных соображений.

Наташа. Да? Какой вопрос?

Евдокимов. Отчего мне все время хочется сегодня тебя поцеловать? К чему бы это?

Наташа. Я думаю – к дождю, как ты говоришь всегда... Ну вставай, ну пойдем. Вьетнамскую свинью посмотрим, а то ее на обед скоро закроют.

Евдокимов. Ну и пусть. Пусть свинья спокойно пообедает... Наташка, мне осточертели лисицы, свиньи, козы и жирафы... Слушай, с тобой очень трудно ходить рядом. На тебя все смотрят, как ненормальные. *(Смеется.)* Нет, я определенно хочу тебя поцеловать.

Наташа. Ты просто ужасный «чмокальщик». Что с тобой сегодня?

Евдокимов. В каком смысле?

Наташа. Ты совсем другой товарищ.

Евдокимов. Просто раньше я был сосредоточенный. А сегодня я счастливый. Я по натуре величайший оптимист СССР... Ну сядь!

Наташа. Нет.

Евдокимов. Ну не бойся.

Наташа. Я не боюсь. Я уже сказала: не люблю, когда целуются при всех.

Евдокимов. Что ж, резонно. Слушай, Наташка, вот ты меня не хочешь поцеловать, да? А может, я великий ученый... Смейся, смейся. Вот я сижу здесь среди орлов с обрезанными крыльями. А может быть, я разработал такой опыт...

Наташа. Ты, да? *(Смеется.)*

Евдокимов. Ну вот, не веришь? Ну удавиться – разработал! Ты знаешь вообще, кто я по профессии?

Наташа. Ты хвастун.

Евдокимов. А ты не хочешь меня поцеловать!.. Может

быть, я «кувырнусь» во время опыта...

Наташа. Как «кувырнешься»?

Евдокимов. Ну как, как... Погибну. Знаешь, как в этом фильме...

Наташа (*кричит*). Перестань! И никогда не смей так шутить!

Евдокимов (*засмеялся*). Сядь, а?

Наташа. Не сходи с ума.

Евдокимов. Ты боишься сторожа? Давай на компромисс: я тебя буду целовать, пока этот Топтыгин пойдет в ту сторону... Знаешь, я еще никогда не целовался среди тигров и бегемотов. (*Целует ее.*)

Сторож тотчас же оборачивается.

Евдокимов (*сторожу*). Привет.

Сторож. Здравствуйте. (*Проходит.*)

Евдокимов. Зверей охраняете, шеф?

Сторож. Зверей.

Евдокимов. От кого же вы их охраняете?

Сторож. От людей.

Евдокимов. Правильно. Человеку дай волю – он сразу тигра загрызет. Давно вы здесь работаете?

Сторож. Четвертый год.

Евдокимов. Все вилорога охраняете?

Сторож. Зачем? Я и моржа охранял, и львов. Я подмен-

ный сторож.

Евдокимов. Здорово. А лев моржа съест?

Сторож. Съест. Лев всех съест. Он царь зверей.

Евдокимов. Вот зверюга. А морж много рыбы у государства жрет?

Сторож. Много.

Евдокимов. Безобразие. А тысячу рыб морж сожрет?

Сторож. Морж и две, и три сожрет. Сколько дашь – столько и сожрет.

Евдокимов. Почему у вас звери такие молчаливые? Не кричат, не орут.

Сторож. Чего им орать?! Сыты, никто не обижает. Зверь – он кричит, когда тоска на него находит... Или в постный день. Вот тут он легкие развивает. Зверь – искренний. *(Прходит.)*

Наташа. Вот интересно. *(Замолчала.)*

Евдокимов. Что?

Наташа. Что ты подумал, когда я ушла?

Евдокимов. Эх, ты! *(Целует ее.)*

Сторож тотчас же оборачивается.

А гиппопотама лев съест?

Сторож. Лев и гиппопотама съест. Всех съест.

Наташа. Возьмите яблочко. Очень хорошее. Из Адлера.

Сторож. Спасибоочки. *(Прходит.)*

Евдокимов (*Наташе*). Я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

Наташа. А! Ни о чем я не думаю. Глупость все это.

Евдокимов. И почему ты написала то письмо... тоже знаю.

Наташа. Ну ладно, ладно!

Евдокимов целует ее, сторож тотчас же оборачивается.

Евдокимов. Так как же насчет тигра, шеф?

Сторож (*радостно*). И тигра лев съест. Лев всех съест. Он царь зверей. (*Проходит.*)

Евдокимов. Легче нужно относиться ко всему, Наташка!

Наташа (*тихо*). Я и так, Эланька, очень легко отношусь.

Евдокимов. Ты относишься, а потом себя грызешь. Понимаешь...

Наташа. Ну молчи, молчи.

Евдокимов. Ведь я знаю, как тебе было трудно... потом...

Наташа. Не надо.

Евдокимов. Улыбнись. Все хорошо, да?

Наташа. Да, все хорошо, Эла.

Евдокимов. Давай простимся с этими бегемотами и пойдем в нашу «Комету».

Наташа. У нас уже есть что-то «наше»... Только, Эла... Я сегодня... к ночи должна быть обязательно дома.

Евдокимов. Нереально.

Наташа. Нет, это нужно. Обязательно.

Евдокимов ее целует, сторож тотчас же оборачивается.

Евдокимов. А вот... какаду лев съест?

Сторож (*радостно*). Съест! Лев и какаду съест. Лев всех съест. Царь зверей.

Затемнение.

Ночь. Та же стоянка такси. Тот же **парень** сидит на тротуаре. Проходят **Наташа** и **Евдокимов**.

Наташа (*увидела парня и почему-то безумно обрадовалась*). А, здравствуйте, здравствуйте.

Евдокимов. Ждем «букашку»?

Парень. Ждем.

Евдокимов. Дать сигарету?

Парень. Не дать. Сегодня понедельник.

Наташа. Опять нету такси...

Молчание. Они стоят обнявшись.

Ты какого писателя больше всех любишь?

Евдокимов. А что?

Наташа. Ничего. (*Отчаянно.*) Нет, не то! Вот с тобой я отчего-то дура. А без тебя – я столько хочу тебе рассказать. А! Все не то! Я просто, наверное, очень мало читала. У меня,

как ты сказал, жуткий лексикон...

Молчание.

Хочешь, скажу одну вещь?

Евдокимов. Скажи одну вещь.

Наташа. Знаешь, где я тебя увидела первый раз?

Он удивленно глядит на нее.

Нет, не в «Комете». (*Смеется.*) Это было три года назад, в Политехническом музее. Там был вечер «Кем быть»... и ты тоже выступал от университета... Я тебя сразу узнала в «Комете».

Евдокимов. А ты что делала в Политехническом?

Наташа. Решала, кем быть. (*Смеется.*) И до сих пор не решила... Почему я все время с тобой смеюсь?.. Такси нет... Интересно, вот мы стоим сейчас, будто все это так и надо. А потом... когда-нибудь... я буду вспоминать об этом дне как об ужасном счастье.

Евдокимов (*шепотом*). Ничего не понимаю. Никогда у меня так не было. Вот всегда...

Наташа. Яне хочу знать, как у тебя было всегда... Куда исчезли такси?

Евдокимов. Пойдем?

Наташа. Опять все то же!

Евдокимов. Ты боишься?

Наташа. Какая ерунда.

Евдокимов. Значит, боишься. Идем. Наташа. Идти, да?

Евдокимов. Да. Туда.

Наташа. Туда?

Евдокимов. Смешно. Когда ты волнуешься, ты всегда повторяешь слова.

Наташа. Совсем я не волнуюсь. А! *(Она махнула рукой, и они пошли к парадному.)*

Парень. Эй, друг!

Евдокимов обернулся.

(Смеется.) Одну.

Евдокимов. Держи всю пачку. *(Бросает пачку.)* Эх ты, Топтыгин.

Парень. Спокойной ночи.

Евдокимов. Салют, Топтыгин.

Затемнение.

Раннее утро. Звуки радиоприемника (передают гимн).

Голос радиодиктора. Доброе утро, товарищи...

Лестничная клетка. Перед дверью квартиры Наташи. Пря-

мо на лестнице стоит чемодан, привязанный веревкой к дверной ручке.

Сначала раздается Наташин голос, поющий песенку. Потом на лестничной площадке появляется сама Наташа. Останавливается, рассматривает чемодан.

Наташа. Ясненько. *(Начинает отвязывать.)* А! Переживем.

По лестнице сверху сходит Лилька. Волосы у нее теперь выкрашены в черный цвет.

Лилька. Доброе утро! Ты чего это?

Наташа. Ничего. *(Отвязывает чемодан.)* Улетаю.

Лилька. Выгнала, значит, благоверная? Наташа. Опять благоверные какие-то пошли. Просто улетаю. Ясно? Никто меня не выгонял. *(Поднимает чемодан.)* «Что нам, летунам», – как говорят в Аэрофлоте... Значит, стала черная?

Лилька. Да, нужно черной попробовать. На всякий пожарный. *(Волнуясь.)* Ну как я?

Наташа. Очень прилично. Я побежала. Лилька. Чемодан ты можешь к нам поставить... И вообще можешь у нас пока пожить.

Наташа. Какая чушь.

Лилька. Дуреха. Гордая дуреха.

Наташа. Знаешь, мне что-то уже надоело. Все: дура, ду-
реха, глуповатый смех... Никакая я не дура. Ясно? (*Попра-
вила волосы, откинула голову, пошла по лестнице.*) Ах, до
чего же прелестна эта женщина. (*Уходит.*)

Лилька остается на площадке. Дверь соседней квартиры
открывается. На площадку выходит Феликс, вынимает газе-
ты из ящика.

Феликс. Здравствуй, мать.

Лилька. Здравствуй.

Феликс. Ты что же, мать, стала цвета маренго? Лилька.
Ну тебя! Наташку мать выгнала. Феликс. Это что, в связи с
новой любовью? Лилька. Да.

Феликс (*помолчав*). Ты бы к себе ее пока поселила, а?

Лилька. Не хочет. Она улетела.

Молчание.

Поговори с ней. Ведь вы... когда-то...

Феликс (*резко*). Ну и скоро ты увеличишь население го-
лубой планеты Земля?

Лилька (*заулыбалась*). Скоро.

Феликс. Приглашай меня крестным отцом. Всю жизнь
мечтаю быть крестным отцом. Имя-то хоть придумали?

Лилька (*счастливо*). Придумали.

Феликс. Ну?

Лилька (*улыбаясь*). Электрон...

Затемнение.

Комната в НИИ. Далекие разряды. На часах – без четверти шесть. За своими столами Евдокимов, Владик, Галя Острцов а.

Владик. Сегодня будем сидеть допоздна... Посетить, что ли, столовую?

Галя. Нецелесообразно. Там только что побывал могучий Евдокимов. После посещений могучего Евдокимова в столовой как-то становится нечего делать.

Молчание.

Впрочем, тебе это даже лучше, Владюша. Ты ведь бережешь свое телосложение.

Евдокимов. «У него не телосложение. У него – теловычитание», как сказал поэт!

Разряды. Входит Феликс с цветком в петлице.

Феликс. Принес переводы, парубки. Статья американского кибернетика Эшби «Интеллектуальные машины»... Это, я считаю, прямо для Евдокимова.

Владик. Разреши, Феликс, я сначала прогляжу. А то я

уезжаю.

Разряды.

Феликс. Вас не раздражает этот стук? У меня голова трещит из-за этих гальперинских проволочек. (*Владуку.*) Куда же это ты уезжаешь, парубок?

Владик (*проглядывая статью*). На «Альфу».

Феликс (*усаживаясь*). Как хорошо сказал!.. Готовитесь к опыту, отцы? Очень я вам завидую. Вот я считаю, что все подлинные ученые должны бесстрашно рисковать жизнью во имя науки. Вот интересно, правильно ли я считаю?

Евдокимов (*не поднимая головы*). Топтыгин ты...

Владик (*просматривая статью*). Сильная статья.

Феликс (*Гале*). А ты, мать, все такая же целомудренная. Сидишь в финской юбке, мохнатой, как медведь.

Галя. Откуда у тебя цветы, сынок?

Феликс. Подарок любимой. Даже точнее – экс-любимой.

Галя. Что же это у тебя за экс-любимая?

Феликс. Кстати, мать, отчего все целомудренные девушки так интересуются подробностями моей биографии...

Галя. Динозавр ты все-таки, Феликс... Просто интересно, откуда человек может доставать сейчас такие цветы.

Феликс. Человек не может. Человек слаб. Могут только стюардессы. Любите стюардесс, мальчики. Они привезут вам с юга такие же цветы. Любите их, тонких, изящных и длинноногих. Любите стюардесс.

Владик. Просто отличная статья.

Феликс. Вот так, Галчонок. Каждый свой день рождения я получаю по почте эти цветы. Она шлет их мне... анонимно. Представляешь, какая романтика? (*Патетически.*) Вот, по-моему... не знаю, прав я или нет... но мне кажется, что романтика и чистота – основные качества наших девушек. Вот интересно, правильно ли я считаю?

Галя. Хохмач ты, Фелька.

Разряды.

Феликс. Все-таки этот Гальперин безобразник.

Звонок телефона.

Галя (*берет трубку*). Семенова нет. Семенов в столовой... Нет, просто мы задерживаемся после работы, он пошел поужинать... Ясно. (*Вешает трубку.*)

Владик – к Гальперину! (*Уходит, за нею Владик.*)

В комнате Евдокимов и Феликс.

Феликс. Прочитал в «Лепр франсэз», что итальянские стюардессы избрали своей покровительницей святую Боннету... Это была самая длинноногая из всех святых. Кроме того, она имела склонность к путешествиям.

Молчание.

Я тебя видел с ней.

Евдокимов. С кем... с ней?

Феликс. Со святой Боннетой, естественно. Ты ее провожал. Мы со святой Боннетой живем в одном доме.

Молчание. Разряды.

Евдокимов. Что ж, ты ее хорошо знал?

Феликс. Неплохо знал.

Евдокимов. Да?

Феликс. Да. (*Насмешливо.*) Мы с ней дружили. Мы ходили вместе в кино и на каток, читали вслух статьи об интеллектуальных машинах. (*С пафосом.*) Вот я считаю, что дружба...

Евдокимов (*резко встал*). Ты врешь! Все врешь!

Феликс (*отступая, свалил стул*). Вру.

Евдокимов (*бешено*). Ты Топтыгин. Ясно?! Говори: «Я Топтыгин!...». Не скажешь, да?

Феликс (*очень спокойно*). Скажу. Я Топтыгин. Все? (*Поправляя галстук, так же спокойно.*) Она – настоящая... Это не так часто бывает... Ее мать выгнала из дому. Из-за тебя... Ты это учти.

Галя (*заглядывая в дверь*). Семенов не возвращался?..

Что это у вас стулья на полу? (*Исчезает.*)

Феликс. Это – диалектика жизни. Она такова. Когда кони сытые – они бьют копытами. (*Уходит.*)

Евдокимов один, возвращается **Владик**. Глядит на стул, лежащий на полу. Поднимает, потом набирает номер телефона.

Владик. Это из семьдесят девятой лаборатории. Здесь заказывали машину на «Альфу»... Хорошо, я жду вашего звонка по сорок девятому. (*Положил трубку.*) Очень сильная статья у этого Эшби. Охватывает страх, что никогда не сумеешь так мыслить... Понимаешь, мысль...

Евдокимов. Удивительно. Раньше мне очень нравилась твоя манера постоянно все анализировать. Теперь она меня раздражает. Почему?

Владик. С возрастом люди становятся примитивнее.

Евдокимов. Ты очень похож на английского физика. И еще тебе бы очень пошла пыжиковая шапка. Есть люди, просто созданные для пыжиковых шапок.

Звонок по телефону.

Владик (*берет трубку*). Хорошо... «Волга», 15–53?.. Я сейчас выхожу, спасибо. (*Положил трубку.*)

Пауза.

(Невозмутимо.) У всех у нас за неделю скапливается большое количество лишних эмоций. Они мешают нам мыслить. Короче – одни играют на трубе... Другие бросают стулья на пол... Но все мы так или иначе избавляемся от лишних эмоций.

Молчание.

Ты, вероятно, хочешь меня о чем-то попросить?

Евдокимов *(засмеялся)*. Как ты догадался?

Владик. Когда нормальные люди хотят о чем-то попросить, они становятся предупредительными. А ты становишься невыносим. Ты ненавидишь просить.

Евдокимов *(совсем развеселившись)*. Владька, ты отличный парень... Понимаешь, сегодня прилетает один человек... Мы с ней должны встретиться у метро «Динамо». В половине седьмого. А Семенов сегодня затеял работать. Короче, у меня горит свидание.

Владик. У тебя их мало горело?

Евдокимов *(небрежно)*. Да нет, я мог бы наплевать. Но оказалось, что этому человеку негде будет сегодня ночевать... Ты не сможешь подъехать к метро и передать записочку?

Владик. Исключается. В половине седьмого я должен

быть на «Альфе». *(Идет к дверям, повернулся.)* Что касается комнаты, я могу отдать свою. И переехать пока к брату.

Евдокимов. Спасибо. Ты чуткий. Но это не понадобится. У меня родичи на юге.

Владик. Ну, я рванулся.

Евдокимов. Рвись.

Владик уходит. Часы бьют шесть. **Евдокимов** снимает с вешалки свой плащ. В комнату входит **Семенов**, за ним **Галя**.

Семенов *(глядит на одевающегося Евдокимова)*. Вы что, Евдокимов?

Евдокимов. Простите, Петр Сергеевич, я, к сожалению, должен отлучиться на часок.

Семенов. Вы сошли с ума, да?

Евдокимов. Нет, я не сошел. Мне просто нужно отлучиться на часок.

Семенов. То есть как это «отлучиться»? У нас, кажется, опыт на днях, забодай вас комар. Последние дни...

Евдокимов. Я вернусь через час.

Семенов. Я договорился с вами: без «ля-ля». Договорился?.. Я не разрешаю вам. Точка.

Евдокимов. Так я пошел, Петр Сергеевич? Я через час вернусь...

Пауза.

Семенов. Идите.

Евдокимов уходит.

Вот черт!.. *(Начинает расхаживать по комнате.)* Ладно, всякое бывает. *(Расхаживает.)* Да... Мне нужно с вами поговорить, Галя. Это лучше сейчас. *(Резко, безапелляционно.)* Существует инструкция шестьдесят седьмого года. Женщинам работать на установках типа «Альфа» при намечаемых нами условиях... Короче, есть приказ: вас придется освободить от опыта...

Галя *(помолчав)*. Что ж... переживу.

Вновь молчание. Разряды слышнее.

Вы очень любите Евдокимова, Петр Сергеевич. Он вас тоже. Крайне трогательно... Евдокимов способный человек?

Семенов. У него есть интуиция. В конечном счете, ученый отличается от вахтера не знаниями, а интуицией. *(Расхаживает.)*

Разряды.

Галя. О чем вы сейчас думаете?

Семенов. О войне... И об интуиции...

Галя. Почему у вас такие мужественные мысли? Семенов. Вы очень похожи на одну девушку, Галя. Я был знаком с ней в войну.

Галя (*тихо*). И далее?

Семенов. Далее вступает интуиция. И говорит: что абсолютно не похоже. (*Резко.*) Вам придется завтра съездить на «Альфу» забрать режимы. Но это я вам потом объясню.

Молчание.

(*Расхаживает.*) Все похоже... Все очень похоже...

Молчание.

У меня во дворе стоит дуб и скамейка. (*Думая о чем-то.*) Дуб и скамейка... Да, дуб и скамейка...

Галя. Я уже усвоила: дуб и скамейка. Семенов. И под этим дубом всегда пары сидят. Раньше сидели и теперь. Посидят, посидят. Потом перестанут. Потом, уже днем, под тот же дуб вывозят коляску. А вечерами на скамейке уже сидит другая пара. Непрерывность жизни... Потом откроешь ночью окно... Их ребенок кричит. А ты слушаешь: орет! Молодец! Порядок!.. Потом затихает, мать, наверное, подошла...

Галя. Вы очень впечатлительный, Петр Сергеевич.

Пауза. Разряды.

Скажите, почему вы живете один?

Семенов (*сухо*). Потому что живу один...

Молчание. Разряды.

Вы хорошая девушка, Галя. Только немного язвительная... и сухая. Это мешает.

Галя. Вы тоже очень хороший человек, Петр Сергеевич. И даже не язвительный... и не сухой. (*Вдруг почти отчаянно.*) А что толку?! Вот я хорошая. Вы хороший. Мы хорошие... Да кому нужны хорошие? Не любят сейчас хороших!

Оглушительные разряды.

Семенов (*глухо*). Дает Гальперин!..

Галя. Вот она, уверяю вас, нехорошая. А он – побежал к ней! Видали как: забыл все и побежал! Потому что – нехорошая!.. Вот!..

Затемнение.

Двойной номер в гостинице. У столика с телефоном Наташа. На кровати спит Ира (Мышка).

Голос телефонистки. Москва, говорите.

Голос Евдокимова. Да.

Наташа. Алло, кто это?

Голос Евдокимова. Александр Сергеевич Пушкин, поэт.

Наташа. Эла, это ты? *(Смеется.)* Элочка, прости, что я не пришла сегодня к метро.

Голос Евдокимова. Прощаю.

Наташа. Да нет, мы в Ташкенте сидим... Нам вылета не дают. Элочка, ты был сегодня у метро?

Голос Евдокимова. Не важно.

Наташа. Был! Был! Я знаю. *(Смеется.)*

Голос Евдокимова. Почему это тебя так радует?

Наташа. Не важно. Просто так. А где ты шляешься допоздна? Я тебе сегодня весь вечер звоню – никто не подходит.

Голос Евдокимова. На работе был до одиннадцати.

Наташа. Это хорошо. Ты давай там работай шустрее, чтобы девушка могла тобой гордиться... Да, я сейчас начала читать... Ой, ты знаешь... Я это тебе потом расскажу. *(Смеется.)* Мне почему-то стало очень хорошо жить.

Голос Евдокимова. Серьезно?

Наташа. Ага. Ну как твои дела-то?

Голос Евдокимова. Хороши. А твои?

Наташа. В порядке... О какой чепухе мы сейчас говорим.

Голос Евдокимова. Ну а ты как живешь? Небось весе-

лишься направо и налево.

Пауза.

Наташа (*чуть задумалась*). Да. Веселюсь так, что пыль летит.

Пауза.

Голос Евдокимова. Серьезно?

Наташа. Абсолютно... (*Усмехнувшись*.) Ты даже не представляешь, как я развернулась.

Голос Евдокимова. Приедешь – расскажешь.

Голос телефонистки. Последняя минута.

Наташа. Эла, ну, я тебя... ну, в общем...

Голос Евдокимова. В общем, ты меня целуешь, и я тебя тоже. Как прилетишь, позвони.

Наташа. До свидания, Элочка.

Гудки в трубке. Наташа задумалась. Стук в дверь. Входит Карцев.

Карцев. Вылетаем завтра в ноль тридцать.

Наташа. Премиленько. Хочешь яблочка?

Карцев. Мышь!

Наташа (*торопливо*). Спит, спит.

Карцев. Люблю людей, которые умеют рано засыпать. Жить будут долго. *(Берет со стола брошюру, читает.)* «Программа для поступающих на филологический факультет МГУ». Чего это ты?

Наташа. Понимаешь, Левушка, я очень некультурная. Запас слов у меня маловат.

Карцев. Понятно. Решила учиться в самолете.

Наташа. Ага. Буду схватывать на лету. *(Смеется.)*

Карцев. Обожаю твой смех. Остроумная девушка... Остроумная женщина.

Наташа. Под газом?

Карцев. Несущественно. Ты читала Сент-Экзюпери? Я люблю Сент-Экзюпери. Он был летчиком. Он летал над землей людей. Ему было до чертиков одиноко в воздухе. Он стал писать. Он был настоящий мужчина. Он хотел выразить идею... *(Громко.)* Мышь!

Наташа. Тс!.. Ну ты же видишь! Человек спит. Обязательно надо кричать.

Карцев. Я к тебе заезжал перед полетом. Хотел тебя подвезти на аэродром.

Наташа. Да?

Карцев. Тебя выгнала из дому мать.

Наташа. Все?

Карцев. Нет. Начнем с того, что я тебя сейчас поцелую.

Наташа. Ты для этого выпил?

Карцев. Начнем с того, что пока с вами ведешь себя как

человек, вы...

Наташа. Ты очень хочешь сказать гадость?

Он молча встал.

(*Ловя последнее мгновение, резко и повелительно.*) А ну, сядь! Быстро!

Карцев (*сел, стараясь небрежно*). Не бойся.

Наташа. Я не боюсь.

Карцев. Боишься. Тогда ты тоже боялась. Я помню, как мы с тобой тогда горели... над степью... Ты ужасно боялась – и никто этого не заметил. Ты улыбалась – ты умеешь скрывать страх. Ты – «молоток».

Наташа. «Молотки» пошли. Сплошной Аэрофлот.

Карцев. И еще я тебя любил за то, что ты была... Когда при тебе говорили гадости, ты уходила и ревела. Как же ты...

Наташа. Не надо. Ты ведь ничего не знаешь, Левочка.

Карцев. Сент-Экзюпери – человек. Ты его почитай...

Прости, я хотел совсем по-другому.

Наташа. Знаю.

Карцев (*вдруг резко*). Слушай! Все ясно! Только одного я не понимаю: какого дьявола ты посылала мне поздравления на каждый праздник?! Какого дьявола...

Наташа. Не надо ругаться. Ну почему все надо понимать наоборот. Просто всем знакомым на праздники я посылаю открыточки. Людям приятно, когда о них помнят. В жизни

не так уж много тепла. Вот в прошлый Новый год я послала девяносто две открытки.

Карцев. Восторженная дуреха!

Наташа. Не надо. Если у меня есть друг на свете, то это, наверное, – ты.

Карцев. А когда-нибудь, не сейчас...

Наташа. Не надо!

Карцев. Значит, в следующий раз ты полетишь на спецрейсах?

Наташа. Ага.

Карцев. Ну, прощай, Наташка. *(Пошел к дверям, вдруг повернулся.)* Наташка, поцелуй меня на прощанье... сама.

Наташа. Поцеловать, да?

Карцев. Да... Только в губы.

Наташа. В губы?

Карцев. Не бойся.

Наташа. Яне боюсь. *(Подходит, целует его.)* Какой ты смешной товарищ.

Карцев. Все-таки ты лучшая девушка Москвы и Московской области.

Наташа. Я тебя прошу, будь с ней *(кивает на кровать, где спит Ира)* человеком. Понимаешь, Левушка, что бы ни случилось, главное – уметь остаться человеком.

Карцев *(помолчав).* А Экзюпери я тебе подарю. *(Уходит.)*

Ира садится на кровати.

Наташа. Ты не спала?

Ира. Нет, я не спала.

Наташа. Это даже хорошо.

Ира. Да, это хорошо! Ты лучшая Московской области! А ну-ка, идем, идем к зеркалу! (*Лихорадочно.*) Сними каблуки.

Наташа подходит к зеркалу, покорно снимает туфли.

(*Надевает их.*) Вот я уже такого роста, как ты или даже чуть выше!

Она не доходит на каблуках даже до виска Наташи.

Наташа. Да, чуть выше, Мышь.

Ира. И лицо у меня... Какое у меня лицо, разбирай меня!

Наташа. У тебя удивительное лицо.

Ира. Красивое!

Наташа. Больше чем красивое. У тебя родное лицо, Мышь. И ноги у тебя отличные.

Ира. Талия у меня сорок восемь! А ты туфли всегда кособочишь! Лицо у тебя – глупое! И мать тебя выгнала! И дома ты не ночуешь! Так почему же?!

Наташа. Ну зачем... Мышка?

Ира. И всегда ты смеешься. А я знаю, отчего ты всегда

смеешься. Все знаю. (*Торжествующе.*) Потому что если ты перестанешь смеяться... ты задумаешься над своей жизнью! И тогда ты умрешь! И я не позволяю называть себя мышью!

Длительное молчание.

(*Тихо, сквозь слезы.*) Наташа...

Наташа. Да, Ира.

Ира. Сходим вечером в кино?

Наташа. Конечно.

Ира. Ты прости.

Наташа. Выключи свет.

Ира щелкает выключателем. Темнота.

Ты права, Мышонок. Во всем...

Ира. Зачем, Наташа?

Наташа. Ты послушай. Полезно. В восемнадцать лет мы ужасные дуры. Кино, книжки, все – про *него*. И вот мы ждем *его*. Необыкновенного *его*.

Ира. Ну зачем, Наташа?

Наташа. Молчи, слушай, слушай. Это для тебя, Мышонок. И вот – *он*. Наш первый. И вот уже все случилось, потому что мы все ему готовы отдать, – ну *он* и берет. А оказалось, *он* – так... обычный... Многие ошибаются в первом. Понятно, ведь первый. Да и глупые мы еще. Ох, какие

мы... глупые... Но ведь все случилось. И тебе уже кричат со всех сторон: «Безнравственно! Ты что, девкой хочешь стать? Немедленно выходи за него замуж!» Дома, вокруг... И ты унижаешься, делаешь вид, что боготворишь его по-прежнему, – только бы он женился. И не дай бог, если он женится, потому что тогда... ну, я видела эти семьи.

Ира. Зачем, зачем, Наташа...

Наташа. Дальше, он не женился. На все тебе стало наплевать. Но одной трудно. У всех ведь есть *он*. Как же отстать-то! И еще – ошибочка... И еще... Но вот однажды ты говоришь себе: «Стоп! Стоп!» С этой минуты ты уже живешь одна. И ты начинаешь смеяться, и сама уже веришь, что тебе теперь все до лампочки! И твой девиз теперь: «Выдержка, выдержка и еще раз выдержка»... Но иногда бывает очень трудно... Идут девчонки с цветами. Ты тоже идешь с цветами. Только ты их сама себе подарила... Но самое трудное – это жить без кумира. Даю тебе слово, ужасно трудно... И вот однажды выдержка погорела. Я его увидела сначала в Политехническом. Он там неплохо выступал. Здорово выступал. Невероятно одухотворенный товарищ. Кумир! Но для него это все оказалось... так... Я бы его бросила, честное слово, как ни трудно! Но иногда мне кажется, что я для него... Знаешь, однажды мы ехали в такси, и он положил мне голову на плечо. Вот я бы никому не положила так голову на плечо!.. Потому что – выдержка... Главное, Мышь, тыне торопись. Вс е успеется. И никогда не теряй достоинства. Вот я

проверю... Если я действительно для него – просто... я уйду. Возьму и совсем уйду! (*Включает свет.*) А! Все бабья болтовня.

Ира. Наташка, неужели мы расстанемся!.. Обидно!

Наташа. Нет, это здорово, Мышонок. Нам теперь никогда не будет так хорошо... как прежде. Никогда.

Ира вдруг прижалась к ней.

Ну что?.. Что, глупая Мышь?..

Ира (*торжественно*). Я хочу, чтобы ты была счастливой. Будь, Наташа, за всех!

Наташа. Какие могут быть разговоры. Конечно, буду, и ты тоже, ладно?

Ира. И я тоже. Ладно...

Затемнение.

Часть вторая

Евдокимова. **Евдокимов** и **Наташа**. Она только что вошла, ее плащ брошен на диван. Наташа в форме стюардессы. На стуле ее чемоданчик.

Наташа. Эла, дай, пожалуйста, кувшин... Я поставлю гвоздики... Кстати, у меня здесь еще веточка эвкалипта. Она очень славно пахнет. *(Выкладывает из чемодана на стол завернутую в целлофан эвкалиптовую ветку, потом достает из чемодана бесконечные яблоки.)* Знаешь, яблоки в Ташкенте – просто чудо. Что ты на меня так смотришь?

Евдокимов. Я еще никогда не видел тебя в форме. *(Усмехнулся.)* Стюардесса!

Наташа. Не люблю этого слова. Я бортпроводница, понятно?.. Слушай, Элочка, дай какой-нибудь другой кувшинчик, а то этот уж очень облезлый.

Евдокимов. Поставь в бутылку... Какой у тебя великолепный орел на груди.

Наташа *(рассмеялась)*. Нет, это просто птичка, Эла. «Птичка», как ее у нас называют. Хватит Аэрофлота... *(Удовлетворенно оглядывает цветы на столе.)* Очень прилично, по-моему.

Евдокимов. Иди сюда.

Она подходит, он положил руки на плечи, так они стоят посредине комнаты.

Здравствуй, Наташа!

Наташа. Здравствуй, Эла!

Евдокимов. Как ты жила, Наташа?

Наташа. Знаешь, неплохо.

Евдокимов. Да? *(Стараясь ищутливо.)* Небось, целовалась в Ташкенте с разными?.. Чего это ты мне по телефону болтала?

Наташа. Ты как жил?

Евдокимов. Нормально. Через четыре дня опыт.

Наташа. А я сегодня улетаю, в ноль тридцать. Евдокимов. Чего это ты скачешь с рейса на рейс?

Наташа. Долг зовет.

Евдокимов. А я знаю, почему ты скачешь с рейса на рейс.

Молчание.

Тебе жить негде. Тебя мать из дому выгнала.

Пауза.

Наташа. Чепуха какая. Если я захочу, я с мамой сразу помирюсь. Приду и скажу: «А!» – и помирюсь... Откуда ты знаешь, что меня выгнали?

Евдокимов. Я все знаю. Ты к этому привыкни. Что ж ты от меня утаила, Топтыгин?

Наташа. А! Я вообще считаю, что никому не интересно слушать о чужих несчастьях. У людей своих хватает. Терпеть не могу, когда жалуются, и хватит об этом, ладно?

Евдокимов (*величественно*). У меня в записной книжке есть телефоны трехсот шестнадцати друзей. Они все сейчас ищут тебе комнату. К десяти вечера мы ее снимем.

Наташа. Знаешь, Элочка, давай договоримся: ты сообщи своим тремстам и шестнадцати друзьям, чтобы они ничего не искали. Я вообще одолжений не принимаю. Разве что от очень-очень близких друзей.

Евдокимов. А я не «очень близкие друзья»?

Наташа. Нет. Ты только мой любимый мужчина. Но ты не мой друг.

Евдокимов. Ты точно это знаешь?

Наташа. К сожалению, точно. Во всяком случае, я сегодня это проверю.

Евдокимов. Подожди, я только повешу картину, и ты начнешь проверять. (*Прикалывает к стене плакат «Летайте самолетами Аэрофлота».*)

На плакате изображена стюардесса. Внизу надпись карандашом «Приветик, Наташа!»

Наташа (*смеется*). Почему всегда нужно издеваться?

Евдокимов. Есть картина. Обстановка создана. Сейчас я буду петь песни.

Наташа. Какие песни?

Евдокимов. Ты не знаешь самого главного: я сочиняю песни. Нет, совершенно серьезно. У нас в академгородке все поют мои песни... Представляешь, картиночка: сидят доктора наук, пожилые, лысые... и поют песни про пиратов.

Наташа. А почему про пиратов? Евдокимов. Вполне естественно. Они очень положительные люди. В жизни они были начисто лишены... буйства, что ли. А в этих песнях для них и удаль, и буйство. Страшно смешно.

Наташа. Только не надо говорить так самоуверенно. Все люди в какой-то мере смешные. Кстати, ты тоже. Евдокимов *(на плакат)*. Она ничего девочка... Наташа. Да ну тебя. Я ужасно хочу уничтожить твою самоуверенность.

Евдокимов. Это невозможно. Поцелуй меня. Ну!

Наташа. Не хочу.

Евдокимов. Ну!

Наташа целует. Начали песню.

Время стекает со стрелок часов,
А часы все бормочут насмешливо.

Дальше я еще не сочинил. Там будет кусок о нежности. Нежность. Ее все время стыдятся. Ее прячут далеко в боко-

вой карман. И вынимают в одиночестве по вечерам. Чтобы посмотреть, как она истрепана за день – наша нежность. И еще о смерти... «Не бойтесь смерти. Смерть – это так, добродушный сторож в парке, который сгоняет со скамеек засидевшихся влюбленных. А они не хотят уходить, а смерть все причитает надоевшим голосом: « Попрошу на выход, закрывается». Это будет лучшая песня в СССР. Я ее сочиню для тебя.

Наташа. Спасибо, Эла.

Евдокимов. Ну все-таки: что же было с тобой в Ташкенте?

Наташа. Я вот точно знала, что ты все время хочешь задать этот вопрос.

Евдокимов. Просто интересно. Из психологических соображений.

Наташа повернулась спиной. Весь дальнейший разговор она ведет спиной к нему, потому что она не в силах видеть его лицо.

Так что же там было?

Наташа (*весело*). Ничего особенного... Увлелась одним летчиком.

Евдокимов (*стараясь небрежно, но голосу него срывается*). Ну... и дальше?..

Наташа. Чепуха... Поцеловались немного. Евдокимов.

Ну... и дальше?..

Наташа. Перестань.

Евдокимов. Мне-то, собственно, все равно... Я просто...

Наташа. Да, ты из чисто психологических соображений.

Молчание.

Ты молодец, я бы так не сумела.

Евдокимов (*почти яростно*). И что же... серьезное было?!

Наташа. По-моему, ты сам учил: не ханжить. Евдокимов. Нет, ты...

Наташа. Ну было! Было! Что с того?! И вообще, какое это имеет значение? И прекратим этот глупый разговор.

Молчание.

Эвкалипточка очень славно пахнет.

Молчание.

О чем ты сейчас думаешь?

Евдокимов. О работе. У нас там старик Гальперин взрывает проволочки. Очень непонятный эффект. (*С ненавистью.*) А ты... (*Замолчал.*)

Наташа. Что?

Евдокимов (*презрительно*). Ничего.

Вновь молчание. Она стоит спиной. Он сидит и бессмысленно трет себе голову.

Наташа (*резко повернувшись*). Брось плащ, пожалуйста.

Он почти с радостью бросил ей плащ. Она надела, пошла к дверям.

Евдокимов. Я тебя провожу.

Наташа. Не надо.

Евдокимов (*не глядя на нее*). Ну зачем же. Провожу... (*Презрительно.*) Все-таки в последний раз. (*Надевая плащ.*) Мы никогда так рано не уходили.

Затемнение.

Из затемнения голос радиодиктора, объявляющий остановки: «Станция «Ботанический Сад», следующая станция – «Новослободская». Стук колес. Вагон метро. Евдокимов и Наташа. Они стоят в пустом углу вагона. Молчат.

Радио. «Новослободская»... Следующая станция – «Белорусская».

Евдокимов. Тебе на следующей.

Наташа. Спасибо.

Стук колес.

Евдокимов. Ну прощай.

Наташа. Прощай. Я хочу напоследок дать тебе один совет.

Евдокимов (*сухо*). Не надо никаких советов.

Молчание. Стук колес.

Наташа. Я все-таки дам. Не будь никогда таким самоуверенным.

Она засмеялась презрительно, даже зло. Он посмотрел на нее. В глаза.

Радио. Станция «Белорусская».

Евдокимов. Ты наврала, да?!

Наташа. Дурак! (*Хотела пройти к дверям.*)

Евдокимов (*загородил ей дорогу*). Наврала, да?

Наташа. Пусти! Пусти!..

Евдокимов (*счастливо*). Ты все наврала!

Стук захлопнувшихся дверей.

Радио. Следующая станция – «Краснопресненская».

Наташа. Пусти.

Евдокимов. Наврала!

Наташа. А я дура! Я поклялась не говорить тебе ничего!

Если ты в это поверишь.

Евдокимов. Наврала!

Наташа. Ух, какая я глупая, что сказала! Пусти меня.

Евдокимов. Не пущу.

Наташа (*с ненавистью*). А он поверил! Пусти меня!

Евдокимов. Не пущу.

Наташа. Как же ты мог. Какой же ты гад! Если ты мог сразу поверить, что я... Отпусти меня!.. **Евдокимов.** Послушай...

Наташа. Как же ты ко мне относишься! (*С ненавистью*.)

Ухты-ы!!

Радио. Станция «Краснопресненская». Следующая станция – «Киевская».

Наташа. Я ненавижу тебя! Я уйду! **Евдокимов.** Нет.

Стук захлопнувшихся дверей. Вновь стук колес. Рядом с ними становится **Щеголеватый гражданин**.

Наташа (*в порыве самоунижения*). Неужели у тебя реле не сработало, что ты для меня такое!.. Ну пусти! Пусти меня сейчас же!!

Евдокимов кладет ей руку на плечо.

Не трогай! Я не хочу! Пусти меня. Ну я сказала, я не хочу тебя больше видеть!

Щеголеватый. Кажется, ясно тебе, уважаемый, не хочет тебя девушка видеть.

Евдокимов. Идите... пока я...

Щеголеватый. Не беспокойтесь, девушка...

Наташа (*невероятно зло*). А я, между прочим, не прошу вас вмешиваться!

Щеголеватый пожал плечами: ненормальные. И отошел.

Радио. Станция «Киевская».

Наташа. Пусти меня – я выйду.

Евдокимов. Я сказал: не выйдешь.

Наташа. А еще хорохорился: я не ревную! Работа!.. Асам сидел весь красный, пятнами покрывался! Придумываешь ты из себя что-то, тоже сверхчеловек нашелся!.. Ну отпусти меня, ну я не хочу с тобой быть.

Евдокимов. Ну что ты... Ну не плачь... Не надо.

Наташа. А я не плачу.

Евдокимов. Ну, перестань, Наташка.

Наташа (*сквозь слезы*). А еще говорил... А сам...

Евдокимов. Ну, не плачь, милая.

Наташа. Я не плачу. А еще говорил: я твой друг... Какой ты мне друг, если ты так, с ходу поверил.

Евдокимов. Успокойся.

Наташа. Над другими смеешься. А сам смешнее всех. В миллион раз! Вот в миллион миллионов раз!

Евдокимов. Ты хочешь сказать, в миллиард?

Наташа. Все равно я с тобой не пойду никуда! И песня мне твоя не нужна. Ну пусти меня... Ну...

Евдокимов. Только ты не плачь.

Радио. Следующая станция «Добрынинская».

Наташа. Убери, пожалуйста, свои руки. Я не хочу, чтобы ты ко мне прикасался... Интересно, когда я придумывала эту шутку... вот точно знала, что ты в нее согласишься! Все боялась и знала!

Евдокимов. И ты ни с кем не целовалась?

Наташа (*почти с радостью*). Целовалась!

Евдокимов. Врешь.

Наташа. Клянусь!

Евдокимов. С кем?

Наташа. С легчиком!

Евдокимов. Зачем?

Наташа. Нужно было!

Евдокимов. Зачем нужно было?

Наташа. Этого ты не поймешь! За тысячу лет! Потому что ты эгоист! Понятно? Я его поцеловала... за то, что он человек Мы с ним два раза горели! Он – человек!.. И те, с

кем мы горели, – тоже были люди! Я их привязала ремнями, и они сидели тихие, как огурчики! (*В порыве уничтожения.*) Все люди! Один ты эгоист! Отпусти меня!

Евдокимов. Нет. А я ремнями никогда не привязываюсь в самолетах. Ясно?

Наташа. Думаешь, смелый? Вот когда-нибудь тебя так шлепнет – ух! (*Даже засмеялась от ярости.*) Пусти!

Евдокимов. Ладно. Буду привязываться ремнями.

Наташа. Не смешно.

Евдокимов. Наташка, посмотри на меня.

Наташа. Не хочу я на тебя смотреть. И откуда ты такой появился?

Радио. Следующая станция – «Октябрьская»... Следующая станция – «Курская»... Следующая станция – «Комсомольская»...

Наташа (*она немного отошла*). Целое кругосветное путешествие.

Евдокимов. Может, выйдем?

Наташа (*глядя на часы*). Нет, почти ничего не осталось... Знаешь, я ужасно проголодалась от всех этих объяснений. Ненавижу объяснения...

Евдокимов. Ты хочешь уйти?

Наташа. Нет... У меня вчера была зарплата. Хочу пригласить любимого мужчину в ресторан.

Евдокимов. Спасибо.

Наташа. Хорошо быть мужчиной. Я бы, наверное, десять

лет жизни отдала... чтобы быть женщиной!

Затемнение.

Аэропорт. Угол зала у окна. Здесь днем торговал буфет, но сейчас буфет закрыт. И оттого угол зала почти не освещен: он пуст и темен. Свет – только от фонаря из окна. Два пустых «стоячих» столика. Прислонясь к подоконнику, стоит **Наташа**, рядом у столика – **Евдокимов**. Методичный голос радиодиктора передает объявления.

Радио. Вылет самолета, следующего рейсом пятьсот семьдесят шесть, Москва-Хабаровск, задерживается на один час по техническим причинам. Прибывший рейсом шестьсот тринадцать Тбилиси – Москва пассажир Цихмиладзе! Просьба зайти в коммерческий склад... Пассажиры, вылетающие рейсом четыреста пятнадцать, Москва – Сочи, просьба пройти на посадку...

Наташа. Мне пора.

Евдокимов. Посмотреть, как ты будешь взлетать?

Наташа. Нет. Это будет не скоро...

Молчание.

Да, так и забыла рассказать... как я читала. Ты знаешь, я действительно очень мало читала. Я даже не думала...

(Остановилась.)

Радио. Пассажиры, вылетающие рейсом Москва – Сочи, просьба пройти на посадку.

Наташа. Понимаешь, нам было очень легко... сначала... за это нужно расплачиваться. Дальше нам будет все тяжелее, тяжелее... потому что я хочу уважения. А я его, в общем, не заслужила... а я его хочу... потому что... ну я... я хорошо к тебе отношусь. Если бы я хуже относилась... я бы могла...

Молчание.

А сегодня я точно поняла... ты никогда не будешь... так ко мне относиться, как я хочу. Я всегда буду, в общем, чуть-чуть случайной...

Евдокимов. Ты дурочка... «в общем»... Наташа. Ну вот, мы так все время: «Дурак, дурочка...» – и больше ничего не можем сказать.

Молчание.

А опыт будет... опасный?

Евдокимов. Чепуха. Прокрутим одну машину – и порядок.

Наташа. Я почему-то думала – опасный. Мне всегда лезут в голову какие-то глупые мысли...

Евдокимов. Когда ты вернешься, у нас как раз будет ве-

черинка... по случаю отъезда на «Альфу». Я тебя познакомлю с моими друзьями... Только не надо...

Наташа. Нет, нет, я не буду плакать. Я – все... Скажи только одну вещь: ну зачем я тебе нужна? Ведь тебе никто не нужен! Ты сам сильный!

Евдокимов (*вытирая ей лицо*). Ну что ты, Наташка.

Наташа. Молчи. Я все равно буду плакать, наверное... Просто есть дни, когда все время плачешь. Глаза на мокром месте.

Радио. Бортпроводницу Александрову Наталью Федоровну просят пройти к самолету.

Наташа. Дай я хоть немного попудрюсь. Что-то я вообще сегодня несдержанная. Опять погорела выдержка. (*Вдруг*) Поцелуй меня... еще... еще, ладно?

Евдокимов (*целует ее в мокрое лицо и шепчет*). У тебя невероятные волосы. Я каждый раз удивляюсь, какие у тебя волосы.

Наташа. Тихо, Эла, тихо... На нас все время смотрят.

Евдокимов. Пусть смотрят. (*Опять шепчет какую-то чепуху.*) На нас целый день смотрят. На нас всю жизнь смотрят... У тебя абсолютно золотые волосы.

Наташа. Да, у меня лучшие волосы в СССР.

Евдокимов. Я напишу стихи о твоих волосах. Сентиментальные стихи о твоих волосах.

Наташа (*счастливо*). Выдержка, Эла, выдержка...

Радио. Бортпроводницу Александрову Наталью Федо-

ровну просят срочно пройти к самолету.

Наташа. Я побежала, Эла.

Евдокимов. Давай, Александрова.

Наташа. И пошустрее там с твоими машинами. Чтобы девушка могла тобой гордиться... Салютик, Эла.

Евдокимов. Салютик, Наташа.

Затемнение.

Комната в НИИ. За столом – **Галя**. Входит **Евдокимов**, просматривая на ходу «Вечерку».

Евдокимов. Первокласное объявление: «Сто семьдесят пятая школа покупает скелет для ботанического кабинета. С предложениями о скелетах обращаться по телефону 221-3205. До четырех часов». Загнать бы скелетик.

Молчание. Евдокимов усаживаясь за свой стол, напевает. Звонок телефона.

(Берет трубку.) Семенов вышел... Знаете, я не в курсе...
(Кладет трубку.) К нам рвется некий «корреспондент Владыкина». К чему бы это?

Галя *(механически)*. Я думаю, к дождю...

Евдокимов. Да, Семенов объявил... что тебя окончательно освободили от «Альфы»...

Галя. Я знаю.

Евдокимов (*напеваает*). «Эх, разрядушка, бухнем, а реакция сама пойдет...»

Галя. Это даже к лучшему. У меня будет свободная среда. Ты знаешь, в среду в шахматном клубе... (*Остановилась, помолчала, небрежно.*) А я вчера вечером ездила на «Альффу».

Евдокимов. Чего это вдруг?

Галя. Семенов посылал за режимами. Евдокимов. Красиво там, да? Белые березы... «Эх, разрядушка, бухнем...»

Галя. У меня там была уйма свободного времени. Я там... разглядела...

Молчание.

Евдокимов. Видишь ли... Мы с Владюшей с самого начала знали, что тебе не разрешат... И поэтому...

Галя (*небрежно*). Евдокимыч, это все довольно рискованно...

Евдокимов. Да, есть кой-какой процент. (*Читая газету.*) «Киностудия покупает седые волосы и французские зажималки...»

Галя. Я даже думаю, что в двух случаях из четырех... вы кувырнетесь?

Евдокимов. Отличное слово – «кувырнетесь»!

Молчание.

Да, ты заметила, там на березах невероятное количество грачей? Миллиард грачей. Они так орут, точно у них круглый день идет совещание.

Звонок телефона.

(Берет трубку.) Семенов не приходил... Нет, не знаю.
(Кладет трубку.) Опять безутешная Владыкина. Чтобы к нам пройти, нужно заполнить тысячу заявок.

Галя. Да, вы здорово меня провели. Вы и Семенова, наверное, также провели. Он такой спокойный ходит. Вы, ребята, – молодцы.

Молчание. Далекие разряды.

Слушай, если говорить серьезно, Владик из нас всех... из всего выпуска... самый «сильный», да? Евдокимов. Да.

Галя. Ты помнишь, как его любил шеф? Он просто с ума от него сходил.

Евдокимов. Он сходил.

Галя. Евдокимыч, не нужно его брать на «Альфу».

Звонок телефона. Евдокимов не подходит.

Слушай, он не поедет на «Альфу»!

Евдокимов. Поедет.

Телефон звонит безостановочно. Евдокимов не подходит.

Опять этот корреспондент. Я просто умру от этого трагического корреспондента.

В дверь просовывается голова Феликса.

Феликс. Здравствуйте, отцы! Есть информация, что вы завтра уезжаете.

Евдокимов. Все правильно, Топтыгин. Феликс. Есть информация, что у вас сегодня вечер по случаю этого радостного события.

Евдокимов. И это точно.

Феликс. Вот, все я знаю... Где Семенов? Его разыскивает какой-то корреспондент.

Евдокимов. Семенов на «модели».

Феликс исчезает. Разряды.

Да, мы здорово выросли. Может быть, пройдет время – и этот опыт будет считаться классическим.

Галя. Так вот. Если ты возьмешь его на «Альфу», я сейчас же все объясню Семенову. Придет Семенов, и я Семенову

все объясню. Семенов не захочет за вас отвечать.

Евдокимов. Семенов, Семенову, Семеновым, о Семенове...

Галя. Я тебя в последний раз прошу. Евдокимов (*жестко, коротко*). Нет.

Молчание.

(*Читает.*) «Киностудия покупает седые волосы»... да, это я уже читал.

Входит Семенов.

Галя. Петр Сергеевич!

Семенов. Да.

Молчание.

В чем дело, Галя?

Галя (*после паузы*). Там какой-то корреспондент все время звонит.

Семенов. Уже... корреспонденты появились. Где Владик?

Евдокимов. Ушел домой.

Семенов. Передадите ему, что машина завтра придет за ним в ноль десять... Личная просьба, Галя. Вы сейчас посво-

бодней всех, побеседуйте, пожалуйста, с корреспондентом. (Уходя.) Если будут звонить – я в проходной... вызволяю эту Владыкину. (Уходит.)

Евдокимов. У тебя хватило предусмотрительности сдержаться.

Молчание.

Кстати, Семенов обо всем, конечно, знает. Семенов первоклассный инженер. Смешно было подумать... Ну, ладно, проработаешь с ним побольше...

Галя. Меня не интересует Семенов.

Евдокимов. Если что случится, Семенову снимут за нас голову. Но он рискует.

Галя. Элик, ты пойми... Он – Владик!.. Нескладный и нелепый Владик! Я не хочу, чтобы он... Я его люблю. И он меня тоже!

Евдокимов. Отлично. Когда же это вы объяснились?

Галя. Не важно. Я его люблю. И мы поженимся. А ты все хочешь уничтожить. Ты не человек. У тебя вчера одна, сегодня – другая, завтра – десятая! Ты сам... твои девчонки! Вы все – пошлые! Вы... Вы... (Замолчала.)

Евдокимов. Я в первый раз видел, как ты потеряла чувство юмора. Ты, оказывается, тоже впечатлительная.

Галя. Замолчи.

Евдокимов. Ты очень здорово сказала о любви. Я даже

вспомнил третий курс. Помнишь третий курс?

Галя. Я просила: замолчи!

Евдокимов. Я тебе нравился на третьем курсе. Очень... Помнишь, нас послали на картошку... и мы шли с тобой ночью, к бревнам?

Галя. Я не хочу слушать.

Евдокимов. Я тебе тогда невероятно нравился. Тебе потом никто так не нравился. Но ты испугалась. Ты рассудила: дело может зайти далеко. Я ведь считался веселым мальчишкой. Но тебя не интересовало, с чего это я был тогда такой веселый. Ты интересовалась только собой... И во имя себя ты предпочла... от меня держаться подальше.

Галя. Я прошу тебя...

Евдокимов. А ты мне тогда ужасно нравилась. Я тебя любил тогда. Но ты сбереглась. Ты молодец. Потом появился Владик. Ты рассудила, что в него можно спокойно влюбиться. В него не страшно влюбиться. Галя (*еле слышно*). Ну, хватит...

Евдокимов. Но даже тебе нужно немного романтики. И ты придумала эти глупые звонки по телефону. И он знает, что это ты звонишь. И ты знаешь, что он это знает. Сентиментальные развлечения кибернетической машины.

Галя. Хватит!

Евдокимов. Все будет в порядке, Галка. Ты выйдешь за него замуж. Ты ведь сейчас беспокоишься за него тоже во имя себя. Бессознательно, но во имя себя... Не теряй юмора.

Ты никогда не любила. Ты даже не знаешь, что это такое... И за это, если ты заметила, тебя вокруг тоже никогда не любили.

Разряды.

А насчет «Альфы» не беспокойся. Участвуют двое – я и Семенов. Владик стоит у приборов.

Молчание. Разряды слышнее. Входит **молоденькая девушка** с портфелем.

Девушка. Здравствуйте, вот наконец и я. Евдокимов. А кто же это «вы»?

Девушка. «Я» – это корреспондент. Евдокимов. Как же вас зовут, корреспондент? Девушка. Меня зовут Владыкина. Евдокимов. Очень хорошо. Я Элик, а это – Галя.

Владыкина (*поняла, засмеялась*). Ясно. А я Вера... Я к вам по такому делу. Мы проводим анкету среди молодых талантливых ученых. Что вы смеетесь?

Евдокимов. «Талантливых» – здесь не говорят. У нас употребляют термин «сильный» или еще «тянет» – «не тянет».

Владыкина. Понятно. Среди «сильных» ученых, которые «тянут». Я отлично знаю, что ваша работа закрытая. Поэтому вопросы только общего характера.

Евдокимов. Ну например?

Владыкина. Например: «Ваш любимый поэт».

Евдокимов. Больше всего я люблю греческого поэта Нофелета... Вы, наверное, слышали о нем?

Владыкина. Да... что-то слышала.

Евдокимов. А ничего не читали?

Владыкина. Что-то читала. Точно не помню.

Евдокимов. Поразительно. Как вы сумели? Нофелет – это телефон, но только наоборот.

Владыкина. Да ну вас, я ведь серьезно.

Евдокимов. Нет. Я не верю, что вы серьезно. Для этого вы слишком неглупая девушка. И я тоже – несерьезный... Ну, вы не обижайтесь на меня. У меня зарез со временем, я завтра уезжаю. А Галя на все ответит. Она по любимым поэтам у нас мастерица.

Галя. Не нужно.

Евдокимов. Не буду. Ну, до свидания, Галка. Я, может быть, не то сказал...

Галя. Нет, все то. Ты что же, больше не зайдешь до отъезда?

Евдокимов. А ты не идешь сегодня на вечерок?

Галя. Нет. У меня сегодня в шахматном клубе...

Евдокимов. Ну, тогда до свидания, Галчонок.

Галя. Я желаю тебе...

Евдокимов. Я знаю. Все будет хорошо... А Веру проводи к Гальперину. Пусть ей покажут, как рвутся проволочки. Это

всегда впечатляет. Салютик, Вера Владыкина. (*Уходит.*)

Владыкина. Он очень странный.

Галя. Да.

Владыкина. Он, наверное, голодный. Я заметила: когда мужчины голодные, они становятся психами. Вот у меня брат...

Затемнение.

Комната в квартире Владика. Звуки магнитофона, шум голосов за сценой. В комнате – торшер, наряженная маленькая елочка на шкафу, бесконечные книги. Входят Наташа, Евдокимов, Владик.

Евдокимов. Запри дверь.

Владик запирает.

(*Берет гитару. Садится.*) Мы молоды, в меру пьяны. Он, друг и любимая девушка. И он поет песню в честь друга Владика. (*Наташе.*) Можно?

Наташа. Можно.

Стук в дверь.

Голос из-за двери. Эй, Евдокимов, куда вы исчезли?

Евдокимов. Мы не исчезли. Мы философствуем.

Второй голос. Эй, вы, философы у торшера! Отдайте гитару!

Евдокимов. Не отдадим. У вас магнитофон. Наташа (*Владуку*). А у вас здесь очень много книг...

Евдокимов. Светские разговоры. Ну, вы! Кончайте стесняться. Давайте, знакомьтесь. (*Представляет.*) Наташа, лучшая девушка в СССР. Кроме того, она летает по воздуху.

Наташа. Хватит?

Евдокимов. Стюардесса на международных линиях.

Наташа. Ни на каких международных линиях я не летала. И вообще...

Евдокимов. Ну, ладно, ладно... Очень скромная. Завтра она полетит первый раз в Брюссель, между прочим. Вот так, друг Владюша. Мы с тобой поедем на «Альфу», а она полетит в Брюссель. Где справедливость?

Наташа. Всегда ты смеешься. Больше никогда тебе не буду ничего рассказывать!

Евдокимов. Ты молчи, скромная. Мы теперь будем встречать тебя в аэропорту. А то к ним пристают там разные пассажиры.

Наташа. Ой, какая чепуха... Откуда ты это взял?

Евдокимов. Как откуда? Я сам всегда пристаю. Ну давайте что-нибудь споем хором.

Голос из-за двери. Евдокимов, привет!

Евдокимов. Ура! Появился шумный Гальперин. Герой

всех наших вечерин – Петр Семеныч Гальперин.

Голос. Евдокимов! Я только что прочел твою статью в «Вестнике». По-моему, это бред сивой кобылы.

Евдокимов. Уберите Гальперина!

Голос. Евдокимов! Я бы даже сказал, что это бред сиво-фиолетовой кобылы.

Хохот.

Евдокимов. Остроумные люди, однако, наши современники!

Голос. Слушай! Правда, ты привел какую-то потрясающую девушку?

Евдокимов. Привел.

Голос. Ну открой, дай посмотреть.

Евдокимов. Не дам.

Голос. Почему?

Евдокимов. Сглазишь.

Голос Феликса (*из-за двери*). Отцы! Почему вы так уединились? Мы грустим о вас.

Голос Гальперина. Я Феликса с собой притащил.

Голос Феликса. Чувствую вашу радость при этом известии. Я мечтаю увидеть вашу девушку. Я стремлюсь к вам, как усталый путник стремится к живительному ручью.

Евдокимов встает, открывает дверь. Входят **Феликс** и

Гальперин.

Гальперин (*здороваясь с Наташей*). Петя Гальперин. (*Евдокимову.*) Кое-что получается с проволочками. Нужно поболтать.

Феликс. Петя Гальперин, ты – Прометей. Ну не томись. Поздоровался с хозяевами и исчезай. Отпустите, пожалуйста, Прометея Гальперина на побывку на танцы. Там с ним пришла такая золотистая корреспондентка...

Гальперин (*задумчиво*). Странная вещь. Почему-то летом и весной появляется большое количество красивых девушек. А вот зимой совсем не так.

Феликс. Зимой у них спячка.

Гальперин уходит. Молчание.

(*Евдокимову.*) Что же ты не познакомишь меня с девушкой, отец?

Наташа. Не надо притворяться. Мы с тобой отлично знакомы, Феликс.

Феликс (*почтиудивленно*). Действительно... знакомы... Мы живем с Наташей в одном доме. Соседствуем, так сказать.

Наташа (*тихо, отрывисто Евдокимову*). Знаешь... это... он.

Евдокимов. Знаю.

Наташа (*удивленно смотрит на него*). А ты... правда очень умный.

Феликс. С Новым годом! С новым счастьем! Как будто у кого-то старое счастье. (*Усаживается.*) Хорошо, что я к вам пришел в гости. Вот Владик не находит? Ну и не надо. Я все равно пришел... Можно мне немного с вами помыслить? Представляете, где-то там, в просторах Вселенной, вертится голубая планета Земля. И вот в одном из тысяч городов, на одной из миллионов улиц, в одном из миллиардов домов сидят грустные мальчики – мужчины и грустная девочка – женщина. И мыслят. Давайте, мальчики, помыслим.

Евдокимов. О чем же помыслим, Топтыгин?

Феликс. Несущественно. Теперь все время о чем-то мыслят. Как у Гоголя. Помните, у Чичикова был какой-то лакей. Он ужасно любил читать. Ему было абсолютно все равно, что читать. Ему нравился сам процесс чтения. Так вот, помыслим ради процесса, мальчики?.. А Евдокимов ужасно бесится, когда его называют мальчиком. Он в институте всегда прибавлял себе годы. Тяга к зрелости... Евдокимов, ты у нас старикан-старичище...

Владик. К чему вся эта болтовня?..

Феликс. Какой ты конкретный человек, Владик. Вот ты сидишь такой умный. Невероятно меня презирающий. Вечно невозмутимый. Оракул из почтового ящика...

А на самом деле ты очень прост. И вообще сентиментален. И твоя отроческая любовь к Г. О...

Евдокимов. Слушай, Топтыгин...

Феликс. Молчу. Кстати, ты тоже очень прост. Ты все время хочешь походить на Владика. Но у тебя это плохо получается... Эта голубая планета ужасно вертится. Не могу сосредоточиться. Трясет.

Наташа. Я никогда не думала, что ты станешь фигляром. *(Евдокимову.)* Потанцуем.

Евдокимов. Сиди.

Феликс. Поймал!..

Евдокимов. Что?

Феликс... Мысль... Я просил Семенова разрешить мне вернуться в отдел.

Евдокимов. Дальше.

Феликс. Семенов сказал, что он не возражает. Он сказал, что я неплохой человек.

Владик. Неплохой человек – это еще не профессия.

Феликс. Ясно. Деловая часть закончена. Элик, сыграй что-нибудь.

Евдокимов. Нет.

Феликс. Зря. Я очень люблю, когда ты поешь... Предлагаю *(Евдокимову)* игру.

Евдокимов. Что же это за игра, Топтыгин?

Феликс. Народная игра. Собираются на голубой планете Земля двое. Чуть поддают и начинают говорить друг другу правду... А они пусть потанцуют.

Наташа. Я не хочу.

Евдокимов. Потанцуй.

Наташа. Потанцевать, да?

Феликс. Не волнуйтесь, Наташа. Мы мирные люди. Игра у нас будет совершенно мирная. Вы потанцуйте пока.

Владик усмехается, начинает танцевать с Наташей.

(Евдокимову.) А здорово ты ее подмял. Полная потеря индивидуальности. Каждая женщина – немного «душечка»... Итак, правда первая. Вы не возьмете меня обратно?

Евдокимов. Нет.

Феликс. Почему?

Евдокимов. Потому... что.

Феликс. Правда вторая. Ты можешь успокоиться. Она сама меня бросила. Для таких, как ты, это важно.

Евдокимов. Может, хватит, Топтыгин?

Феликс. Я не Топтыгин. Я животворный оптимист. Кстати, хотите узнать третью правду – как становятся животворными оптимистами?

Евдокимов. Ай-яй-яй, как образно!

Феликс. А знаешь, ты прав: это все смешно. Невероятно смешно. Ему тоже стало смешно. Так смешно, что он до сих пор не может остановиться. Все смеется на голубой планете Земля. Давайте смеяться! Он полон смехом, как беременная рыба икрой. Впрочем, рыбы называются не беременными, а как-то иначе.

Наташа. Не надо больше, Феликс.

Феликс. Чего не надо?

Наташа. Говорить больше не надо. И пить тоже.

Феликс. А я это не им рассказывал, Наташа.

Наташа. Я... все поняла. *(Мягко.)* Но больше не надо, ладно?..

Евдокимов. Ты сложный человек.

Феликс. Не говори.

Евдокимов. Ты простой человек. Ты прост как... как...

Феликс. Потом придумаешь, как что я прост.

Евдокимов. И еще, Топтыгин, я ненавижу людей, которые...

Наташа. Перестань, Эла. *(Подойдя к Феликсу, тихо).* Ты знаешь, Феликс, вот мне отчего-то кажется... что все у тебя будет хорошо. Поверь мне... У меня на это нюх... Все будет просто великолепно. А сейчас иди домой.

Феликс. Можно мне с тобой потанцевать?

Наташа. Потанцевать, да? Ну конечно, давай потанцуем.

Феликс. Нэ. Пожалуй, нэ надо. Ты грустная девушка, я тоже грустный. Двое грустных – это уже коллектив. А вот, по-моему, мы все должны быть веселыми, как утренние воробьи. Как скворцы в мартовской роще... Вы когда уезжаете завтра?

Владик. В ноль десять.

Феликс. Желаю удачи... Проводи, хозяин.

Феликс и Владик уходят.

Евдокимов (*Наташе*). Чего ты сидишь?

Наташа. А что мне делать?

Евдокимов. Танцевать. Или, может, пойдешь поцелуешь его, как того летчика?

Наташа. Вообще, надо бы.

Евдокимов. Слушай, серьезно, ты шизофреничка?

Наташа. Ты знаешь, Эла, я на тебя не обижаюсь. Тебе все это очень трудно понять. У тебя всегда было в жизни все... не плохо. А вот у него – не вышло. Не все люди такие сильные, как ты... Но с возрастом, наверное, у всех появляется потребность уважать себя. У него – тоже... Я не понимаю, о чем он вас просил. Но он просил. А ты на него плюнул.

Евдокимов. Закончила, да?

Наташа. Ну что с тобой говорить? В тебе есть один... дефект: ты совершенно, ну ни капельки не умеешь жалеть людей. Это потому, что тебя еще ни разу не трахнуло в жизни. Вот когда-нибудь разочек трахнет... и ты сразу станешь все понимать.

Евдокимов. Так как же насчет поцелуя? Наташа. Какой ты дурачок сейчас. Евдокимов. Вот что, умница. (*Бешено.*) Бери своего Феликса, свой плащ... и все втроем – двигайтесь отсюда!

Наташа. Хорошо. (*Пауза.*) До свидания.

Он молчит. Она уходит. Возвращается Владик, усмехнувшись, сел.

Евдокимов (*хмуро*). Ерундой много занимаемся. Работать перестали.

Владик. Я сразу понял, что ты в нее влюбишься. Единство противоположностей.

Евдокимов. Спасибо, что объяснил. Никак не мог понять, чего это я в нее влопался.

Владик. Ты ужасно разговариваешь. Впрочем, жаргон – это язык шиворот-навыворот. Это язык молодости. Однажды мы заговорим правильно – и это будет означать, что молодость прошла.

Евдокимов. Нет, как ты умеешь все объяснить! До завтра.

Владик. До завтра...

Евдокимов выходит. Владик один. За сценой звуки магнитофона, смех, говор.

Затемнение.

На следующий вечер. Квартира Евдокимова. Евдокимов один. Часы бьют половину одиннадцатого. Звонок телефона. Евдокимов бросается к трубке.

Голос Владика (*из трубки*). Привет.

Евдокимов (*разочарованно*). Ты...

Голос Владика. Звонил Семенов: машина за тобой придет к двенадцати.

Евдокимов. Ясно.

Голос Владика. Ты что сейчас делаешь?

Евдокимов. Читаю.

Голос Владика. Ждешь ее?

Евдокимов. Не люблю, когда ты разговариваешь на эти темы. Кстати,хвати карты, а то в свободное время мы взбесимся от скуки. (*Кладет трубку. Продолжает расхаживать по комнате.*)

Резкий звонок у входной двери. Евдокимов улыбается, бросается открывать. Шум, голоса. Евдокимов возвращается очень хмурый с матерью и отчимом. Мать –моложавая женщина в очках, тип «красивых женщин – научных работников». Отчим – ее возраста, сухой, кашляющий, очень застенчивый.

Мать. Никогда не предполагала, что ты вечером будешь дома. Сразу открой форточку – здесь отчего-то ужасно пахнет клопами. (*Открывает форточку.*) Электрон, унеси из передней чемоданы Аникина.

Отчим. Зачем же. Я сам могу их унести. (*Выходит.*)

Мать (*шепотом*). Ты понимаешь, такое событие: Аники-

на выдвинули в членкоры. Мы сразу вылетели. А Генку оставили. Ему там очень хорошо. Я только боюсь, что он сойдет с ума от свободы...

Евдокимов выходит.

Нет, отчего так пахнет клопами? (*Вдруг что-то заметила на полу. Подняла. Разглядывает. Усмехнулась. Положила в карман.*)

Звонок телефона. Евдокимов бросается к телефону. Из своей комнаты бросается к телефону и отчим.

Евдокимов (*успевает раньше*). Алло... (*Хмуро, отчиму*.) Вас.

Отчим (*берет трубку*). Да, я. Здравствуй, Семен... Неве-
роятно комическое обстоятельство... Сегодня заключитель-
ный тур... Ну, если я скажу, что это мне безразлично, ты
ведь все равно не поверишь... (*Смеется.*) Варианты такие:
Федосевич – слишком молод... Попов – вообще никогда не
обременял себя наукой. Он деятель больше общественный...
Ваш покорный слуга тоже сделал в науке весьма маловато.
(*Замолчал, выслушивая с улыбкой ответный поток слов, в
котором содержалась вся высокая степень оценки его за-
слуг.*) Ну, ну, ну... Может быть, Репин? Но он всем и вся на-
солил. Так что остается пока гадать... Ну, звони, звони. (*Ве-*

шает трубку. Матери.) Борисов передает тебе привет.

Мать. Но откуда у нас все-таки пахнет клопами? Может быть, они к нам переползли?

Отчим. Я, собственно, ничего не чувствую.

Мать. Мужчины никогда ничего не чувствуют. Нет, они определенно переползли из двенадцатой квартиры... Электрон, почему ты не интересуешься братом Геннадием?

Евдокимов. Интересуюсь.

Мать. Он становится до невозможности похож на тебя. Он у всех знакомых девушек спрашивает, не знают ли они Нофелета. Помнишь эту твою шутку, которую ты придумал в седьмом классе?

Евдокимов. Помню.

Мать. Дивный парень! Абсолютно влюблен в математику. И при этом пижон страшнейший. Он читал какие-то стихи и что-то перепутал. А Нинель Борисовна его поправила. И он абсолютно невозмутимо ей сказал: «Сточки зрения трехзначной логики это все несущественно». Чем привел своего отца, гуманитария Аникина, в совершенный восторг.

Евдокимов (*тихо*). Кретин.

Мать. Что с тобой?

Евдокимов. Ничего. Вспоминаю, какой я был кретин. Кстати, что это за записочки валяются на всех столах? (*Читает.*) Федосевич – шесть, Репин – восемь.

Мать. Тсс... Это Аникин подсчитывает варианты. (*Смеется.*) А говорит, что ему все равно. Отлично!

Евдокимов хочет уйти.

Электрон, почему на кровати должны лежать мыльницы?

Евдокимов. Я уезжаю сегодня на «Альфу».

Мать. Как – уезжаешь?!

Евдокимов. В двенадцать.

Мать. Ну что же ты молчал? Что у вас там?!

Евдокимов. Да так.

Мать. Любопытное что-нибудь?

Евдокимов. Да нет, обычная ерунда.

Мать. Передавай привет Семенову. Так. Значит, тебе нужно сесть и внимательно продумать, что ты с собой возьмешь, а не бегать все время к телефону, как опаленный таракан. Главное, не забудь зубную щетку.

Звонок. Отчим и Евдокимов тотчас бросаются к телефону.

Евдокимов (*успев раньше*). Алло! Вы не туда попали. (*Вешает трубку, выходит.*)

В комнате мать и отчим.

Мать (*вынимая что-то из кармана*). Аникин, что это?

Отчим. По-моему, это шпилька.

Мать. Так. Я нашла ее на полу.

Отчим. Он вроде не мальчик.

Мать. Не в этом дело. Я удивляюсь, что ты ничего не видишь. Он стал очень странный. Эта беготня к телефону... Он влюблен! Неужели ты не видишь! А я совершенно не знаю, кто она! *(Нюхает ветку эвкалипта. Торжествующе.)* Так вот! *(Выдергивая ее из вазы.)* Значит, от этой страшной ветки пахло клопами! Ее нужно немедленно уничтожить. *(Выходит.)*

Звонок телефона. Евдокимов и отчим бросаются к телефону.

Евдокимов *(успевая раньше)*. Алло! *(Мрачно.)* Вас.

Отчим *(берет трубку)*. Здравствуй, Николай!.. Понимаешь, комическое обстоятельство. *(Замолкает, выслушивая поток слов собеседника.)* Ну, спасибо, спасибо. *(Кладет трубку, уходит.)*

Возвращается мать.

Мать. Ты положил в чемодан зубную щетку?

Евдокимов. Положил.

Мать. Боже мой, пятнадцать минут двенадцатого. Нужно что-то тебе сготовить. Куда-то девались все сковородки. После лета все сковородки куда-то исчезают. Ты понимаешь,

кажется, Аникина все-таки изберут.

Евдокимов. Меня это мало интересует.

Мать. Тебя сейчас ничего не интересует. Евдокимов. Здесь стояла ветка. Куда ее дели? **Мать.** У нее был клопный запах. Я ее выбросила. Евдокимов. Это была моя личная ветка! И я никого не просил!..

Мать. Ну, ладно... Ладно...

Молчание. Он собирает чемодан.

Элик!

Евдокимов. Да?

Мать. Мы с тобой редко разговариваем. Я всегда занята. Я, наверное, неважная мать. Но я бы хотела, чтобы ты мне ее показал.

Евдокимов. Кого?..

Мать. Ее... ее. *(Выходит.)*

Евдокимов один. Часы бьют половину.

Евдокимов *(грустно усмехается)*. Все... **Мать** *(входя)*. Одну сковородку я обнаружила в ванне. Почему?.. Ну, серьезно, Элик, я хоть раз *ее* видела? Евдокимов. Кого?

Мать. Ну, ее... которая сюда приходила.

Евдокимов. Не нужно, мамочка. Чушь все это. Приходила, уходила... Одна, другая... все это несерьезная чушь.

(Уходит.)

Мать. Аникин! Аникин!

Из своей комнаты выходит отчим.

Неужели я опять ошиблась?

Отчим. Нет. Федосевич слишком молод... Они это не любят... (Трагически.) Но Попов?!

Мать (трагически). Он, кажется, ни в кого не влюблен!

Отчим. Ну вот и хорошо, а ты волновалась.

Мать. Что ж тут хорошего, Аникин? Ну почему он такой? Ну почему он не умеет любить?!

Затемнение.

Парадное дома Евдокимова. В парадном Наташа, в форме и с чемоданчиком. Стоит, прислонясь к клетке лифта. Надпись «Лихта не работает». По лестнице спускается Евдокимов, тоже с чемоданчиком. Они стоят и смотрят друг на друга.

Евдокимов. Ясно.

Наташа. Я просто проходила мимо и решила... Евдокимов. А позвонить ты не могла? Наташа. Понимаешь, я не знала, удобно ли это. Я как раз по лестнице поднималась... Там к тебе кто-то приехал... Я и решила подождать здесь...

немного. Евдокимов. Значит, ты ждешь два часа? Наташа. Два или двадцать два... не помню и не важно.

Евдокимов. Я люблю тебя, Наташа.

Наташа (*почти испуганно*). Что ты?

Евдокимов. Я очень люблю тебя.

Наташа. Ну, тише, тише... А наверное, справедливость все-таки есть. Я загадала: если мы с тобой встретимся сегодня, значит, есть справедливость.

Евдокимов целует ее.

Ну, не надо. Ну, не хочу я... Ну вот, всегда ты пользуешься своей силой.

Он целует ее.

Наташа. Да не любишь ты меня. Ты просто так, «чмокальщик». Ну целуй! Целуй! Все равно тебя брошу. И мы совсем не подходим друг к другу.

Он целует ее.

Ты эгоист. Ты терпишь меня за то, что я к тебе хорошо отношусь. А доброту вообще... ты не понимаешь! Брошу я тебя! Вот соберусь с силами и брошу... Просто у меня сейчас с выдержкой плохо.

Евдокимов. Я люблю тебя, люблю...

Гаснут и вспыхивают фары, освещая парадное.

Я ходил к тебе домой.

Наташа. Я знаю. Я у Лильки жила. Я только сегодня с матерью помирилась. Она мне трет морковный сок. Но я все равно не поправлюсь. Она говорит, что не в коня корм... Элка... Я больше не могу так... Я все думаю... иреву... Ты молчи, молчи... Я каждое утро с тобой разговариваю. Вот проснусь и спорю с тобой, как идиотка. Ты только молчи. Все как надо. Так и должно было быть. И всегда ты обо мне бог знает что будешь думать. И правильно! Девчонка, с которой ты познакомился в кафе... А! Это невозможно. Ты не имеешь права обо мне так думать! Потому что... Элка – мой, мой, мой. Я люблю тебя. Я невысказано... я даже не знала, что так можно... Элка, я хочу... Я не виновата! Откуда я знала, что я тургеневская барышня! А ты все равно будешь на меня так смотреть! Потому что... Ты молчи, молчи... Это нам – за все... Что это светит?

Евдокимов. Машина. За мной.

Наташа. Вот и хорошо. Иди, иди.

Евдокимов. Наташка.

Наташа. Молчи. Потом... А сейчас иди, иди. Евдокимов. Боишься, как всегда, быть обузой?

Наташа. Знаешь, я тебе подарю этого орла. (*Снимает с*

грудь птичке.)

Евдокимов. Тебе не попадет?..

Наташа. Уезжай, уезжай, наконец. Евдокимов. У нас все дела закончатся к двадцать первому. Значит, двадцать второго – у метро «Динамо».

Наташа. Я тоже улетаю сегодня утром. Евдокимов. К двадцать второму-то прилетишь?

Она кивает.

У метро «Динамо». В семь часов.

Наташа. Ну, разлетелись в разные стороны? Евдокимов. Ты вспоминай там обо мне. Наташа. Все твои дела будут хороши! Иди, иди, Эла!

Евдокимов. Салют, Наташка. Привет Брюсселю!

Затемнение.

У метро «Динамо», Владик и Евдокимов с цветами. Очень солнечный день. Бравурная музыка. Рядом щит с плакатами. На одном из плакатов – стюардесса с поднятой кверху рукой. Надпись «Летайте самолетами Аэрофлота».

Евдокимов (в сторону плаката). Здравствуй, Наташа... Сто лет не покупал цветы девушкам.

Голос. Нет лишнего билетика?

Евдокимов. Нет... Ты знаешь, когда мы сегодня утром уезжали, я посмотрел на Семенова. У него была такая счастливая рожа. И только тогда я понял: «Выиграли». Вот, наверное, ради таких минут живут люди... Завтра все это будет очень привычным.

Голос. Есть лишний билетик?

Евдокимов. Есть... в баню.

Голос. Охламон ты!

Евдокимов. Согласен, друг, я – охламон... Люблю ходить на футбол, Владька. Азарт. Вот ты знаешь, эта Наташа – действительно лучшая девчонка в СССР. Вот она сейчас придет, и я при тебе ей это скажу. *(Смеется.)*

Появляется Ира. Оглядывается. Замечает Евдокимова и останавливается в стороне.

Владик. Только не при мне.

Входит веселый гражданин.

Гражданин *(Евдокимову)*. Здорово!

Евдокимов. Привет деятелям балалайки.

Гражданин. Ну, как сложится игра?

Евдокимов. «Динамо» штуки две положит на калитку.

Гражданин. Вот такие дела... Вот окончилась эра колониализма? Ушла, значит, в безвозвратное прошлое? Вот так

же точно закончилась эра господства московских команд. Стремительный Мунтян в Москве есть?

Евдокимов. Нет в Москве стремительного Мунтяна.

Гражданин. А искусный Онищенко где, в Москве? (*Владику.*) Ты как считаешь?

Владик. Когда я вижу, как двадцать два взрослых человека гоняют один надутый шар, я отчего-то сразу вспоминаю, что всего двести пятнадцать миллионов лет назад землю населяли гигантские ящеры.

Евдокимов. Не обращайтесь внимания, он сухой. (*Владик.*) Ты посмотри, как на нас смотрит эта кроха. (*Шепотом.*) Владюша, ты ей нравишься.

Гражданин (*Евдокимову*). А где же твой Чернышевский?

Евдокимов. Вот скоро должен подойти... А я вот точно знал, что я вас сегодня встречу.

Гражданин. Откуда же ты знал?

Евдокимов. Я всегда знаю, что со мной случится. У меня на небе есть специальный человек. Он заведует моими удачами... Ну, как ваша балалайка?

Гражданин. Бросил.

Евдокимов. Чего так?

Гражданин. Понимаешь, чувство юмора не позволило. Бросил балалайку – и ушел в цирк.

Евдокимов. Что вы говорите! Чем же вы занимаетесь в цирке?

Гражданин. Иллюзией... Достаяю из воздуха разные чаш-

ки, ложки...

Евдокимов. Очень полезная вещь. А вот бифштекс вы не смогли бы достать из воздуха? А то я с утра сегодня голодный.

Гражданин. Нет.

Евдокимов. Чего ж так слабо?

Гражданин. Иллюзия так не делается. Для иллюзии, пташечки мои, букашечки, всегда нужен партнер. *(Усмехнулся.)*
Для иллюзии нужны двое. *(Уходит.)*

Ира *(подходя к Евдокимову).* Простите, вы Евдокимов?

Евдокимов. Допустим.

Ира. Можно вас на минутку?

Евдокимов. Можно.

Отходит в сторону. Теперь они стоят на проходе.

Голос. Не намечается лишний билетик?

Ира. Нет... Вы ждете Наташу?

Евдокимов. Да.

Голос. Нету лишнего билета?

Ира. Нету... Она мне объяснила, что вы ее должны здесь ждать. Она очень хорошо описала вас...

Евдокимов. В чем дело?

Голос. Нет лишнего билета?

Ира. Нет... Она не придет. Потому что...

Голос. Нет билетика?

Ира. Она ужасно волновалась. У вас там сегодня что-то происходило на работе. Она не придет.

Голос. Нет билета?

Ира. Нет... Они сели на аэродром. Я как раз была на поле. У них загорелось. Ну, она всех выпускала, выпускала...

Голос. Молодежь, нет лишнего билетика?

Ира. Выпускала пассажиров и не успела... Потом она пришла в себя... и все говорила... и все волновалась, как у вас там.

Голос. Ребята, есть билетик?

Ира. Она еще долго жила, два часа... Она просила передать вам, что главное – выдержка. Я пойду.

Евдокимов. Да.

Ира. Я вам еще позвоню. У меня есть ваш телефон.

Голос. Нет лишнего?

Ира. Нет... Я записала ваш телефон. А сейчас я пойду. До свидания. *(И она резко повернулась, почти побежала.)*

Евдокимов молча стоит. Потом повернулся лицом к Владу.

Владик. Элька!! Ты что?!

Евдокимов. Ничего. Ты иди. *(Подшел к барьеру. Сел.)*

Владик неподвижно стоит рядом. Начинают передавать составы играющих команд. Звук постепенно затихает. Шум

стадиона уже не слышен. В мире – тишина. Они не двигаются. Сколько прошло времени? Наверное, очень много. Потому что начал гаснуть свет. Они недвижимы. Темнота сгущается. Видны уже только огоньки их папирос.

Голос Евдокимова. Так не бывает.

Ее голос. Бывает, Эла.

– Я даже не подарил тебе цветов. Но ты и не хотела.

– Я очень хотела.

– А моя подушка пахнет твоими волосами. Когда мы заканчивали опыт, я все время об этом вспоминал.

– Смени наволочку – вот и все. Потрясающе, что у тебя вышел опыт. Девушка будет тобой гордиться. *(Смех.)*

– Я все время слышу твой смех. У тебя невероятный смех.

– Лучший смех в СССР.

– Было очень страшно?

– Да... Когда пошел дым, все туристы повскакали. Это тебе не геологи, тихие, как огурчики. Я их успокаивала... И забыла слово по-английски. И все вспоминала... и потом... А!

– Я идиот. Все было не так!

– Все было так. Я ни о чем не жалею.

– Ты была такая грустная в парадном.

– Я была счастливая. Ты знаешь, я просто сдерживалась, чтобы не заорать от счастья, потому что я поняла, что ты меня вправду любишь.

– Нет, так нельзя! Так не бывает!

– Выдержка, Эла. Главное, выдержка! По-английски «выдержка» – это...

Становится чуть светлее. У метро по-прежнему двое.

Евдокимов. Кончились сигареты.

Владик. Я сейчас где-нибудь достану...

Молчание.

Евдокимов. Не надо. Пошли...

Они встают и молча уходят. Совсем светает. Появляется первая расклейщица афиш. Насвистывая, она заклеивает старые афиши. На доске остается только один старый плакат – стюардесса с поднятой кверху рукой.

Занавес.

Снимается кино

Действие первое

Над сценой надпись «Павильон № 2». Уголок съемочного павильона на киностудии. Ставят свет: зажжены юпитеры. Кинооператор прильнул к камере. Перед камерой стоит Киноактер Чуть поодаль – массовка: Старец с бородой и ослепительная Блондинка. В течение сцены Старец саркастически усмехается, а Блондинка крайне озабочена тем, чтобы незаметно встать поближе к съемочной камере. Все это происходит в глубине сцены. Ближе к зрителям стоит режиссер фильма Нечаев. Ему около тридцати. Рядом с ним – ассистент режиссера Зина. Коротко стрижена и в брюках – облик подростка. Нечаев, как и подобает подлинному режиссеру, совершает одновременно тысячу разных дел: руководит установкой света, подписывает что-то Зине и беседует с руководителем джазового трио – Трубочом. Двое других джазистов из трио – Гитара (рассудительный пожилой человек) и Ударник (опечаленный молодой человек) – сидят на стульях на самом переднем плане и, отставив инструменты, неторопливо беседуют.

Ударник (*печально*). Сейчас они установят свет, потом

начнется репетиция, а потом уже будет съемка.

Гитара. Вы все знаете. Это очень хорошо так много знать в молодом возрасте.

Ударник (*вздыхнув*). Просто когда я был дрессировщиком, у меня снимали тигра Акбара. Он отгрыз потом ухо у укротителя Сорокина-старшего. Дельный был тигр. Он мне часто снится по ночам.

Гитара (*рассудительно*). Ночью старайтесь спать без снов, пусть отдыхает голова.

К джазистам подходят Нечаев и Трубач.

Трубач (*представляя*). Режиссер-постановщик фильма и автор сценария – Федор Федорович Нечаев. А это – мои молодцы. Сидорук – барабан и электрогитара, товарищ...

Гитара (*поспешно, так как его фамилию всегда неприлично путают*). Жгунди...

Трубач. Вот именно. (*С энтузиазмом*) Обстановочка такова: мы будем одновременно джазовым трио и греческим хором...

Нечаев. Знаете ли вы, что такое греческий хор?

Гитара (*рассудительно*). Это хор, который состоит из греков.

Нечаев (*что-то заметив и сразу переключаясь, Зине*). А где товарищ Фекин?

Зина (*тотчас кричит*). Фекин! Товарищ Фекин! (*Не без*

радости) Фекина нет.

Нечаев. Интересно! Бороды у массовки приклеены черт знает как, а Фекина нет. Посмотрите, как держится борода у того старца. Она косая! Зина, подойдите, дерните его за бороду и отнесите бороду Фекину.

Зина (*решительно подходя к Старцу*). Простите. (*Дергает его за бороду*)

Старец. Что вы делаете?

Зина. У вас косо приклеена борода. (*Дергает снова, борода не отрывается, и Зина, уже все поняв, от испуга снова дергает*)

Старец. Это моя! Это моя!

Зина. Ой, ради бога... простите! (*Возвращается к режиссеру.*)

Неловкая пауза.

Нечаев. Тем хуже. Бороды у массовки настоящие, а выглядят как приклеенные. Это значит – они плохо подстрижены. А это уже ваша вина, Зина. И вообще, я не могу сам за всем следить!

В этот момент Блондинка, воспользовавшись суматохой, незаметно подвинулась к съемочной камере.

Кинооператор (*не отрываясь от камеры, умоляюще*).

Федор Федорыч, а она опять...

Нечаев (*тотчас переключаясь, Блондинке*). Скажите, де-вушка, почему вас все время столь непостижимо тянет к съёмочной камере? Почему вы не хотите понять, что вы массовка, что вы должны стоять на заднем плане, что вы... (*Махнул рукой, джазистам.*) Греческий хор в нашем фильме будет представлять, что ли... пародию на излишний модернизм. Короче, в самых ненужных местах вы будете вламываться в действие, произносить речитативом какой-нибудь абсурдный текст, потом играть и в заключение – глубоко вздыхать: «А-а-а!» Как греческий хор. Непонятно?.. Ну, в порядке бреда приведу один пример. Предположим, один из вас говорит: «О, весна! Весной мы все влюблены! О, весна!» Другой подхватывает: «О, весна! Весной не хватает витаминов!..».

Гитара (*серьезно*). Это очень большая правда – весной плохо обстоит с витаминами. А в конце концов главное – чтобы мы были здоровы.

Нечаев (*в восторге*). Заиграли!

Трубач. Заиграли!

Трио играет.

Вздохнули!

Трио (*хором*). А-а-а!

Нечаев. Вы отлично симпровизировали, товарищ...

Гитара. Жгунди.

Нечаев. В дальнейшем мы, может быть, даже попробуем импровизацию.

Блондинка в это время попыталась вновь привлизиться к камере.

Кинооператор. Федор Федорыч, а она опять...

Блондинка тотчас отступает, но Нечаев уже стремительной походкой идет в глубь павильона наводить порядок.

Трубач (*джазистам*). Итак, мы греческий хор с типовым вздохом: «А-а-а!» Вопросы есть? Заиграли, мальчишки родимые!

Играют.

Вкуснее заиграли. Пошел ударник. Все верно. (*Стонет от восторга*) Все верно... как у Жюля Верна. (*Трубит, обрывает.*) Типовым вздохом вдарили!..

Трио. А-а-а!

В продолжение картины Трио репетирует, играет и периодически глубоко вздыхает.

Нечаев (*в глубине павильона, Зине*). Начали!

Зина. Тишина в павильоне. Репетиция. Киноактер (*говорит текст сценария*). Так.

Нечаев. Стоп!.. Еще прибавьте мучительной сосредоточенности. Понимаете... как только вы входите в парадное... (*Вдруг вновь что-то вспомнил, кричит*) Фекин! Где этот Фекин, черт его побери!

Зина (*радостно кричит*). Товарищ Фекин! Фекин!..

В павильон вбегает Фекин

Нечаев (*изысканно*). Рад вас видеть, Борис Григорьевич!

Фекин. Вы хотите узнать, где я был.

Нечаев. Несомненно.

Фекин (*скороговоркой, вдохновенно*). Я ходил узнавать, во-первых, когда вам выдадут зарплату...

Нечаев (*столь же изысканно*). Я получил ее час назад.

Фекин (*не теряясь*). Во-вторых, в проходной ждет ваша жена, я ей должен выписать пропуск. И наконец, в-третьих, в комнате отдыха по-прежнему не исправлен замок, и я искал слесаря.

Нечаев. Но не нашли?

Молчание.

(*Зловеще, Зине*) Что написано в сценарии, прочитайте, пожалуйста, товарищу Фекину.

Зина. Кадр сто двадцать пять – от среднего до крупного. Виктор входит в парадное. В парадном стоит целующаяся

пара.

Нечаев. Где?

Фекин. Кто?

Нечаев. Целующаяся пара, очевидно... Насколько я помню, мы вчера с вами договорились...

Фекин. Здесь возникли такие обстоятельства...

Нечаев (*зловеще спокойно*). Борис Григорьевич, мы договорились с вами раз и навсегда: почему вы не сделали чего-то и какие на то были обстоятельства, вы мне впредь сообщать не будете. Вы мне будете сообщать...

Фекин. Я попрошу вас, Федор Федорович!.. Нечаев... вы мне будете сообщать лишь в тех редких случаях, когда вы что-то сделали. А сейчас я спущусь за сигаретами в буфет. Надеюсь, когда я вернусь, целующаяся пара будет на месте, а поцелуи отрепетированы. До скоро свидания. (*Уходит*.)

Трио (*вздыхает*). А-а-а!

Фекин начинает ругаться. Он ругается без слов, беззвучно раскрывая рот. Зина с усмешкой наблюдает за ним.

Фекин. Целующаяся... и пара...

И сразу перед ним возникает Блондинка. Критически ее оглядывает, качает головой. Блондинка отступает назад. Жестом подзывает к себе Зину, и они напряженно вглядываются в глубь сцены, туда, где сидит на скамейках невидимая

нам массовка.

Вон ту... хорошенькую, наивную... и этого... хилого, в шарфе. Ведите их!

Зина выводит из глубины сцены **Девушку** лет двадцати и **Парня**, одетого со щегольской бедностью: старая ковбойка, лыжные ботинки, узкие брюки и шарф.

(Оглядев пару) Это ему понравится. *(Деловито.)* Целуйтесь!

Девушка от изумления даже потеряла дар речи.

Парень *(не смутившись)*. А, собственно, почему?

Фекин *(устало)*. Потом, товарищи, потом все выясним. А сейчас целуйтесь!..

Парень. Все-таки я хотел бы понять...

Фекин. Снимать вас будем. Все понятно? Активнее, товарищи, мало времени. Целуйтесь!

Парень *(обретая дар речи)*. А я не хочу!

Фекин. Чего не хотите?

Девушка *(от испуга затвердила одну фразу)*. А я не хочу!

Фекин. А кто вас спрашивает? Вы на работе, девушка, ясно? Ну, поупрямились, и довольно. Вся страна узнает ваш

поцелуй. Вас будут потом снимать в советско-аргентинском фильме. Целуйтесь!

Девушка. А я не хочу!

Фекин. Ну и не надо. *(Трагически)* Не целуйтесь. Пусть меня с работы из-за вас выгонят... *(Подумав)* И Зину тоже. Ну, что нам, понимаете, на колени перед вами встать? Давайте встанем! Зина, иди становись перед ней на колени. Я, немолодой, семейный человек, я тоже сейчас встану на колени. *(Не двигаясь с места)* Можете считать, что я уже встал. Вы видели нашего режиссера? Он – не человек. *(Ударнику)* Как звали этого тигра, который отгрыз...

Ударник *(радостно)*. Акбар его звали...

Фекин. Вот! Он – Акбар. Он не станет снимать без целующейся пары. А как устали люди... Вымотались люди. Ждут вас люди!

Девушка совсем растерялась, а Парень насмешливо следит за происходящим.

Голуба, я вижу: вы – чистая, вы – скромная, вы – ангел. Но ведь искусство – ему жертвы подавай, искусство! *(Кричит неожиданно повелительно)* Целуйтесь!

Парень наклоняется к Девушке, та испуганно на него смотрит. Они целуются.

Нечаев *(входя)*. Стоп! *(Мягко)* Не так. Так не целуют-

ся, товарищи, когда любят. (*Шепотом, Фекину*) По типуажу очень хороши...

Фекин (*тоже шепотом*). А вот вы всегда наброситесь... Иду выписывать пропуск вашей жене. (*Тотчас исчезает*)

Нечаев (*походив по павильону, обращается к паре*). Мы снимаем фильм про любовь... Зина потом передаст вам сценарий... Сейчас снимается сцена в парадном. По замыслу, куда бы ни пошел наш герой в этот вечер, всюду на заднем плане будет проходить целующаяся пара. Это бесконечно целующаяся пара. Это – символ. Вы будете как бы олицетворять... Ненавижу это слово. (*Вдруг застенчиво улыбнулся*) Ну, в общем, понятно. Теперь попробуем.

Девушка и Парень целуются.

Опять не так. Понимаете, это их первый поцелуй. Первые поцелуи – безумные. Они только что раскрыли радость поцелуя, у них ничего нет, кроме этого, и поэтому они целуются – смертельно!

Фекин (*вбегая, торжественно*). Федор Федорович, перерыв на обед!

Затемнение.

Над сценой – надпись «Комната отдыха». Нечаев и его Жена. Она, видно, только, что вошла. Накладывает еду из

принесенных с собой каких-то нелепых судков. Нечаев молча, почти машинально ест.

Жена. Ты чувствуешь, что ты сейчас ешь? Ты съел сейчас половину моего дня.

Нечаев. Действительно, глупо носить обед из дома.

Жена. Да, умнее, если бы ты питался в творческом буфете. А потом неделю ходил бы с больным желудком, а я целый день варила тебе бульон.

Нечаев молча ест.

Отчего люди так противно едят? И вообще все эти тарелки!.. Боже мой, кто придумал эту еду?

Нечаев (*поднял голову, молча смотрит на нее, потом, стараясь не торопиться, снова ест. После паузы*) Что-нибудь произошло?

Жена. Ничего... Да, сейчас встретила на улице нашу ботаничку Софу. Она шла в коротеньком девичьем платьице. «Здравствуйте, Софа». А Софе за пятьдесят, и все над ней смеются. А мне вот страшно на нее смотреть. Она тридцать лет в одной школе: сначала была пионервожатая Софа, потом молоденькая учительница Софа. И так все тридцать лет, и все в одной школе, и все «Софа», «Софа». И она не заметила, как прошло время. И для себя она по-прежнему Софа в коротеньком платьице. И вот так же пройдет моя жизнь.

И ничего ты не увидишь, и ничего ты не заметишь: обеды, ужины, зарплата. Смешно! Раньше ко мне часто приставали на улицах, и я сердилась. А сейчас почти никто не пристаёт, и скоро я уже буду сердиться от этого.

Нечаев. Да, я получил зарплату...

Жена (*яростно*). Надоело! Эти деньги, деньги! Потом их вечно не хватает, потом...

Нечаев. Да, конечно. Когда я получал восемьдесят рублей, нам хватало. Теперь я получаю...

Жена. Мне скучно от этих разговоров!

Нечаев. Я просил тебя поехать в дом отдыха!

Жена. Дура, что не поехала! Торчать в свой отпуск в городе, с обедами! Что ты молчишь?

Нечаев. Думаю.

Жена. О чем же?!

Нечаев. О том, что после этой сцены мне придется идти снимать.

Жена. Ах да, конечно. Творить фильм о любви. Интересно, как ты можешь снимать фильм о любви, если ты абсолютно не знаешь, что это такое? Нет, по-моему, тебе нужно влюбиться в какую-нибудь девицу из массовки. Например, в ту – «целующаяся пара». Милая современная девчушка... Впрочем, ты этим не интересуешься. Нет, тебя даже совершенно не в чем упрекнуть! Ты даже не пьешь. А лучше бы ты пил, бегал бы за каждой юбкой, но был бы мужчина! Как мне все это надоело! Я устала! Что делать! Я устала от «ве-

ликого творчества». Я хочу серости. Я устала!

Нечаев. Тише... Тише... Тише...

Молчание.

Ты была удивительно восторженная когда-то. Только в девушках есть эта восторженность. Есть принцессы среди девушек, но нет королевы среди женщин. Это такая пословица.

Жена. Прости, я виновата: я повзрослела. Я виновата, что хочу нормальной человеческой жизни. Чтобы ты возвращался домой к ночи, как все люди. Чтобы не я руководила домом, а чтобы мной руководили и чтобы мне говорили... хотя бы иногда... как меня любят, потому что я женщина! Почему ты опять молчишь?

Нечаев. Мне не хочется с тобой ссориться. Когда-то у нас были великолепные ссоры. Насмерть. Такие ссоры бывают только у влюбленных.

Жена. Ты прав, у нас все было. Ну ладно.

Нечаев. Что – ладно?

Жена. Я уезжаю на юг ночным поездом. *(Пауза. Не двигается, ожидая, когда он начнет ее уговаривать. Нечаев молчит)* До свиданья!

Нечаев. До свиданья!

Жена. Чистое белье я сложу в твой шкаф.

Нечаев. Спасибо.

Жена. До свиданья.

Нечаев. До свиданья!

Жена (*поворачивается, медленно идет к двери, толкает дверь, но дверь не открывается. Она толкает ее снова, тот же результат. В гневе*) Ну я не знаю!

Тогда Нечаев разбегается и бьет плечом в дверь. Дверь распахивается.

Затемнение.

Снова павильон № 2. Юпитеры потушены. Павильон почти опустел. Остались только Блондинка, двое джазистов, Гитара и Ударник, и целующаяся пара. Девушка ест сосиски из целлофанового пакета. А Парень, искоса наблюдая за ней, что-то рисует на листе бумаги. Джазисты неторопливо беседуют.

Ударник. В жизни много странных совпадений. Мне, например, очень не везет на фамилию Сорокин. После истории с тигром Акбаром дали мне тигра по кличке Гамлет.

Гитара (*любопытливо*). Отгрыз что-нибудь?

Ударник. Именно. Отгрыз руку у укротителя Сорокина-младшего.

Гитара. Что вы говорите!

Ударник. Сорокин-младший потом полгода на приживание ходил. Но руку тебе отгрызет кто хочешь, а вот попро-

буй ее приживить! За Сорокина-младшего я получил второе предупреждение.

Трубач (*ходя*). Углубились в работу. (*Раздавая листочки.*) Это листочки для импровизации. Здесь вся импровизация написана. Начали учить импровизацию наизусть.

Трио углубляется в листочки.

Девушка (*протягивая парню сосиску*). Говяжья!

Парень. Спасибо. Но в час ночи я почему-то привык спать, а не есть.

Девушка. Ау меня, знаете, всегда аппетит, как у Ноздрева. А вы сейчас меня рисуете? (*Ест*)

Парень. Нам бы познакомиться надо. Мы ведь с вами в некотором роде целовались.

Девушка. Ну ладно, ладно!..

Парень (*представляясь, гаерски*) Петя я. Художник я, Петя. Подрабатываю на ночных съемках.

Девушка. Аня. (*Проглотила кусок*) Сосисочки как не бывало. (*Напевая*) «Тира-рира, полюбила я жокея...»

Петя. И как же вы очутились, Аня, на ночной съемке?

Аня (*засмеялась*). Как я очутилась... Глупо. У моей тетки наступил день рождения. Я ей фартук купила в подарок. Правда, похвально? А потом вышла из магазина, разворачиваю фартук, а он на улице совсем другого цвета. Я бегом обратно и прошу продавщицу: «Девушка, перемените!» А она:

«Нет!» Тогда я ее очень попросила, а она как заорет. И мне вдруг стало жутко. Представляете, у меня, может быть, были последние деньги, и я так прошу, а она орет! И тут я вдруг разревелась... Все смотрят, а я бросила фартук на прилавок и убежала. Пусть ей будет плохо. А ей будет плохо, потому что до нее дойдет потом, что она сделала. Ну какой же день рождения без подарка? И тут мне подвернулось это дело. Вообще здесь довольно интересно из познавательных соображений. Может быть, все-таки съедите сосисочку за маму, за папу?

Трубач. Начали импровизацию...

Трио (*хором*).

Едят люди искусства,
Едят молодые и старые.
Они пьют свою чашечку кофе
В творческом буфете.
А у аэропортов вздрагивающие
розовые глаза,
И глобус одет в клетку
Из параллелей и меридианов.

(*Вдохнули*) А-а-а!

Входят Зина и Фекин.

Фекин. Тишина в павильоне! Все на местах!

Входит Нечаев.

Нечаев (*мрачно, Фекину*). В комнате отдыха по-прежнему, не исправлен замок.

Фекин (*Зине, тихо*). Наш – не в духе. (*Нечаеву*) Будет починен.

Нечаев (*думая о ссоре с женой, опять мрачно*). На чем мы остановились?

Зина. На поцелуях.

Фекин (*деятельно*). Встали на места и начали поцелуи.

Петя и Аня целуются.

Нечаев (*очень устало*). Не так. (*Фекину*) Я ведь вас просил отрепетировать это без меня...

Фекин. Во-первых, вы не просили. Во-вторых, у меня был обед.

Нечаев. У вас целый день – обед. Неужели вы не могли... Целуйтесь снова, товарищи...

Аня (*решительно*). А я не буду! Я говорила, что я не умею!

Нечаев (*подумав*). Вы правы. И не надо.

Фекин (*испугавшись*). Мы сейчас научим.

Нечаев. Не надо. Этому нельзя научить. Это или умеют, или не умеют. На сегодня закончим.

Блондинка тотчас делает шаг вперед.

Фекин (*шепотом*). Мы можем ее попробовать?

Нечаев. Мы все можем, мы только не можем сделать ей другое лицо. Сколько отсняли сегодня?

Фекин. Сорок метров.

Нечаев. Чудно. На завтра ту же массовку. В целующуюся пару подберете другую девушку. До завтра, товарищи, благодарю всех! (*Уходит*)

Тотчас погасли юпитеры. Все начали расходиться. Петя, усмехнувшись, взглянул на Аню.

Аня. Бедная я. (*Открыв сумочку;*) И все-таки несмотря ни на что, наступил священный миг пудры. Попудримся, друзья!

Петя. Вы только не огорчайтесь. За сегодня они вам все равно заплатят трешник. За трешник вы купите великолепный подарок.

Аня, попудрившись, молча сидит.

О чем вы думаете?

Аня. Ни о чем.

Петя. Да... Если... (*Неловко*) Если вам идти далеко, моя

мастерская через переулок.

Аня. Благодарю вас. Познавательные соображения не столь широки.

Петя. Ясно.

Аня. Я сказала глупость?

Петя. Нет, вы просто меня не поняли. *(Насмешливо.)* Я хотел взять своего друга и коллегу Юрочку и уйти с ним в ночь к нему домой. У нас все равно сегодня ночная работа... Ну да ладно... *(Передавая рисунок)* На память о наших поцелуях...

Аня. Это я!

Петя. Нет, это Бармалей. Там, на обратной стороне, начертан адрес мастерской. Если когда-нибудь захотите навесить, милости просим.

Аня. Все понятно. Помахали ручками на прощанье и разошлись. *(Разглядывая рисунок)* «Тира-рира, полюбила я жокея...»

Петя уходит. Аня взглянула на часы и печально покачала головой.

Трубач *(репетируя)*. И в заключение пошла элегия. В гитарочке осень... листочки, понимаешь, кружатся... Все печально... то ли осень, то ли весна, то ли было, то ли будет...

Аня *(решительно поднимаясь)*. Наплевать. Даже интересно. *(И пошла к выходу)*

Трубач. И по-гречески, ляпнули!

Трио. А-а-а!

Затемнение.

Комната отдыха. Нечаев один.

Голос Фекина. До завтра!

Нечаев. До завтра.

Снимает пальто с вешалки, надевает шляпу, останавливается перед зеркалом, потом сдвигает шляпу набекрень и показывает себе в зеркало язык. Подходит к телефону и начинает набирать номер. Но, не набрав, кладет трубку и снова стоит у зеркала.

В день нашей смерти

Приходит ветер

Стереть следы наших ног на песке...

Он замолкает и стоит перед зеркалом.

И молчит. Затемнение.

Ночь. У входа в киностудию. Над входом длинный козырек. Над козырьком – светящаяся надпись «Киностудия». Под козырьком на ступеньках сидит Аня. Шум дождя. Из

дверей выходит Нечаев.

Нечаев. Доброй ночи! Почему вы не уехали со всеми на автобусе?

Аня. Доброй ночи. Поцелуйчики закончились, так что можно я посижу здесь, без руководящих вопросов?

Нечаев (*садится тоже на ступеньки*). Дождь... Ни одной машины. Слушайте, вы зря на меня обижаетесь. Яне виноват, что вы не умеете целоваться. А вообще, если я что-то не так сказал, вы уж простите. Когда идет съемка...

Аня. А сейчас съемка не идет. Идет дождик, и вам скучно и хочется со мной поразговаривать. Ну разговаривайте. Только не надо всех этих «простите», «съемка». Что было, то было.

Молчание.

Ну что вы там приуныли? Ну давайте, разговаривайте. Нечаев. Ну давайте.

Аня. Ну давайте... Мне заплатят за съемку?

Нечаев. Да. Три рубля.

Аня. Дождь...

Нечаев. Дождь... (*Помолчав*) Вы помните какие-нибудь детские стихи про дождь?

Аня. Нет.

Нечаев. Жаль. Я раньше помнил, а теперь забыл. Очень

жаль. Дождь!

Аня. Знаете, на худой конец я могу прочитать стихи про ежика.

Нечаев. Ну что же, давайте про ежика. Тоже выход.

Аня. Про ежика... Значит, про ежика... «Кто и спать тебя уложит, снял бы шкурку прочь. Глупый ежик, глупый ежик, как тебе помочь...» Неплохо?

Нечаев. Отлично... Сейчас я вам тоже прочту стихи. Я их просто сразу прочесть постеснялся. Я их целую неделю хочу кому-нибудь прочесть. И все не приходилось. А сейчас прочту. Это песня индейцев:

В день нашей смерти
Приходит ветер
Стереть следы наших ног на песке.
Ветер несет с собою пыль,
Которая скрывает
Следы, оставшиеся там, где мы прошли.
Потому что если было бы не так,
То было бы, будто мы еще живы.
Поэтому ветер
Приходит
Стереть
Следы наших ног на песке.

Молчание.

Аня. Интересно, когда мне что-нибудь очень нравится, у меня бегают мурашки по позвоночнику.

Нечаев. Да. Мне тоже очень нравится.

Аня. А что у вас случилось сегодня?

Нечаев. Почему вы так решили?

Аня. Не надо. Я на эти дела мастер. У нас на работе меня называют «старче», за мудрость, видимо.

Нечаев. У вас хохол на голове торчит, от мудрости.

Аня. Он у меня всегда торчит. Как у петуха. У меня и зуб передний выпирает. Правда, зато у меня есть две макушки. Говорят, это к счастью. Так что же у вас случилось?

Нечаев. Действительно, что?.. Пожалуй, ничего особенного. Вы ошиблись на этот раз, старче. Сначала было утро. Сегодня было удивительное утро – солнце, весна. И все беды, огорчения казались глупыми по сравнению с этим утром. И очень хотелось жить. И весь ты был сильный, и были надежды. Вот что может сделать солнце и утро! На работу я шел медленно, и все вокруг тоже медленно шли. И все говорили: «Скоро лето». И все были добрые от солнца. А потом была съемка. И, как всегда, началась какая-то беготня, и я стал таким же, как всегда: занимался очень важными делами, с кем-то ругался, бегал. И об утре и о солнце, конечно, забыл... Что же дальше? А дальше пришел другой человек. И поссорился со мной. Это тоже бывает всегда. А потом съемка закончилась оттого, что я к вам придрался. А потом я стоял перед зеркалом и показывал себе язык. Взрослые дяди, ко-

гда они остаются одни перед зеркалом, становятся ужасными детьми. И тут я опять вспомнил об утре, и мне захотелось пойти куда-нибудь в совершенно необыкновенное место. Быть свободным и чтобы что-то случилось. Но я не знал этого места. Но зато я отлично знал, что все кончится тем же, чем всегда: я просто пойду домой спать... Ну вот, кажется, дождь прошел.

Аня. Давайте прощаться.

Нечаев (*после паузы, усмехнулся*). Давайте.

Аня. Я желаю вам не горевать. И если у вас будут какие-нибудь неприятности, вы всегда повторяйте про себя, как заклинание: «Ерунда, все перемелется, и такая мука будет, хоть пеки из нее ватрушки». Это помогает.

Нечаев. А что пожелать вам?

Аня. Что-нибудь земное. (*Насмешливо.*) Чтобы хохол у меня не торчал. И зуб не так уж выпирал. И чтобы к концу года у меня ноги выросли на два сантиметра... Ну прощайте!

Нечаев (*усмехнувшись*). Нет. Здравствуйте!

Аня. Я не поняла.

Нечаев. А что ж тут не понять? Вам некуда идти. Вы здесь сидите, потому что наврали что-то дома... чтобы уйти на съемку на всю ночь. И теперь вы должны торчать где-нибудь до утра...

Аня (*нервно*). Нет, какой вы проницательный! Удивительно! С кем бы вас сравнить? Я покорена! Я в восторге!

Нечаев. Перестаньте меня бояться.

Аня. А я не боюсь.

Нечаев. Вы боитесь, что я предложу вам что-то. Я не предложу.

Аня (*засмеялась*). Черт возьми, сколько во мне бодрости. Я когда-нибудь погибну из-за своей бодрости. (*Вскочила*) Послушайте! Я вас очень прошу! Пойдемте со мной в одно совершенно необыкновенное место! Ведь вы мечтали сегодня попасть в необыкновенное место?

Нечаев. Например?

Аня. Ночь. Мастерская, и сплошные художники. Меня туда пригласили, только я туда боюсь идти одна. А мне очень нужно туда идти.

Шум подъехавшего такси.

Затемнение.

Мастерская художника Пети. Стеллаж с керамическими вазами – стилизация под греческие амфоры и грубые необожженные сосуды кочевников. В мастерской Петя и Нечаев.

Петя. Какая неожиданность! Потрясен, изумлен! (*Кричит*) Юрочка, иди потрясаться... Мой друг Юрий готовится к встрече, завязывает галстук. А где же застряла моя партнерша по поцелуям? (*Кричит*) Поцелуи, где вы?

Голос Ани. Мы тут, мы переодеваем ботинки.

Петя. Поцелуи переобуваются. (*Нечаеву*) Чем бы вас занять?

Нечаев. Ничего-ничего. Я просто посижу... Посмотрю...

Петя. Правильно. Оглядывайтесь вокруг. Изучайте жизнь. (*Замахал руками.*) Нет, не верю! Вы пришли! Вы – Зевс, громовержец! И вдруг посетили скромного человека из массовой. До чего демократично наше искусство! Да, позвольте представиться. Мы с Юрочкой, так сказать, рядовые художники. Состоим на службе оформителями в журнале «Юная техника». В тот незабываемый миг, когда вы, так сказать, пересекли наш порог, мы как раз отражали взрыв в галактике М-62. Это радостное событие произошло двенадцать квадрильонов лет назад. Но человечество об этом узнало лишь вчера. У нас ведь все с опозданием – провинциальная планета!

Входит Аня.

Не прошло и получаса, как поцелуи переобулись. Какова прическа!

Аня. Да ну вас!

Петя. Да ну меня. Нет, до чего она прекрасна! О! Юрочка, иди быстрее смотреть, как она прекрасна.

Молчание.

Чем бы вас занять?

Аня. Если можно, поставьте чай, а то я крайне забочусь о своих glandax...

Петя. Конечно, ваши glandy предпочли бы... Но мы ее, проклятую, не держим по причине дорогой ее стоимости. Все деньги тратим на глину. Так что ограничимся чаем с сахаром. *(Включает чайник.)* Вообще, наша мастерская нетипичная.

Всюду сейчас на гитарах играют. Испания. А у нас даже гитары нету... по причине, что играть не умеем. Правда, магнитофон есть. Юрий смастерил. Золотые руки – этот Юрий. *(Кричит.)* Юрий, золотые руки! *(Нечаеву)* Завязывает галстук. Знаете, вы пишете с него типа. Редкий человек. Встретились мы с ним необычайно. Иду я как-то в спокойствии чинном мимо витрины магазина «Колбасы». Смотрю, человек висит, за ногу привязался и колбасы фигурно укладывает. Это и был он, о Юрий!.. А кроме того, Юрий – мыслитель. Пишет трактаты по искусству. Как Леонардо да Винчи. Он даже заимствовал у Леонардо восклицание «о!». Все трактаты у Юрия начинаются с «о!». «О художник!» А заканчиваются: «Да будет так!» *(Кричит)* О Юрий, тебя ждут. Да будет так!.. Ну ладно, в ожидании Юрочки заведем магнитофон. О наш спаситель! Как хорошо, что ты есть. Без тебя, собравшись, пришлось бы о чем-то разговаривать, о чем-то думать, а так заведешь – и всласть погрустишь, безмолвно. Начнем?

Нечаев *(он очень стесняется и совсем потерялся).* Вы знаете... В общем, это необязательно...

Петя. Да, конечно, дурной тон! Да будет так! А зря, в магнитофоне есть своя истинность. Ну лады! Пойду поглядеть на Юрия, а то он от смущения, может быть, галстуком удавился. (*Уходит*)

Аня. Вам здесь не нравится?

Нечаев. Я им почему-то не нравлюсь. (*Усмехнулся*) Ну, в общем, ладно.

Аня. Странно, вчера я не знала ни вас, ни его. Когда люди не знают друг друга, они как будто живут на разных планетах.

Возвращается Петя с Юрочкой. Юрочка – аккуратно одет и в галстук.

Петя. До чего хорош! И она тоже до чего хороша! Они оба до чего хороши!

Юрочка молча и невозмутимо разливает чай.

Нет, серьезно, пишите с него типа. Во-первых, молчалив. В наше время – редкость. Все ныне болтают и болтают. А у Юрия есть теория: «Человеку дан один язык и два глаза». В этом Юрий видит как бы намек на то, что нужно говорить в два раза меньше, чем видишь. Поэтому он молчит совсем. И вынужден говорить за нас обоих. Так, Юрочка?

Молчание.

Юрий отвечает, что именно так. Сахару?

Нечаев. Спасибо.

Петя. Ну, если вы когда-нибудь придете с водочкой и напоите Юрия, на него сразу стих находит. Только стихами и пуляет. Юрий, пульни стихами в честь гостей.

Молчание.

Юрий говорит, что не пульнет.

Нечаев. Можно мне мастерскую посмотреть? Петя. Да будет так. О Юра, покажи ему мастерскую.

Юрочка уходит с Нечаевым.

(Ане) Вторая встреча... Не много ли для одного дня?

Аня. Почему... вы такой?

Петя. Я другой. Да? Вы тоже сейчас другая. Мы все и всегда другие. В этом жизнь... Вы знаете, когда я вас увидел, я испугался. Я подумал, что вы наивны и что вас просто съедят на стезе кинематографа... как ту сосисочку... О, я святая простота! Она сама режиссера с ходу цап-царап – и съела. Правильно, глотай их, болезных! А вообще, меня все это не интересует. Мне лучше сохранять с вами хорошие отношения. Нам, по всему видно, опять придется целоваться завтра?

Возвращаются Юрочка и Нечаев.

(Нечаеву). О чем же мы дальше поговорим? О ваших фильмах, конечно. К сожалению, не видели. Времени у нас с Юрием мало. Мы с Юрочкой смотрим лишь те фильмы, которые нам понравились в детстве. Боимся рисковать, так сказать... Поэтому «Бемби» мы смотрели пятьдесят семь раз. Так что эта тема отпадает. Нет-нет, мы знаем, что вы достаточно известный режиссер. Не так чтобы очень, но достаточно. Но будете еще известнее. Я это сразу понял, как ваш джаз увидел. А что, если вам для необычности ввести в картину еще Ивана Грозного и запузырить какой-нибудь двусмысленный диалог типа... Ну как жизнь, Иван? Все репрессируешь? А у нас тут новость: холоп с колокольни прыгнул. Крылья испытывал. Ну конечно, мордой об землю – интеллигенция. Ну сами знаете... *(Остановился.)* Вы достаточно обиделись на меня?

Нечаев. Достаточно.

Петя. Значит, настало время спросить, как вам понравились мои вазы?

Нечаев. Очень понравились.

Петя. Это почему ж так?

Нечаев. Есть какое-то поразительное ощущение материала. Эти вазы сами по себе – скульптура.

Петя. Чушь! Все вазы, которые вы видели, – дрянь, декадентство. Это для меня пройденный этап. В них слишком

много крику. Вот были Бах, Шекспир. Они могли позволить себе быть простыми. Они могли разговаривать с Господом о подтяжках. И Бог их слушал, потому что внутри было много. В искусстве есть художники. Они отражают то, что сами чувствуют. И инженеры. Они конструируют вещи. Им плевать на то, что они чувствуют.

Для них главное, чтобы вещь нравилась. Часто все это перемешано в одном человеке. Я желаю, чтобы в вас победил инженер. Так для вас будет легче.

Аня. Уже пять часов. Туфли высохли.

Петя. О радость! У поцелуев высохли туфли. Мы их, пожалуй, принесем с Юрочкой. Ты хочешь их принести, Юрочка?

Молчание.

Юра говорит, что хочет. (*Уходят*)

Нечаев (*после паузы*). Вы приходите завтра на съемку, ладно?

Аня. Зачем?

Молчание.

Может быть, приду. Смешно. Сейчас мы выйдем из этого дома, и потом наступит завтра. И мы опять будем на своих планетах.

Нечаев. Если вы не придете, вы позвоните мне со своей планеты. Как там у вас насчет зуба и хохла? Мой телефон...

Аня. Не надо. Терпеть не могу записывать телефоны. Нужно будет, сама найду. Дайте вашу ладонь. (*Берет его руку*) Ну вот... (*Гадая по руке*) Все у вас будет замечательно. Вы зря грустили.

Нечаев. Я тоже в этом уверен. Только это правая рука, а гадают по левой.

Аня. А у меня две макушки, я могу – по любой руке.

Возвращаются Юрочка и Петя. У каждого по туфле.

Аня (*надевая туфли, смеется*). Спасибо.

Петя (*усмехаясь*). До завтра, видимо?

Аня. До завтра.

Нечаев. Спасибо за чай.

Аня и Нечаев уходят.

Юрочка (*весомо, после паузы*:). Она мне очень понравилась.

Петя (*усмехнувшись*). Не про нас с тобой эта девушка... не про наши с тобой рожи.

Юрочка. Да будет так!

Затемнение.

Квартира Нечаева. Нечаев открывает дверь, входит в комнату, садится в кресло и молча сидит.

Жена (из другой комнаты). Ты?

Нечаев. Да.

Жена (ласково-ворчливо). Ну вот, разбудил, конечно.

Нечаев. Спи. Еще очень рано.

Жена. Как хорошо, что ты меня разбудил. *(Смех)* Как хорошо, что я не уехала... Да?..

Нечаев. Да.

Жена. Ну где ты там?

Нечаев. Сейчас я докурю.

Жена (уже играя сонное состояние). Докурить можно и здесь.

Нечаев. Спи, спи!

Жена. Нет, я уже проснулась. *(Смех)* Как съемка?

Нечаев. После твоего ухода я ее отменил.

Жена. А где же ты был до сих пор?

Нечаев. Пошел в мастерскую к художникам!

Жена. А я здесь тебя жду! Всю ночь!

Нечаев. Я не знал, ведь ты сказала...

Жена. Боже! Ну какое имеет значение, что я сказала... Ты должен был все почувствовать! Но разве ты можешь что-нибудь чувствовать?

Нечаев. Прости, милая...

Жена. Только не надо: «милая, хорошая»... Боже, как это скучно. Ты бы придумал хотя бы какое-нибудь новое слово... или посоветовался с кем-нибудь...

Нечаев. Послушай...

Жена. Нет, не уходить, от тебя бежать надо... Вот придет первый, кто мне скажет настоящее ласковое слово, и я к нему сама на шею брошусь!

Нечаев (*помолчав*). Я виноват, прости.

Жена. А я... вздорная дура. Просто глупо вышло. Я в парикмахерскую пошла, чтобы быть красивой. Потом ждала тебя полночи. И мы опять поссорились. Все равно я тебя люблю. Ты знаешь, я действительно решила уехать, а потом собрала чемоданы и... не смогла. Ты меня любишь?

Нечаев. Да.

Жена (*стараясь лукаво*). А не врешь? Ну-ка повтори.

Нечаев. Люблю.

Жена. Ну скоро ты там?

Нечаев. Скоро. Открыть окно?

Жена. Открой, а то душно... Ссорятся люди, ссорятся. И вдруг возникает островок нежности, и это все оправдывает.

Нечаев. Обе половинки открыть?

Жена. Обе.

Нечаев открывает окна, потом снимает пиджак.

Затемнение.

Конец первой ночной съемки.

На следующий вечер. Павильон № 2. В павильоне – ассистент Зина, Киноактер Блондинка, Петя. На стульях сидят джазисты: Гитара и Ударник. Входит Нечаев.

Нечаев. На чем мы остановились?

Петя. Как обычно, на поцелуях.

Зина. Вы сказали, что придет вчерашняя целующаяся де-вушка, но она не пришла...

Пауза.

Нечаев (*взглянув на часы*). Странно. А кто же вместо нее? Где Фекин?

Зина (*тотчас*). Фекин! Товарищ Фекин! (*Радостно*) Фекина нет.

Нечаев. Вечер начался. Разыщите Фекина, а мы подождем, у нас ведь времени очень много.

Зина уходит. Нечаев трагически разгуливает по павильону, глядя на часы.

Ударник. После Гамлета мне поручили тигра Наполеона.

Гитара. Отожрал чего-нибудь?

Ударник. Нет. Наполеон у меня убежал на гастролях. Из вагона – в город. А там уже откусил ногу у сторожа. Тигруля был что надо!.. И вот тут-то меня уволили из цирка. А я тигров люблю! Тигры – мое призвание! (*Героически*) Тигры мне по ночам снятся!

Трубач (*входя*). Кончили травить, сразу включились, заиграли... Вкуснее... Вкуснее надо. И по-гречески – раз! Трио (*вздыхнули*). А-а-а!

В продолжение сцены джаз репетирует. Вбегает Фекин, за ним – Зина.

Фекин. Все в порядке – утрясал дело с целующейся парой.

Нечаев (*саркастически*). Утрясли?

Фекин. Дело в том, что у нас сегодня должен быть просмотр отснятого материала... Затем, опять же, замок в комнате отдыха не исправлен – я искал слесаря...

Нечаев. Все-таки непонятно, кто сейчас будет изображать целующуюся девушку. Может быть, вы, Борис Григорьевич?

Фекин. Я попрошу вас, Федор Федорович!.. Блондинка (*решительно шагает вперед*). Здравствуйте!.. Фекин. «...Я ваша тетя»... (*Тихо, Нечаеву*) В конце концов, это задний план...

Киноактер (*поймав обольстительную улыбку Блондинки, Нечаеву*). В ней даже что-то есть...

Нечаев (*взглянув на часы, махнул рукой*). Ставьте... ее!

Фекин и Зина начинают что-то объяснять в сторонке Блондинке и Пете.

Нечаев (*Киноактеру*). Начали движение по лестнице.

Зажглись юпитеры. Киноактер делает два шага, изображая крайнюю печаль на лице.

Стоп!

Фекин (*тихо, Зине*). Наш не в духе.

Нечаев (*Киноактеру*). Вы сентиментальны. У меня такое ощущение, что вы не переживаете, а взбалтываете некое чувство. И когда у вас появляется пена, вы считаете, что переполнены чувством до краев. А это только воздух!

Голос. Друг Федор, не говори красиво!

Это вошел Кирилл Владимирович, барственный, высокий, медлительный и красивый. Лет ему за сорок. И говорит он тоже барственно и медлительно.

Кирилл Владимирович. Как живется-может, как успехи множатся?

Нечаев. Размножаются успехи на два, на три и на четыре.

Кирилл Владимирович. Спешу вас обрадовать: сейчас

состоится просмотр отснятого вами материала.

Нечаев. То есть как сейчас? Они что, с ума посходили?
У нас сейчас съемка! Это невозможно!

Кирилл Владимирович. Мой дорогой! В кино все возможно.

Фекин (*радостно*). Не беспокойтесь, сейчас мы все изменим.

Кирилл Владимирович (*Фекину*). Приветствую вас, дорогой Фекин!

Нечаев (*Фекину*). Объясните ему, что у нас съемка...

Фекин. Все сделаем, вернусь через минуту. (*Исчезает*)

Кирилл Владимирович. На просмотр придут гости – Кирьянова с теткой...

Нечаев. Ну зачем же? Я ведь вас просил, чтобы никто...

Кирилл Владимирович. Вы забияка! Кирьянова – это популярный киновед, это общественное мнение. Ее тетка – великая актриса, которую вы по молодости не застали на сцене, а я застал. (*Насмешиливо*) Короче, вы, как творец-художник, можете не понимать, зачем их надо приглашать, а я, как ваш редактор, не могу этого не понимать.... Молодость-молодость, как хочется вздохнуть.

Трио (*хором*). А-а-а!

Кирилл Владимирович. В этом духе... Да, затем у меня к вам еще один важный разговор...

Нечаев. Если можно, потом... (*Взглянув на часы*) В ожидании Фекина я сбегаю за сигаретами. (*Уходит*)

Петя (*Блондинке*). Значит, целоваться будем?

Блондинка. А вы кем в жизни работаете?

Петя. Как вам сказать... Я – художник, оформитель и рекламист. «Пусть в каждом доме стар и мал прочтет газету и журнал». «Кто рано утром кофе пьет, тот никогда не устает». Последний мой шедевр – «Парк закрыт на просушку»...

Блондинка. Вам бриться надо. А то целоваться будем – все щеки мне исколете.

Входит Аня. Огляделась. Неловко поздоровалась.

Петя. А мы вас ждали.

Блондинка (*с ненавистью*). Опоздали!

Петя. А мы волновались с Юрочкой, как вы добрались вчера...

Аня. Спасибо. Все в порядке. (*Оглядываясь.*)

Петя. А его нет. А он ушел...

Блондинка. Проспят, а потом являются, радость какая!..

Петя (*Ане*). Вы очень понравились моему другу Юрию. Он даже взревновал вас. И так расправил от ревности свои могучие плечи, что я их потом целый час вправлял обратно.

Аня. Послушайте...

Петя. Я ему так и сказал: «Послушай, ведь ничего не случилось. Просто девушка ушла с другим в ночь... И она ушла с ним вдвоем по дороге жизни».

Блондинка. Тр-р-р... Трещат, как пулемет!

Возвращается Нечаев. Аня здороваается с ним. Тот сухо кивает.

Нечаев. Так... Пока Фекина нет, продолжим репетицию.
(*Ане*) Выйдите из кадра.

Пауза. Аня отходит.

Зина. Тишина в павильоне.

Нечаев (*Киноактеру*). Начали движение по лестнице одновременно с поцелуями.

Киноактер делает шаг вперед. Блондинка и Петя целуются.

Блондинка (*целуясь, шепотом*). Вы колетесь щеками! Я вас ненавижу!

Петя (*шепотом*). А вы хотели бы меня любить, целоваться со мной и получать при этом еще три рубля?

Нечаев. Разговоры! Поцелуй! Больше любви!

Блондинка (*целуясь, Пете*). Кактус!

Нечаев. Еще! Еще! Не вижу любви!

Блондинка (*страстно*). Ненавижу!

Нечаев. Хорошо. Вижу любовь. Теперь ясно вижу!

Фекин (*вбегая*). Был у Овсянникова, был у Аверченки и

у Гуслицера...

Нечаев. Но?

Фекин (*оптимистически*). Но ничего не вышло. Придется сейчас прервать съемку и смотреть материал, иначе зала не получить.

Нечаев (*вздыхнув, Зине*). Пока порепетируйте сами. Если придет моя жена, объясните ей, что я в просмотрном зале.

Затемнение.

Надпись над сценой: «Просмотровый зал № 7». Уголок зала у пульта. Видны пульт и несколько кресел. В креслах – Ирина Кирьянова и ее тетка – актриса Надежда Леонидовна Кирьянова. Ирина элегантна, еще молода, ей за тридцать, но не сорок. Надежда Леонидовна стара, но без тени дряхлости. У нее сильный звучный голос – голос трагической актрисы. Говорит подчеркнуто напевно, с легким жеманством. Входят Нечаев и Фекин. Поздоровавшись, садятся за пульт. Следом появляется Кирилл Владимирович.

Надежда Леонидовна (*Кириллу Владимировичу, нарраспев*). Дорогой, как я рада вас видеть. Я надеюсь, вы помните, Кириллушка, что сегодня в два часа ночи я рождаюсь.

Кирилл Владимирович. Надежда Леонидовна, в полночь я у вас. У вас необычайное имя – Надежда. «Не подавай надежды ты, а подавай пальто Надежде».

Надежда Леонидовна (*Ирине*). Он ужасен. Почему он так ужасен?

Фекин (*поймав раздраженный взгляд Нечаева*). Тишина в зале, товарищи! Начали просмотр!

Гаснет свет. Все освещено лучом от киноаппарата. Голоса с невидимого экрана.

Голос Зины. Кадр двести тридцать, дубль один. Голос Киноактера. В конце концов, в любви всегда сильнее тот, кто любит слабее.

Женский голос. Пошлость.

Голос Зины. Кадр двести тридцать, дубль два.

Текст повторяется.

Кадр двести тридцать, дубль три.

Снова повторяется тот же текст.

Нечаев. Берем второй дубль. (*Снимает трубку на пульте.*) А сейчас поставьте весь отснятый материал. (*Вешает трубку. Кириллу Владимировичу*) Так что же вы собирались мне сказать?

Кирилл Владимирович. Говорят, сегодня утром у директора раздался очень неприятный звонок. По поводу на-

шей картины.

Нечаев. Откуда вы это знаете?

Кирилл Владимирович. Говорят...

Нечаев. Вот так рождаются слухи на киностудии. Их рождаем мы сами.

Кирилл Владимирович. Мой совет – все-таки выяснить.

Нечаев. Еще раз, очень прошу вас...

Кирилл Владимирович. Я понял.

Звонок телефона на пульте.

Нечаев (*взяв трубку*). Хорошо. Начинайте... Тишина, товарищи! Сейчас будем смотреть весь отснятый материал!

Затемнение.

Тот же просмотровый зал. Только что закончился просмотр.

Нечаев. Спасибо за внимание. До свиданья!

Хотел ускользнуть, но Кирилл Владимирович перехватил его за руку.

Кирилл Владимирович. Ирина Максимовна сейчас вы-

скажет нам свои впечатления. (*Ирине*) Обаятельная, вам слово.

Ирина. Сразу говорить трудно. (*Она говорит ровно и чуть устало, но как-то весомо устало, будто она знает какую-то важнейшую и одной ей известную тайну и изнемогает под бременем этой тайны*) Ну, во-первых, вам спасибо. Мне понравилось. Я считаю, что для вас это большой шаг вперед.

При словах «для вас» Нечаев усмехается.

У меня есть свои замечания, если они вас заинтересуют, я могу их высказать. (*Не дожидаясь ответа*) Например, в каких-то вещах вы могли бы быть посмелее. Впрочем, сейчас... (*Она чуть усмехнулась*)

Кирилл Владимирович тоже понимающе усмехнулся.

А может быть, и нужно быть смелым сейчас!.. Ну, во всяком случае, все, что я видела, – это правдиво, и, кроме того... в этом есть что-то молодое... лермонтовское...

Кирилл Владимирович. Это превосходно. Именно лермонтовское...

Ирина (*вдруг обрадовавшись, как ребенок*). Правда, есть? И действительно лермонтовское?

Нечаев (*сухо*). Благодарю вас, но я...

Кирилл Владимирович (*перебивая*). Мы вас благодарим. По молодости лет мы еще не можем понять до конца, какая вы несравненная. У Шиллера есть гениальное определение молодых людей. Среди перечня действующих лиц «Разбойников» идет в конце такая фраза: «Молодые люди, впоследствии разбойники». В этом все! До свиданья, лучезарная! Надежда Леонидовна, до полуночи! (*Нечаеву*) «Не подавай надежды ты, а подавай пальто Надежде!»

Ирина и Надежда Леонидовна уходят. Дверь из просмотрового зала открыта, и на протяжении всей последующей сцены какие-то головы заглядывают в зал, здороваются и тотчас исчезают.

Нечаев (*бешено*). А почему лермонтовское? А почему, например, не шолом-алейхемовское или иоганн-себастьян-баховское?

Кирилл Владимирович. Федор Феодорович – Торeadор Торeadорович, не воюйте! Ей абсолютно наплевать, что вы отсняли. Ей важно лишь ее мнение о том, что вы отсняли.

Голова (*просовываясь*). Здравствуйте!

Кирилл Владимирович. Здравствуйте! (*Нечаеву*) И как только она нашла вам определение – она довольна и вы ей нравитесь. Уже оттого, что она вас удачно определила. А иметь лишнего союзника... Почему вы грустны?

Нечаев. А вам понравилось... самому?

Кирилл Владимирович. Я не судья. Я прочел столько и видел в своей жизни столько, что меня могут взволновать только самые примитивные вещи.

Нечаев. А мне не понравился материал. И с каждым разом он мне не нравится все больше и больше. Все это мило, но теперь так не могут снимать только ленивые.

Кирилл Владимирович. Тореадор Тореадорович, от усталости люди всегда становятся взыскательными. Я рад, что у вас будет три дня отдыха.

Нечаев. Все надежды я возлагаю на эпизод «Ночью». Если его снять так, как я задумал...

Кирилл Владимирович. «Не возлагай надежды ты...»

Дверь открывается, и входит Жена Нечаева.

Нечаев (*сразу, торопливо*). Просмотр только что закончился...

Жена (*она взбешена и оттого говорит подчеркнуто медленно и спокойно*). Да-да, конечно. Всего полчаса назад. Ты просто чуть-чуть подзадержался с Кириллом Владимировичем. Небольшая часовая беседа. (*Полна сарказма.*) Ведь вы с ним так давно не виделись. Здравсте, Кирилл Владимирович!

Кирилл Владимирович здоровается и бочком-бочком исчезает.

Нечаев. Я тебя прошу. Мне сейчас опять идти снимать.

Жена. Только оставь эти телячьи нежности: «снимать — не снимать»...

Голова (*просовываясь*). Здравсте!

Нечаев. Здравствуйте! (*Жене*) Так что же мы стоим? Идем!

Жена. Нет!

Нечаев. Я тебя прошу...

Жена. Чистое белье будет в твоём шкафу. Обед тебе передаст Фекин. Истощилась! Я уезжаю на вокзал сейчас же! До свиданья!

Зина (*входя*). Федор Федорович, все готово к съемке!

Затемнение.

У входа в киностудию. Съемка закончилась. Час ночи. На ступеньках сидит Аня. Из дверей выходит Нечаев.

Молчание.

Аня. Вы на меня сильно разозлились?

Нечаев. Знаете, если вы что-то обещали... Работа есть работа, и из-за одного человека не должны страдать...

Аня. А дальше я все знаю. Когда я училась в третьем классе, мне уже все объяснили. Однажды у меня по дороге в школу соскочил чулок, и, пока я его поправляла, я опоздала на

построение звена. И вожатая сказала, что из-за моего опоздания все звено не получит пятерки по построению. А это в свою очередь может помешать отряду в целом получить малый выпел. А это уже в свою очередь, может отнять у нашей дружины большой выпел. И потом я шла домой и горько плакала и рыдала. И все думала, какой странный этот большой выпел, если его судьбу может решить чулок, спустившийся у девочки по дороге в школу.

Молчание.

Но вы совсем злой. А я вас ждала, чтобы извиниться. Я не виновата, у меня по дороге всегда случаются какие-то тридцать три несчастья. И я их преодолеваю за счет своей бодрости и от этого всегда опаздываю.

Молчание.

А вы уже не злитесь.

Нечаев. А я и не злился. Просто очень устал. Вот и все!.. Давайте поедим на свежем воздухе. У меня есть чудные ватрушки из творческого буфета. Держите! (*Разворачивает сверток.*)

Аня. Держу. Вы лучше поезжайте домой и выспитесь.

Нечаев. Сейчас не заснешь. А заснешь – полночи будешь снимать и искать во сне этого Фекина. Что у вас хорошего?

Аня. Когда я ем, я глух и нем! (*Жуя*) У меня хорошего — мне дали отгул за праздники, три дня.

Нечаев. Совпадение. У меня тоже три дня свободных. Что у вас еще хорошего?.. У вас есть любимая подруга?

Аня. Нет.

Нечаев. Как же вы без любимой подруги?

Аня. У меня была сестра. Она была моей подругой. Но она умерла. В прошлом году.

Нечаев (*после паузы*). Да...

Аня. Скоро мне идти. Сегодня у моей тетки день рождения. Она родилась ровно в два часа ночи. Вы знаете, когда вы родились?

Нечаев. Не знаю. У меня в этом году вообще нет дня рождения.

Аня удивленно глядит на него.

Я родился двадцать девятого февраля. У меня день рождения раз в четыре года.

Аня. Это ужасно... Но я должна исчезнуть.

Нечаев. У меня есть еще одна ватрушка. Давайте ее съедим. В честь моего неудачного дня рождения.

Аня. Ну ладно, съедим и ее.

Нечаев. В вас очень много детского. Это славно!

Далекие удары часов. Часы бьют два раза.

Аня. Два! Я погибла! Сейчас родилась моя тетка! Только бы сестры не было дома. Боже, сделай так, чтобы моей единственной, моей неповторимой сестры... *(Замолчала под взглядом Нечаева)*

Нечаев *(насмешливо)*. Ничего-ничего. Это, видимо, другая ваша сестра, уже живая!

Аня. Вот никогда я не могу соврать. Хороший я человек!.. Что вы так смотрите?

Нечаев. Пытаюсь понять, зачем вы схоронили свою сестру.

Аня. А вы этого не поймете. Вы ведь ничего не понимаете. Ни-че-го. Вы все время жалуетесь! Стой минуты как мы познакомились. Еще бы, приятно, когда тебя жалеют. И я вот тоже захотела, чтобы вы меня пожалели. Я не виновата, что не могу так красиво рассказывать, как я устала в своем магазине головных уборов. И день рождения у меня самый примитивный – десятого августа. А я вот тоже захотела необычайного! И чтобы меня необычайно пожалели. И похоронила живую сестру! Только не смотрите на меня так мудро. Все-то вы знаете. А вдруг вы ничего не знаете? Хотите докажу? «Ах, как в вас много детского, ах, какая вы неиспорченная!» Вы – глупец! Я – тщеславная баба! Ясно? И я невероятная врунья! И сначала я хотела быть знаменитой. Не вышло! Потом я вдруг стала бояться, что никогда не выйду замуж и останусь старой девой. И все надо мной будут смеяться. И

это прошло. А теперь я испугалась, что в жизни у меня не будет ничего невероятного. И когда я с вами познакомилась, я верила, что случится невероятное!

Нечаев (*усмехнулся*). И не случилось.

Аня. Успокойтесь, случилось! Не с вами, до вас!

Нечаев. Вы врете!

Аня. Случилось!

Нечаев. А я не хочу вас сейчас слушать!

Аня. Вы просто боитесь слушать! А я все равно буду рассказывать. Слушайте! Слушайте! Вот однажды... я познакомилась... Он был летчик-испытатель. Он приехал на испытания.

Нечаев. Это он вам так сказал?

Аня. Это так и было! И мы с ним познакомились! И он мне рассказал всю свою жизнь! Знаете, у него какая была жизнь?!

Нечаев. Это он вам так сказал?

Аня. И вот всю свою жизнь он рассказал мне... девочке... дура! А потом мы с ним встретились... после испытаний. И он был голоден. И мы пошли в ресторан. И он сразу опьянел. И на обратном пути он начал себя ужасно вести. И я его толкнула, и он упал. И я убежала. А потом я вернулась, потому что он был совершенно беспомощный. И я его подняла. А он не понял. И мне его опять пришлось толкнуть. И он опять упал. И так я его тащила полночи. И у меня все платье было разорвано. Но счастливые макушки меня спасли. А

потом я его положила на скамейку, укрыла плащом и сидела рядом до утра. И он был для меня уже вроде братишки. И я на него совсем не сердилась. А утром он проснулся и целовал мне руки, просил простить. А вечером он улетел к себе. Теперь он женился и шлет мне поздравительные письма на Новый год. И, несмотря на то что все было ужасно, он все равно был моя первая любовь. Понятно? Я его потом долго любила, после того как он уехал. Так что совсем я не детская и не наивная... А теперь еще немного подышим воздухом... Сделаем пять вдохов и пять выдохов и разойдемся.

Нечаев. Этого не было. Вы просто хотели, чтобы так было?

Аня. Ну, разошлись. Мы уже сделали тысячу вздохов, наверное.

Нечаев подошел к ней и положил ей руки на плечи.

(Вдруг шепотом) Я побежала!

Нечаев. Да.

Аня *(не двигаясь с места)*. А я все боялась и решала, идти на съемку или не идти. И пока решала – опоздала. Я побежала. *(Не двигаясь)* Прощайте!

Нечаев. Прощайте! *(Наклонился и поцеловал ее)* Аня *(не вырываясь)*. Не надо.

Он целует снова.

Ну, я это плохо делаю.

Он целует ее.

Ужас-ужас-ужас! (*Она уткнулась ему лицом в плечо*)

Нечаев. Ну...

Аня. Я не могу теперь на вас смотреть.

Нечаев. Ну где ты?

Аня. Я побежала-побежала-побежала! (*Отчаянно*) Побежала! (*Убегает*)

Нечаев один. Гудки машин. Шум ночного города.

Затемнение.

Квартира Надежды Леонидовны. Справа – комната, где накрыт праздничный стол. Слева – коридор, где стоит телефон. Когда высвечивается коридор, комната затемняется. Сейчас освещена комната. За столом – Надежда Леонидовна, Кирилл Владимировичи Ирина.

Кирилл Владимирович. С днем ангела, Надежда Леонидовна! И сразу же за вас! (*Пьет*) Вы – языческая женщина! Вы нам в наследство от Древнего Рима! (*Снова пьет*)

Надежда Леонидовна (*певуче*). Дорогой! Ну как вы лихо пьете...

Кирилл Владимирович. Знаете, однажды я сел в поезд и узнал, что в буфете не продается водка. Я тотчас слез с поезда и пошел пешком.

Надежда Леонидовна (*смеясь*). Он ужасен! (*Ирине*) Дорогая, почему нет Ани? Где Аня?

Ирина. Я разрешила Ане задержаться сегодня до часу ночи. У них на работе какой-то вечер. Я хочу, чтобы она была вместе со всеми.

Кирилл Владимирович. У вас тяга к демократизму. Это правильно. Пусть она будет поближе к народу. У прогрессивных критиков была тяга к народности. Вы – Стасов!

Ирина. Кирилл Владимирович, по всему заметно, что вы уже перевыполнили норму.

Надежда Леонидовна. Ирина, не мешай ему. (*Наивно-жесманно*) Кириллушка, почему вы так много пьете?

Кирилл Владимирович. Как вам сказать... Одни люди пьют для того, чтобы им стало лучше, а другие... я, например... чтобы им не стало вдруг хуже. Сегодня я особенно боюсь, что мне станет вдруг хуже...

Ирина. Что-нибудь случилось?

Кирилл Владимирович. Час назад, направляясь к вам, я узнал нечто...

Звонок по телефону.

(Ирине) Это, конечно, вас.

Затемнение, высвечивается коридор. Ирина говорит по телефону.

Ирина *(устало и значительно)*. Да, Аверкий Борисович... Да, я сегодня смотрела материал... Ну что вам сказать? Абсолютно самостоятельно... И самое интересное, что во всем этом есть... ну как бы вам сказать... какое бы слово здесь подобрать... Ну, нечто лермонтовское, что ли.

Затемнение в коридоре. Та же комната. За столом те же.

Ирина. Так что же случилось, Кирилл Владимирович?

Кирилл Владимирович. Пожалуй, я скажу вам об этом потом. Сейчас не хочу. Оставим дела в передней вместе с телефоном и шляпами. Каламбур для бедных!

Надежда Леонидовна. Как я люблю джаз. Пусть на моих похоронах...

Ирина. Тетя, тетя...

Надежда Леонидовна. Ну что тут такого... Мы все умрем, в этом нет ничего особенного. А может быть, это и хорошо. К старости мы становимся несколько карикатурны... Так вот... пусть на моих похоронах играет джаз. *(Спохватившись.)* Дорогая, где карандаш?

Ирина. Тетя! Тетя!

Надежда Леонидовна. Ну что тут особенного? Да, я суеверна, как все интеллигентные люди. Я не боюсь в этом признаться. И Кириллушка не станет смеяться надо мной. Я родилась ровно в два часа ночи. И пока часы будут бить два, я должна успеть записать все свои желания, а потом бросить листочек в бокал и выпить вместе с шампанским. И тогда все осуществится... Это ужасно. Ударов всего два... а желаний так много.

Звонок телефона. Затемнение в комнате.

В затемнении голос Ирины.

Голос Ирины. Да, Гаврила Захарыч... Это свежо. Ну что еще? Понимаете, во всем этом есть, ну как бы вернее и образнее выразиться... ну, если хотите... есть нечто лермонтовское.

Свет. Та же комната. Те же, без Ирины.

Кирилл Владимирович. И что же вы загадали, Надежда Леонидовна?

Надежда Леонидовна. Это секрет. Какой холодный в этом году май! Дожди! Почему до сих пор нет Ани? Я тревожусь... Аня выросла. У нее стали фиолетовые глаза. Ири-

на этого, конечно, не видит. А я знаю эти глаза. И я ужасно боюсь за нее. У нее мой характер. Она будет много страдать от любви. Вот так, Кириллушка. Я уже научилась понимать красоту чужой любви и чужого поцелуя. Значит, я стала мудрой. Оказалось, старость приносит нам истинное успокоение. Она дарит нам покой и возможность точнее различать краски мира. Я всегда боялась, что состарюсь раньше, чем во мне умрет женщина. Но природа оказалась милостива. Все произошло красиво. Это большое счастье. *(Помолчав)* Я хотела попросить вас об одной вещи.

Возвращается Ирина а.

(Шепотом) Я вас попрошу об этом без нее.

Ирина усмехнулась.

Кирилл Владимирович. Надежда Леонидовна, если не секрет, сколько вам... лет... приблизительно?

Надежда Леонидовна. Ну зачем же, я могу точно. Если в прошлом году мне было семнадцать, то в этом, очевидно, шестнадцать. Что делать, простите за банальность, я в том возрасте, когда следует только молодеть.

Телефонный звонок.

Затемнение.

Из затемнения – голос Ирины.

Голос Ирины. Да, искренне... И экспрессия... В этом есть... ну... я даже боюсь точно определить... определения всегда несовершенны... но в этом есть... нечто... лермонтовское.

Свет. Та же комната. Надежда Леонидовна и Кирилл Владимирович.

Надежда Леонидовна. О чем я вас прошу?.. Понимаете, однажды раскрылась дверь и вошел он. Кирилл Владимирович (*испуганно*). Кто? Надежда Леонидовна. Он работает диктором на стадионе «Динамо» и вдруг вообразил себя актером. Причем Гамлет, Ричард III, никак не меньше... А я, вместо того чтобы позвонить в психолечебницу, стала с ним заниматься. Что делать? Вы знаете, я не умею отказывать. Для этого нужна какая-то клеточка в мозгу, а у меня ее нет. Она выпала при моем рождении. Короче – с театром у нас не получилось. Так я думаю, может, он для кино сгодится? Поговорите с вашим режиссером, пусть он его посмотрит. Или нет. Лучше я сама с ним поговорю. Вы устройте мне встречу?

Кирилл Владимирович. Я устрою.

Надежда Леонидовна. Это ужасно. Бедная Иринушка, ее разорвут по телефону. И так каждый вечер. Я боюсь за вас, дорогой, вы много пьете. Это ужасно, что вы так редко к нам приходите. Приходите чаще. Я буду читать вам свою «Рашель». Я пишу о ней книгу. Пишу, и при этом оказалось, что я не могу писать без реакции. Поэтому я читаю страницы вслух своей кошке. И в патетических местах она мяучет. Видимо, ей нравится? Дорогой, я просто влюблена в свою Рашеличку. Это была гениальная актриса. И женщина! Она не боялась страсти! Вы знаете, когда эту книгу напечатают, я приглашу вас в ресторан и мы устроим такие вспрыски... Тьфу-тьфу-тьфу! Только бы не сглазить. Постучим по деревянному. Жаль, что с вдохновением плоховато. Кириллушка, вы великий умник. Почему вдохновение так редко посещает людей?

Кирилл Владимирович. Вдохновение – это как ребенок, которого посадили на горшок: «Умейте обождать!»

Вбегает Ирина.

Ирина. Тетя! Без пяти два!

Надежда Леонидовна. Боже! А где же Аня? Где карандаш? Я погибла!

Кирилл Владимирович. Возьмите авторучку. (*Протягивает.*)

Надежда Леонидовна. Я отравлюсь чернилами. Бо-

же-боже!

Ирина сует ей карандаш. Шипение часов.

Лейте мне шампанское!

Кирилл Владимирович наливает. Удар часов.

(Лихорадочно записывает, бросает листок в бокал)

Удар часов.

(Пьет) Успела! Успела!

Ирина. С днем рождения, тетя!

Надежда Леонидовна. С днем рождения! Ура! Ура!

Звонок телефона.

Затемнение в комнате. Высвечивается коридор. Ирина заканчивает разговаривать по телефону. Во время разговора входит Кирилл Владимирович. Снимает плащ с вешалки.

Ирина *(говорит по телефону)*. Да, Иван Кузьмич. Это я... Именно, лермонтовское... А кто вам это передал?.. *(Смеется)*. Ах, этот Аверкий Борисович... Да, по-моему, это

тоже удачное определение... Что вы говорите? (*Выслушивая ответ*) Ну-ну... Ну... Ну-ну... Побеседуем завтра. Спокойной ночи! (*Вешает трубку*)

Кирилл Владимирович. Что вы наделали?

Ирина удивленно глядит на него.

Значит, все эти четыре звонка вы прославляли наш фильм?

Ирина. Я ничего не прославляла. Мне действительно понравилась картина, и я сочла своим долгом...

Кирилл Владимирович. Зря сочли...

Ирина. Я вас не понимаю.

Кирилл Владимирович. Дело в том, что картину, в которой есть нечто *лермонтовское*, закрывают.

Ирина. То есть как?..

Кирилл Владимирович. То есть просто... Завтра к нам вылетает Трофимов из Минкульта. Будет просмотр материала. Потом обсуждение, а потом... Видимо, где-то в лучезарно-далеком «там» кто-то посмотрел отснятый нами материал, и...

Ирина. Кто вам все это сказал?!

Кирилл Владимирович. Восхитительная! Существует первая и вторая сигнальные системы. Их открыл и описал наш знаменитый русский физиолог Павлов. А есть еще третья сигнальная система, ее он не описал. По ней текут все

министерские слухи. Короче, два часа назад мне позвонили и сообщили... Я пытался дозвониться нашему любимому режиссеру. Но режиссер затерялся в ночи.

Ирина. Что же делать?

Звяканье ключа. Открывается входная дверь. Входит Аня.

Аня (*пытаясь бодро*). Здравствуйте!

Кирилл Владимирович (*радушно*). Здравствуйте, молодые люди, впоследствии разбойники!

Аня (*Ирине, поспешно*). У нас был вечер. И вдруг сообщили, что завтра нас срочно посылают в совхоз... С агитконцертом. Ну, разразилась ужасная дискуссия. Все были недовольны. Пока туда, пока сюда... В общем, завтра я уезжаю, горели мои выходные!

Ирина (*даже не понимая, что она сказала, думая о своем*). Иди к тете. Она вне себя.

Аня уходит.

Кирилл Владимирович. Так что же вы решили делать?

Ирина. По-моему, ясно. Я приду на обсуждение и выступлю.

Кирилл Владимирович. Не понял, лучезарная! Зачем вы выступите?

Ирина. То есть как это зачем? Я видела материал, я долж-

на его защищать.

Кирилл Владимирович. Опять не понял. От кого защищать?

Ирина. Слушайте, перестаньте!

Кирилл Владимирович. Нет, я серьезно хочу понять. От кого вы собираетесь защищать... (*Насмешливо.*) Защищать в данных условиях – это значит обречь себя...

Ирина. Я редко думаю о себе.

Кирилл Владимирович. Кто же этого не знает, великолепная! Но ради других... Ведь вы еще столько должны сделать... Стольких защитить... Наконец, ради него самого...

Ирина (*с надеждой*). А почему ради него самого?

Кирилл Владимирович. Не знаю. Но я почему-то чувствую, что ради него самого вы не должны его защищать. И наконец, главное... Мне отчего-то с самого начала... интуитивно... показалось, что картина вам совсем не понравилась. Вы просто были снисходительны... Вы увлеклись.

Ирина (*после длинной паузы*). Честно говоря...

Кирилл Владимирович. Ну вот видите!

Ирина. Ну что же делать! Не защищать его нельзя!

Кирилл Владимирович. Безусловно. Никак нельзя. После ваших звонков вы просто обязаны его защищать. Приходите и защищайте его, лучезарная... Но... молча.

Ирина. То есть как – молча?

Кирилл Владимирович. А так... (*Вдохновенно.*) Защищайте его всем своим видом: походкой, жестами... но не вы-

ступая... Защищайте его молча. Как говорили древние римляне: «Храня молчание, мы тем самым громко заявляем». Заявляйте, но без слов! Это будет великолепно. Этого еще никто не сумел. Но я в вас верю, вы сумеете!

Ирина (*помолчав*). А вы что скажете на обсуждении?

Кирилл Владимирович (*пожав плечами*). Что я могу сказать? Зачем мне говорить? У меня больное сердце, я должен думать о своем сердце, и я о нем думаю. Оно может не выдержать. Оно много испытало в свое время. Он ведь... не жил тогда. Вообще, они мало что пережили, эти, молодые... Опять вижу облачка сомнений! Перестаньте, мягкосердечная! Не думайте о нем, он сам о себе подумает. «Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал». Это девятнадцатый век. «Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал – и проходных раздевал». Это наш, двадцатый. Он сам себя защитит, поверьте!

Ирина. А если... не защитит?

Кирилл Владимирович. А это даже будет лучше для него, для его творчества. Без сомнения, люди искусства должны быть несчастны! Только тогда они творят. Сервантес был без руки. Лермонтов – урод. Пушкин – арап. Достоевский – эпилептик. Ну, о художниках... и говорить нечего – все были шизофреники. Так что во всех случаях верьте латыни! «Храня молчание, мы громко заявляем». И спокойной вам ночи! (*Засмеялся.*) «Не подавай надежды ты, а подавай пальто Надежде!» (*Целует руку, уходит?*)

В коридор входит Надежда Леонидовна.

Надежда Леонидовна. Я уже думала, что он до завтра не уйдет... Все говорят, что он умный. А у нас он почему-то всегда глупый. Это, наверно, оттого, что он в тебя влюблен. Я всегда замечала, что от любви они глупеют.

Ирина. Давайте спать, тетя!

Надежда Леонидовна. А тебе не кажется, что Анина поездка в совхоз...

Ирина (*думая о своем*). Нет, это хорошо, что она с коллективом. (*Уходит.*)

Надежда Леонидовна возвращается в комнату. Входит Аня с чемоданом.

Аня. Я, пожалуй, сейчас соберусь, чтобы отмучиться.

Надежда Леонидовна. Сейчас нужно спать. Зачем ты берешь в совхоз новое платье? (*Подходя к ней вплотную.*) Спрячь свои глаза. Замажь их чем-нибудь. Так нельзя. Ты не умеешь шептать о счастье. Ты о нем кричишь. Ты будешь несчастна.

Аня. Не буду. У меня две макушки.

Надежда Леонидовна. У тебя сумасшедшие глаза. У тебя в глазах март. Я молчу. Я знаю, с тобой сейчас ничего не сделаешь.

Аня смеется.

Ну хорошо, поезжай! А я буду стоять на лесенке. На кривой лесенке из прожитых дней и буду благословлять твой совхоз.

Ирина (*входя*). Ну, товарищи, ну давайте же спать, наконец. Половина третьего!

Затемнение.

Конец второй ночной съемки.

Дальше идут выходные дни.

Утро. Комната в квартире Нечаева. Нечаев один. Бреется. Жужжание электробритвы. Он в чудесном настроении. Заканчивает бриться. Напевает. Открывает шкаф и вынимает рубашки.

Нечаев (*безмятежно*). Эта рубашка несчастливая, в ней нам не везет. (*Вынимает другую.*) Эта грязная. Что лучше? Предпочтем гигиену. (*Он надевает чистую, но «несчастливую» рубашку, потом с сожалением оглядывает ботинки и чистит их газетой,*)

Звонок телефона.

Наверняка неприятности! Вот почему-то в воскресенье по телефону сообщают одни неприятности. Для контраста, что ли?

Звонок.

Фиг я пойду.

Звонок.

Мерзавец, а не телефон. *(Берет со стола стакан, подносит его ко рту, потом снимает трубку и говорит по телефону через стакан, оттого голосу него глух и неузнаваем.)*
Алло!

Голос Кирилла Владимировича. Будьте добры Федора Федоровича.

Нечаев. Федор Федорович уехал за город.

Голос Кирилла Владимировича. Простите, но мне нужно передать ему очень важную вещь...

Нечаев. Это вряд ли возможно, Федор Федорович вернется через три дня. *(Вешает трубку.)* Явная неприятность. А, черт с ними! Неприятности подождут. Да, но все-таки... *(Он снимает «несчастливую» рубашку, надевает грязную. Стал задумчив. Настроение явно испортилось)* Нужно было

ПОДОЙТИ, МАЛЬЧИШЕСТВО.

Снова звонок.

(Тотчас снимает трубку.) Алло!

Голос Ани. Федор Федорович?

Нечаев. Да.

Голос Ани. Доброе утро!

Нечаев. А кто это?

Смех в трубке.

Ну кто это, кто?

Голос Ани. Вы опять злитесь. И почему вы такой злой?

Это Аня. Здравствуйте!

Нечаев. Здравствуйте! А как вы узнали мой телефон?

Голос Ани. А так вот, взяла и узнала. Я же вам сказала, когда я что-нибудь захочу...

Нечаев. Вы молодец, что позвонили.

Голос Ани. Чепуха! А чем вы сейчас занимаетесь?

Нечаев. Так, стою.

Голос Ани *(засмеялась)*. А вы опишите мне комнату, где вы стоите.

Нечаев. Описать... Ну, стол стоит...

Голос Ани. А стол у вас большой? Сейчас-сейчас... Это

я не вам, это я очереди.

Нечаев. Стол средний, заурядный такой стол.

Голос Ани. А на нем ручка лежит?

Нечаев. Лежит.

Голос Ани. А она обгрызанная?

Нечаев. Что?

Голос Ани. Обгрызанная ли она? Я, например, люблю грызть ручки. Я из породы грызунов. Ну, в общем, ладно...

Нечаев. Что ладно?

Голос Ани. Ну, в общем, пока... Я просто хотела спроситься о самочувствии.

Нечаев. Алло! Алло!

Гудки в трубке.

(Усмехнулся, походил по комнате.)

Снова звонок.

(Берет трубку.) Алло!

Голос Ани. Это опять я. Вы знаете, я подумала, что я вас отрываю отдел, а потом все-таки решила позвонить и узнать, отрываю ли я вас.

Нечаев. Знаете что?

Голос Ани. Нет, не знаю.

Нечаев. Давайте мы с вами сегодня встретимся.

Голос Ани. Да нет, я не смогу встретиться. У меня такая история: вдруг пришла подруга и купила у меня совершенно мне ненужное шерстяное платье, и у меня оказались свободные деньги и как раз свободные дни... Вот...

Нечаев. Что вот...

Голос Ани. вот... Я решила взять и махнуть на юг на пару дней. Правда, в этом что-то есть? *(Смеется)*

Нечаев. Да, пожалуй. И когда вы летите?

Голос Ани. В четырнадцать сорок. Но вообще, конечно, можно встретиться до полета. На пару минуток, пожмем друг другу руки. Скажем пару словечек и... разойдемся.

Нечаев. Хорошо.

Голос Ани. А сейчас вы позавтракайте. Только не торопясь. И аккуратно прожевывайте пищу. Ну пока! Нечаев. Слушайте, слушайте!

Гудки в трубке.

(Походил по комнате.)

Снова звонок.

Алло!

Голос Ани. Это я. Слушайте, я забыла спросить, а где же мы встретимся?

Нечаев. Действительно, а где?

Голос Ани. Я не знаю... Давайте предлагайте.

Нечаев (*помолчав*). Давайте у билетных касс Аэропорта.

Я вас буду ждать там, где...

Голос Ани. Ну хорошо, хорошо... Я вас сама там найду.

Пока! Да... Когда вы будете уходить из дома, похлопайте себя по карману и скажите: «Это я, это я, это все мои друзья!»

Я это всегда делаю, чтобы ничего не забыть. (*Смеется*)

В трубке гудки.

Затемнение.

Сухуми. Маленькая комната. В комнате – Агент по сдаче жилплощади приезжим. Нечаев и Аня. На полу стоят их чемоданы.

Агент. Вот эта комната.

Они оглядывают комнату. Аня растерянно отходит.

Все едут из больших городов. У меня в большом городе живет брат. Он работает музыкантом. Мы с ним близнецы. Но он почему-то никогда ко мне не придет. Интересно, когда у музыкантов отпуск?

Нечаев. Мы берем эту комнату.

Агент. Вы ее берете. (*Усмехнулся.*) Когда я вас увидел, я

сразу понял, что вам нужно. Я стою на вокзале и жду. Приходит поезд, сходят двое. И я сразу вижу, что им нужно. Отдельная и изолированная. Двое на юге – это грустно.

Где-то ударила музыка.

Это в ресторане. Вы можете слушать музыку, не выходя из дома. Пляж в двух шагах. Ночью здесь слышен шум моря. *(Тушит верхний свет. Становятся видны разноцветные блики на стенах.)* Красиво! Это от парохода. Он пришел вчера ночью и будет стоять еще два дня. У вас будет иллюминация. Музыка, иллюминация и море. Что вам еще нужно?

Нечаев передает ему деньги.

У вас очень славная девушка.

Нечаев *(тихо)*. Мою жену зовут Аня.

Агент *(тихо)*. Зачем мне знать, что это ваша жена? Юг как война: он все спишет. Будьте счастливы! *(Уходит)*

Аня. Что он сказал... Вообще, я поняла...

Нечаев *(неловко)*. Отнесемся к этому с юмором.

Аня. Я так и сделала. Мне было почему-то его очень жалко. Он милый и славный старичок и совсем один. А кругом юг, праздник и все по двое. Он подумал, что я...

Нечаев. Не надо.

Аня. Ну подумал, ну что тут сделаешь! Ладно. Выключи

свет, пожалуйста!.. Какой красивый пароходик. (*Глядя в окно*) Он будет стоять два дня. Потом он уедет. И мы тоже. (*Села на стул, скороговоркой*) Стыдно-стыдно-стыдно. Все, уже не стыдно! (*Вскочила, заходила*) Так, давай распаковываться. Ну что ты сидишь? Распаковывайся! Как смешно стоят наши чемоданы, как маленькие человечки – один побольше, другой поменьше. (*Вываливает на кровать содержимое чемоданов*). Ладно, потом разберемся. (*Подходит к окну*) Как хорошо на пароходе! Разноцветные лампочки... Как Новый год. Ты любишь Новый год?

Нечаев. Любишь.

Аня. Новый год... Новый год... Здравствуй, Сухуми, жаркий город! Пошли в ресторан. Или нет... Давай пока никуда не пойдем. Давай пока посидим в комнате. Это все-таки наша комната. Наша. Я сейчас быстренько сооружу ужин. Ты голоден?

Нечаев. Да.

Аня. Как хорошо. Просто прекрасно. Смотри, что у меня есть. (*Выставляет на стол бутылку вина. Накрывает на стол*).

Нечаев. Это откуда?

Аня. Это моя подруга. Вдруг взяла и принесла зачем-то. Глупая, правда? А я очень хочу выпить, не знаю, как ты. Знаешь... (*храбро*) мы выпьем, а потом пойдем в ресторан и потанцуем. А потом всю ночь будем бродить по городу. Давай?

Нечаев. Давай.

Аня. Что ты улыбаешься? Мы с тобой в первый раз пьем вместе. Мы вместе только ели ватрушки. А теперь сидим и пьем в нашей комнате.

Она ставит свою рюмку на стол, проводит по стене пальцем.

Нечаев. Что ты?

Аня. Это я глажу стену. Почему-то вдруг захотелось... Очень милая стена. И еще мне сейчас захотелось чего-нибудь спеть. Только у меня с голосом подкачало. Ну ничего. Я немного спою. «Тира-рира, полюбила я жокея...» Вот и все... Ты смеешься надо мной?

Нечаев. Нет.

Аня. Тогда скажи мне все...

Нечаев. Что все?

Аня. Все-все-все... Только не про нас с тобой, а про себя одного. Все-все-все!

Нечаев. В юности люди живут на горах. Высокие мечты, святое искусство, еще там чего? Романтика нищеты. И, конечно, через все – признание и победа. Путь Гогена... Хемингуэй, Достоевский и тэ дэ. А потом юность проходит. И незаметно и удобно мы начинаем спускаться с гор в долину... Есть хитрая лесенка, по ней мы спускаемся с облаков, только не разбейтесь, когда будете спускаться с облаков... Потом – первый успех. Ты сделал совсем не то, о чем меч-

тал... *(насмешливо)* на горах. Но ты уговорил себя: «Я это делаю, только чтобы начать». И успех твой был потому, что фильм про молодежь должен был понравиться. И смелость твоя по мелочам тоже должна была понравиться. И стиль твой был общий, уютный... Но успех был. И ты поверил, что, в общем, ведь не так уж плохо. Во всяком случае, не хуже других. Во всяком случае, даже где-то лучше других. И вообще вещь хороша! А дальше – то же. И ты стал мастером вещей, обреченных нравиться. А потом... идет время и начинает звучать один мотив, как заклинание, один мотив: «Но Бог избави до седых дожить волос, служа пустой забаве...». Но Бог избави... но Бог избави... И все возвращается... Ты снова вспоминаешь горы. Круг. И ты вдруг точно видишь цену сделанного. И ты хочешь делать другое. Но ты уже не можешь. *(Замолчал)*

Аня. Ты все сделаешь. Я тебе клянусь! Я тебе это предсказала по ладони. И ты мне поверь!

Нечаев. Я тебе верю! Я все сделаю! *(Тихо и мягко)* Иди сюда!

Аня. Да-да, я сейчас. Я все же выпью... Раз, два, три... *(Пьет, продолжает говорить)* Я не опьянела. Совсем. Я так хотела опьянеть, и ни в одном глазу. Трезва, как бобик!

Он глядит на нее.

Вот я уже сама к тебе иду. *(Подходит)* Вот я пришла. Вот

я!

Нечаев (*тихо*). Это ты.

Аня. Да, это я. Знаешь... я хочу, чтобы ты сейчас меня поцеловал.

Нечаев (*ласково*). Врешь!

Аня (*она трезва, действительно страшно трезва*). Вру. Знаешь, я в городе ужасно хотела тебя поцеловать. Всю ночь ты мне снился. И когда ты рассказывал, я тоже хотела. А сейчас нет.

Нечаев. А сейчас ты боишься меня...

Аня. Действительно, немного... То есть я никого не боюсь. Нет, пожалуй, я тебя боюсь. Смешно, я купила эту гадость, чтобы быть пьяной и ничего не бояться. А я – как трусливый еж! Нет, ежик – это скучно. Под листьями там разные... Чушь! Я – трусливый заяц. У нас в классе был мальчик, у него была фамилия Заяц... А звали его Лев. Лев Заяц. Это я... Я лев, и я заяц. «Тира-ри...» Ну хорошо. Я иду к тебе. (*Подходит снова*) Вот я опять пришла.

Он целует ее.

Можешь еще поцеловать, только слегка. Или не надо. Нет, я лучше похожу. Что-то я хочу походить. Что ты так смотришь? (*Лихорадочно*) Знаешь, как я звонила тебе? Просто ужасно. Из автомата. И все на меня шипели. А я им наврала, что у меня болен двоюродный дядя и я звоню в больницу. Я,

пока тебе звонила, уложила кучу родственников. Ну хорошо. Я опять иду к тебе. (*Подходит?*) Вот и я. Ты смеешься надо мной?

Нечаев. Нет.

Аня (*прижалась к нему, так они и стоят*). А мне сейчас хочется плакать. Не бойся, я не буду. Когда мне хочется плакать, я начинаю болтать, и все проходит. Как слышна музыка! Пароход стоит два дня, и мы тоже будем два дня. И у нас есть комната, и нам ничего не надо... Милый! Милый... Вот теперь я тебя уже не боюсь. Поцелуй меня.

Нечаев. Слегка?

Аня. Нет-нет. У меня сейчас бегают мурашки по спине. (*Шепчет*) И такая к тебе нежность. Просто все жжет напропалую. Я просто раскалываюсь от нежности на две половинки. Смешно! Я сама тебя поцелую. (*Целует его*) Я уже чемпион по поцелуям. И ты возьмешь меня наверняка на съемку. (*Шепчет*) Смешно. Раньше ты говорил, а сейчас ты молчишь и думаешь. А ты не думай! Ни о чем! Я уже обо всем подумала. Все так, как я хочу! И молчи!

Она плачет. Он вытирает ей лицо.

Это случайно. Это мне просто хорошо. Это меня уже нет. Я уже твой раб. Только не гладь мне волосы. Лучше поцелуй меня в лоб. Как покойника. Хочешь, я сейчас прощусь с собой: «До свиданья, до свиданья, до свиданья! Я люблю тебя.

Все!»

В ресторане ударил джаз.

Затемнение.

Действие второе

На сцене двойная декорация. Слева – часть комнаты в квартире Нечаева, телефон, стол, на полу раскрытый чемодан. Нечаев один, молча стоит над чемоданом. Справа – автомат в большом универсальном магазине. В автомате – Аня, в халатике продавщицы.

Набирает номер. Звонок в квартире Нечаева.

Нечаев (*берет трубку*). Алло!

Аня. Это я.

Нечаев. Доброе утро!..

Аня. Добрый день! Я уже на работе. Нам шляпы привезли мохнатые, польские. Толкучка, ты себе представить не можешь. Да, все спрашивают, где я так загорела. (*Смеется.*) Ну как ты там?

Нечаев. Хорошо. А ты как?

Аня. Не поймешь. Ты сейчас ешь?

Нечаев. Скорее брежусь. Но и ем попутно.

Стук в автомат.

Аня. Сейчас-сейчас... Это я очереди... Да, у твоей двери шарик к ручке привязан. Открой и возьми. (*Смеется*) Это когда я на работу бежала, решила по дороге так попривет-

ствовать вас с добрым утром.

Стук в автомат.

Сейчас-сейчас! Ну пока...

Нечаев. Как мы договоримся?

Аня. Как хочешь, как удобнее.

Нечаев. Позвони мне... в восемь или... даже от восьми до девяти.

Аня. Нет. Знаешь, я не люблю звонить. Ну ладно, хорошо, позвоню. Ну, пока... (*Вешает трубку и выходит из автомата со словами.*) А сейчас, между прочим, можно разговаривать сколько угодно.

Затемняется автомат.

Нечаев вешает трубку выходит из комнаты, потом возвращается обратно с воздушным красным шариком. Он привязывает шарик к спинке стула, смотрит на него и усмехается. Звонок. Справа высвечивается комната отдыха на киностудии.

У телефона – Кирилл Владимирович.

Нечаев (*берет трубку*). Алло!

Кирилл Владимирович. Федор Федорович? Говорит

ваш друг и соратник. Я пытаюсь дозвониться к вам три дня подряд...

Нечаев. Во-первых, здравствуйте, Кирилл Владимирович...

Кирилл Владимирович. Во-вторых, я хочу сообщить вам пренеприятное известие: картину закрывают... видимо.

Нечаев после паузы засмеялся.

Чего вы веселитесь?

Нечаев. Я думаю, как все сразу упростилось... И все-таки здравствуйте, Кирилл Владимирович!..

Затемнение.

Двойная декорация. Слева – съемочный павильон № 2. Справа – комната отдыха. В комнате отдыха Фекин беседует с кем-то по телефону.

Фекин. Да?.. Да-да... Да? Да-да...

В павильоне № 2. Юпитеры потушены. У камеры никого. По павильону бесцельно слоняется Блондинка и порой проносятся какие-то люди. На переднем плане – Трио. Они репетируют; играют и вздыхают.

Гитара. Самотоха, самотоха!

Ударник. Говорят, съемку сегодня отменяют, кто-то приезжает...

Трубач. Это не наше дело! У нас своя работа. Пусть не думают, что мы какие-нибудь веселые рассказчики анекдотов. Я хочу, чтобы своей работой мы заслужили какое-нибудь трудовое прозвище, например «товарищи тракторы». Вздохнули по-гречески.

Трио. А-а!

Трубач. Неактивно вздыхаете, товарищ...

Гитара. Жгунди.

Репетируют. В павильон входит Нечаев. За ним, как тень, – ассистент Зина.

Нечаев (*ко всем*). Здравствуйте!

Зина (*кричит*). Товарищ Фекин!

В комнате отдыха. Фекин необычно поспешно кладет трубку и опрометью бросается из комнаты.

Фекин (*врываясь в павильон*). Я составлял акт об отмене сегодняшней съемки. Да. Вы знаете, Федор Федорович, что я подумал? (*Торжественно.*) Что бы ни случилось, мы должны верить, что снимаем фильм, нужный людям. Вот так! Где вы так загорели? Вы просто индус.

Нечаев. Будьте любезны, разыщите Кирилла Владимировича.

Кирилл Владимирович (*входя*). Он тут, народы! Любезный Фекин, там, внизу, стоит Трофимов из Минкульта.

Фекин. Будет встречено. (*Хочет бежать*)

Кирилл Владимирович. И еще. Если придет старая, но гордая женщина по фамилии Кирьянова и по имени Надежда Леонидовна, сразу проводите ее к Федору Федоровичу.

Фекин. Будет проведено. (*Исчезает*)

Кирилл Владимирович (*Нечаеву*). Она хотела с вами встретиться и просить вас о чем-то. Поговорите с ней перед худсоветом, это доброе дело.

Нечаев. Кто придет на худсовет?

Кирилл Владимирович. Обычные члены плюс знатный карусельщик с завода. Потом Кирьянова – наша критическая мысль. Слушайте, где вы так побурели?.. Вы просто...

Нечаев. Индус?

Кирилл Владимирович. Нет, араб.

Блондинка (*решительно подходя к Нечаеву*). Здравствуйте. Я играю у вас целующуюся пару. Вас закрывают, и я хочу, чтобы вы рекомендовали меня на роль козы на фильм «Серый волк».

Кирилл Владимирович. Я уверен, что Федор Федорович рекомендует вас козой, антилопой и любым другим млекопитающим. Только не надо поддаваться ложным слухам. Картину не закрывают. Просто сегодня просмотр материала

и поэтому отменили съемку.

Блондинка мрачно отходит назад.

(Нечаеву) Теперь об обсуждении картины на худсовете... и о степени моего участия в нем.

Нечаев *(неловко)*. Я знаю, у вас больное сердце...

Трубач *(подходя)*. Простите, что перебиваю. Мы кое-что наворожили. Получается вкусно. Может, вы сейчас нас прослушаете?

Нечаев. Лучше в другой раз, если можно...

Трубач *(бодро)*. Можно. Все на свете можно, только осторожно. *(Отходит к трио)* Заиграли, завздыхали.

Трио репетирует.

Нечаев *(Кириллу Владимировичу)*. Так, значит... если вы не придете на обсуждение... на что-нибудь сославшись... я не обижусь.

Кирилл Владимирович. Главное – не считать людей лучше, чем они есть... Спасибо. Я так и поступлю.

Входит Трофимов, за ним – Фекин. Общее приветствие.

Фекин. Я пойду выяснять насчет зала. *(Тихо Нечаеву, кивнув на Трофимова)* Серьезный человек! Но ничего... что бы

ни случилось, Федор Федорович, мы верим, что снимаем фильм, нужный людям, и будем с вами. Вот так! (*И с возгласом «Через минуту вернусь!» направляется к выходу, на ходу Зине шепотом*) Наш сегодня какой-то не такой. Видимо, дела – труба. (*Исчезает*)

Трофимов (*Нечаеву*). Рад тебя видеть, старик! Где ты так загорел? Ты просто...

Нечаев. Индус?

Трофимов. Нет...

Нечаев. Араб?

Трофимов. Нет. Ты эфиоп.

Кирилл Владимирович. Как, вы знакомы с режиссером этого опасного фильма?

Трофимов. Вы старомодны. Теперь не говорят «опасно», теперь говорят «смелого».

Трубач (*репетируя*). Вздохнули...

Трио. А-а-а!

В комнате отдыха. Входит Фекин и тотчас усаживается к телефону.

Фекин. Двести семьдесят. «Серый волк»? Да? Да-да-да... Да? Да-да-да...

В павильоне.

Трубач. На сегодня хватит. Будем свободны от вздохов, товарищи!..

Женщины расходятся. Остается Гитара.

Трофимов (*Нечаеву*). Есть смысл, старикан, побеседовать до просмотра.

Нечаев. Нет. Лучше после.

Трофимов. Странно. Я думал, тебя заинтересует побеседовать со мной.

Нечаев. Ты знаешь, сейчас нет.

В комнате отдыха.

Фекин (*по телефону*). Да? Да-да-да!

В комнату входит Надежда Леонидовна.

Надежда Леонидовна. Простите, вы...

Фекин (*Надежде Леонидовне*). Да-да-да... (*В телефон*)
Да-да-да...

Надежда Леонидовна. Мне товарища... Фекин. Я информирован... (*В телефон*) Да-да-да...

Надежда Леонидовна садится. Фекин продолжает упоенно разговаривать.

В павильоне № 2. Входит Ирина Кирьянова. Она очень холодно здоровается с Трофимовым и необычайно проникновенно – с Нечаевым.

Ирина. Очень-очень-очень рада вас видеть.

Нечаев изумленно глядит на нее. Ирина отходит к Кириллу Владимировичу.

Зина (*Нечаеву*). Пора звать Фекина?

Нечаев кивнул.

(*Кричит*) Товарищ Фекин!

Фекин (*в комнате отдыха*). Иду! (*В телефон*) Да-да!

Зина (*в павильоне, кричит*). Товарищ Фекин! Фекин (*в комнате отдыха*). Он уже пошел!.. (*Вешает трубку. На ходу Надежде Леонидовне*) Все будет чудно, голубушка! (*Убегает*)

Фекин (*вбегая в павильон № 2, Нечаеву*). С залом большие трудности, но я их преодолел. Отвоевал директорский зал. Можем идти, товарищи!

Кирьянова и Трофимов идут впереди, Нечаев, Зина, Кирилл Владимирович и Фекин – сзади.

Фекин (*Нечаеву*). Да. Что я вам хочу сказать?.. Мой племянник просто в восторге от сценария. Это просто хамство будет, если нас закроют. Но я ведь состою в кооперативном доме... (*И, не dokonчив фразы, он догоняет Трофимова и Кирьянову. Они уходят*)

Зина (*Нечаеву*). А Фекин договорился с «Серым волком».

Кирилл Владимирович. Как он нехорошо поступил... Ай-яй-яй! Уважаемая фея в брюках, вы знаете, что Фекин живет в крохотной комнатке и у него очень большая семья. Что делать, наш Фекин плодовит, и он не ворует и живет на жалованье. И посему, для того чтобы строиться, у него не должно быть перерыва в съемках. Ему нужны постановочные – быстрее и больше. Кто знал, что под развязным обликом Фекина таится чуткое сердце семьянина?

Нечаев (*Кириллу Владимировичу*). А вы что же это... идете на худсовет?

Кирилл Владимирович. Да. Решил посидеть на худсовете... но тихонечко...

Нечаев, Кирилл Владимирович и Зина уходят. В павильоне остаются Блондинка и тихо и задумчиво играющий что-то на гитаре Жгунди. В павильон поспешно входит Киноактер.

Киноактер (*Блондинке*). Привет. Шесть часов назад я еще был в Астрахани. Представляешь, нелетная погода. Ну, я к начальнику. Баба. Она меня сразу узнала...

Блондинка (*лениво*). Врешь, поди...

Киноактер. Честное слово! Я ей: так и так, снимаюсь сразу в двух концах Союза, нужно доставиться! (*Остановился, игриво.*) А наши никак обедают? (*Хочет обнять Блондинку.*)

Блондинка (*грозно*). Но-но...

Киноактер (*удивленно*). В чем дело?

Блондинка. Вас закрывают. Я теперь в «Сером волке» буду сниматься с Кободоевым.

Киноактер. То есть как закрывают?

Блондинка ничего не ответила и, вильнув бедрами, ушла в глубь павильона. Киноактер очумело оглядывается: потушены юпитеры, в павильоне никого, только Жгунди тихо наигрывает на гитаре.

В комнате отдыха, поглядывая на часы, сидит Надежда Леонидовна. Вбегает Фекин. Бросается к телефону.

Надежда Леонидовна. Ну как?

Фекин (*останавливаясь*). А!.. Я... Я сказал... Надежда Леонидовна. Ну и что же?

Фекин. Он... Он сказал. Что же он сказал? Понятно. Он сказал, что извиняется и просит вас зайти в другой день. Убедительно просит, заходите в другой день, только обязательно. Обязательно заходите. (*Снимает трубку.*) Два семь три. «Серый волк»?

Надежда Леонидовна молча поднимается со стула. А в па-

вильоне № 2 по-прежнему тихо наигрывает на гитаре Жгунди и, прислонясь к стене, неподвижно и устало стоит киноактер.

Затемнение.

Двойная декорация. Справа – часть просмотрового зала. Слева – коридор перед просмотровым залом. В коридор из зала выходят какие-то люди. Выходят Первый и Второй члены худсовета. Первый – желчный, нервный, говорит с вызовом, будто мстит кому-то. Второй – добренький, в очках. В продолжение разговора он все время снимает очки, обеспокоено разглядывает их, потом снова надевает.

Первый (*желчно*). И что же теперь будет с картиной? Трофимов разнес ее в пух и прах.

Второй (*разглядывает очки*). А Кирилл Владимирович рискованно выступал. Вот не ожидал...

Первый (*раздраженно*). Я вас спрашиваю, что будет с картиной, а вы мне – Кирилл Владимирович. Я вам про Фому, а вы мне про Ерему...

Второй. Судя по ситуации, могут закрыть.

Первый (*желчно*). Закрывать совсем не закроют, а вот законсервировать на время – законсервируют. (*Нервной*) Слушайте, что вы меня все время разглядываете?

Второй. У вас есть бородавка над веком?

Первый (*почти отчаянно*). Какая бородавка? Зачем мне бородавка?

Второй. Видите ли, я, кажется, обменял очки во время обсуждений с Лысоцким. У нас с ним одинаковые футляры...

Первый. Чепуха! Вечно вы о чепухе... (*Уходит*)

Входят Нечаев, Кирилл Владимирович В продолжение всей сцены Второй член худсовета внимательно разглядывает Нечаева.

Нечаев (*Кириллу Владимировичу*). Ну что ж, спасибо!

Кирилл Владимирович (*насмешливо*). Да, под маской циника таилось храброе сердце бойца. Как сказал кто-то: люди лучше, чем они кажутся.

Появляется Трофимов.

Кирилл Владимирович (*Трофимову*). А вот введенному в худсовет товарищу, знатному карусельщику, в отличие от вас, картина понравилась. Как сказал кто-то, она понравилась ему всесторонне: как члену худсовета, знатному карусельщику и просто русскому человеку.

Трофимов. Скажите, Кирилл Владимирович, почему вы так любите говорить какими-то нелепыми и обязательно чужими словами?

Кирилл Владимирович. Очевидно, талант. Талант, он всегда возьмет свое... и чужое тоже.

Появляется Ирина Кирьянова.

Ирина (*невероятно ласково, Нечаеву*). До свиданья, Федор Федорович! Кирилл Владимирович, я вас жду сегодня.

Кирилл Владимирович. Обязательно, несравненная!

Ирина (*Нечаеву, очень ласково*). Еще раз до свиданья! (*И, сухо кивнув Трофимову, она уходит*)

Остаются Нечаев, Трофимов и Второй член худсовета, неотрывно разглядывающий Нечаева.

Трофимов. Много куришь. Так долго не проживешь.

Нечаев. Мы все проживем до своей смерти. Трофимов. Поедем к тебе?

Нечаев. Да, конечно. (*Второму члену худсовета.*) Вы... очевидно... хотите у меня что-то спросить?

Второй (*истомленно*). Простите... Вы не можете мне подсказать, есть ли у вас чернильное пятно за правым ухом?

Нечаев не успевает ответить, так как в коридоре появляется Блондинка с авторучкой и листком бумаги в руках.

Блондинка (*протягивая авторучку, грозно*). Федор Федорович, я подумала и все-таки решила просить вас рекомен-

довать меня козой...

Затемнение.

Двойная декорация. Слева – квартира Надежды Леонидовны. Коридор с телефоном. Справа – квартира Нечаева. Комната пуста. В квартире Надежды Леонидовны. Часы бьют восемь. В коридор выходит Аня, подходит к телефону, набирает номер. Звонок в квартире Нечаева. Никто не подходит. Аня кладет трубку. Входная дверь открывается. Входит Надежда Леонидовна. Она в пальто. Не раздеваясь, садится на стул.

Надежда Леонидовна. Я очень люблю возвращаться домой и всегда тревожусь, когда не горят окна.

Аня. Что случилось, тетя?

Надежда Леонидовна. Просто я загадала одно желание, а глупая прохиндейка судьба его не выполнила. А зря! Мы бы пригласили судьбу в ресторан. Мы бы устроили ей вспрыски.

Аня хочет уйти.

Ты загорела в совхозе.

Аня. Было много солнца.

Надежда Леонидовна. И солнце было горячее...

Аня (*поспешно*). Что же у вас случилось, тетя? Надежда

Леонидовна. Ничего хорошего. Ничего дурного. Все как надо, и забудем об этом. (*Снимает пальто*) Да, солнце уже горячее. Видимо, будет солнечное лето. Как нетерпеливо люди ждут нового времени года. Они надеются, что тогда-то все будет по-другому. А пока спешат доживать старое по-старому.

Аня вновь поднимает трубку начинает набирать номер телефона. Ирина (*выходя*). Аня, освободи, пожалуйста, телефон.

Аня молча кладет трубку и выходит, но Ирина не решается звонить сразу. Она расхаживает по коридору и что-то обдумывает.

Надежда Леонидовна. Аня загорела...

Ирина (*расхаживая*). Вы были на студии, тетя?

Надежда Леонидовна. Да. Мы договорились с Кириллом Владимировичем. Он просил, чтобы я зачем-то пришла к режиссеру.

Ирина. И зачем же он вас так просил?

Надежда Леонидовна. Я, собственно, не знаю, у нас не состоялось свидание, и я поехала на выставку цветов.

Ирина подходит решительно к телефону, снимает трубку

Да. Я получила рукопись от машинистки. Я хочу дать тебе прочесть.

Ирина (*положила трубку на рычаг, снова расхаживает*). Тетя, почему вы занимаетесь не своим делом? Вы не можете написать книгу о Рашель, это совершенно ясно...

Надежда Леонидовна. Почему уж так ясно?

Ирина. Потому что вы не знаете, о чем нужно сейчас писать.

Надежда Леонидовна. Но Толстой говорил...

Ирина (*привычно*). Вы не Толстой.

Надежда Леонидовна. Но я хотела там написать...

Ирина (*механически*). Это не читается.

Надежда Леонидовна (*отчаянно*). Но ведь ты еще не читала!

Ирина (*затверженно*). Это демагогия. (*Опомнившись*) Простите, тетя, я думала о своем. Но, поверьте, я знаю, что вы можете и чего вы не можете. (*Продолжая расхаживать и обдумывать*) Ну, так о чем же вы хотели написать?

Надежда Леонидовна. Я хотела написать о трагической актрисе. О Рашель – символе яркого театра. Мы все научились быть правдивыми и настолько простыми, что искусству стало скучно. Оно зевает. Оно становится похожим на диетическую столовую. Украден пафос, и взлет, и скорбный рот трагического актера. А вместо них – застенчивый шепот. Но шепот не потрясает. Талант властвует на взлете, он на пределе виден. Есть страсть, есть яркость, и есть необычайные

слова, похожие на спелые плоды. Когда они падают, слышно, как вздыхает земля. Ты не слушаешь?

Ирина (*не слушая*). Я слушаю... но все это слова... Хорошо, я прочту. А сейчас, тетя, мне нужно поговорить по телефону.

Надежда Леонидовна молча уходит.

(*Решительно набирает номер*) Аверкий Борисыч?.. Да, это я... Ну что вы скажете о сегодняшнем худсовете? (*Выслушивает*) Знаете, если совершенно честно говорить, мне этот фильм... не то чтобы... не нравится... Нет, он мне нравится, но не очень. Да... но не поддержать его в этой ситуации я не могла, и поэтому я пришла. И знаете, я немного тревожусь: а вдруг не прочлось, что я «за»? (*Выслушивает*) Так-так... (*Радостно*) По-моему, тоже прочлось. Вы заметили, как я сухо поздоровалась с этим Трофимовым?.. Заметили, да. А потом с каким лицом я его слушала?.. По-моему, тоже, это было очень заметно... Вот именно... А как я с ним попрощалась?.. Значит, все это было заметно?.. Ну вы меня утешили... Ну хорошо-хорошо, я успокоилась... Ну, звоните, звоните, дорогой... (*Вешает трубку; набирает новый номер*) Да, Гаврила Захарыч, это я... Честно говоря, с самого начала фильм мне не очень понравился, то есть понравился, но не так чтобы «ах-ах!». Но я все-таки сочла своим долгом... (*Выслушивая ответ*) Да-да-да... и я решила тоже его

поддержать. И знаете, о чем я тревожусь? А вдруг не совсем было ясно, что я «за»! (*Выслушивая*) Значит, это было понятно. А вы заметили, как я поздоровалась и попрощалась? (*Выслушивая ответ*) Ну, знаете, у меня от сердца отлегло. Ну, звоните, звоните, дорогой!

Звонок. Ирина открывает входную дверь. Входит Кирилл Владимирович. Она здоровается с ним. И тут же звонок по телефону.

(*Берет трубку*) Да, я... Здравствуйте, Иван Кузьмич!.. Да нет, я не беспокоюсь... А откуда вы знаете? (*Выслушивая ответ*) Ах, этот Аверкий Борисыч. Ну вот вечно он... Значит, вы тоже считаете, что было заметно? Вот смотрите, вы уже третий человек... Ну хорошо, хорошо, я успокоилась. До завтра... (*Вешает трубку. Кириллу Владимировичу*) Все-таки иметь телефон – это ужасно! (*Выключает телефон.*)

Кирилл Владимирович. Да.

Ирина. Раздевайтесь.

Кирилл Владимирович не двигается.

Понимаете, я очень тревожилась, что я недостаточно его поддержала... Что это не прочлось. Но все говорят...

Кирилл Владимирович. Я уже слышал.

Ирина (*расхаживая по коридору*). Все-таки правильно,

что я его поддержала...

Кирилл Владимирович. Да.

Ирина. А вы заметили, как Трофимов смотрел на меня во время обсуждения?

Кирилл Владимирович. Заметил.

Ирина. Как он ждал, что я выскажусь. И когда я не высказалась, а всем своим видом показала отношение, это вышло даже страшнее. Что вы не раздеваетесь?

Кирилл Владимирович. Остались от козлика рожки Да ножки...

Ирина. Вы пьяны?

Кирилл Владимирович. Нет. Еще впереди целый вечер. Еще ополоснемся. Я всегда подозревал, что вы глупая. И знал – молчите! – что вы эгоистка. Нет, вы были для меня образцом принципиальной эгоистки. Я был почему-то уверен, что принцип для вас – прежде всего. И что когда дело дойдет до принципов, эгоизм и глупость отступят...

Ирина. Послушайте...

Кирилл Владимирович. Я бы хотел быть уверен в этом. Потому что я вам нравился. Мне хотелось быть уверенным, что я могу нравиться женщине, для которой принципы – это главное. Вы были мое оправдание, если хотите.

Ирина. Кирилл...

Кирилл Владимирович (*перебивая*). Ну, я ошибся! Ну?! Что тут страшного?! Я привык ошибаться. (*Фиглярски*.) Я начинал историком. И моя первая работа была о Шами-

ле. Шамиль как вождь национально-освободительного движения. Но взгляды переменялись... И в конце тридцатых годов он стал считаться агентом империализма. И я признал свою ошибку. Потом, во время войны, он вновь стал освободительным движением. И тогда я признал, что я ошибся, что признал свою ошибку. Потом, в сорок девятом году, он снова стал агентом, и я признал, что я ошибся, что признал ошибкой, что я ошибся. Я столько раз ошибался, что однажды мне показалось, что я сам ошибка. Но потом по привычке я и это признал ошибкой, и следовательно, я не ошибка. (*Засмеялся.*) А теперь вот вы – ошибка!

Входит Аня, подходит к телефону, включает его.

Ирина (*Ане*). Мы разговариваем. Иди отсюда, пожалуйста.

Аня молча уходит.

Кирилл Владимирович (*тихо*). Если бы вы... не испугались... Что вы наделали?.. (*Вдруг гаерски.*) Ну? (*Кладет ей руку на плечо*)

Ирина (*тихо*). Что?

Кирилл Владимирович. Остались от козлика... Бросьте! Вы просто женщина! И все! И вам приятно сейчас чувствовать себя просто женщиной!

Ирина. Кирилл Владимирович...

Кирилл Владимирович. Вам очень приятно. Ну будьте же до конца... дрянью. Едемте!

Ирина. Что вы...

Кирилл Владимирович. Вы почти согласились. Да? Если я соблюду хотя бы некоторые словесные приличия... Хорошо. Я их соблюдаю. Я не приглашаю вас со мной спать. Назовем это иначе. Я приглашаю вас на ужин вместе с завтраком. Идет? *(Ласково-ласково, почти прекрасно)* Дрянь!

Она дает ему пощечину

(Не изменяя тона) А все-таки прелестно чувствовать себя просто женщиной...

Входит Аня.

Кирилл Владимирович. До свиданья, Ирина Максимовна, до свиданья, молодые люди... Рожки да ножки... *(Уходит)*

Аня подходит к телефону набирает номер. Звонок в квартире Нечаева. Одновременно со звонком Ани входят Нечаев и Трофимов. Нечаев хотел подойти к телефону, но раздумал.

Нечаев *(Трофимову)*. Садись.

Трофимов. Сними трубку.

Нечаев. Не надо. Устал. Я сейчас спущусь...

Трофимов. Стоит ли, старик?

Нечаев. Стоит. А ты посиди здесь и, если будут звонить, не подходи к телефону.

Трофимов усмехается. Нечаев уходит. В квартире Надежды Леонидовны. Аня вешает трубку, надевает плащ.

Аня (Ирине). Дай мне две копейки.

Ирина. У меня нет.

Аня МОЛЧА выходит из квартиры.

Надежда Леонидовна (входя). Чай готов!.. А где же?..

Ирина. А он сумасшедший. И вообще мне кажется, что я здесь одна – нормальная. Дом разрушен! Обед не готов...

Надежда Леонидовна. Обед готов.

Ирина. Аня, которая не отходит от телефона, как я ее ни прошу! Этот маньяк, который... И наконец, вы, тетя (*расха-живая по коридору*), вы – старая женщина, но вы ходите на девичьих каблуках. Как же, это красиво! Вы плохо видите, но вы не носите очков! Как же, это вас старит! Вы моя бабушка, но я вас называю тетей. Нет, это повальное безумие!

Надежда Леонидовна. Ирина... Ирина...

Ирина. Вы подготавливаете какого-то психа показываться в театр, и все думают, что вы возитесь с ним по своей доброте... А вы возитесь с ним, потому что верите, что когда вас

увидят на сцене, все будут настолько потрясены, что пригласят вас снова играть. Но никто не будет потрясен! Потому что вы уже старая. Понимаете? И мало того что вы показались с этим кретином буквально во все театры. Нет, вы едете на киностудию, где вас даже не принимают! И ставите этим меня в дурацкое положение! Теперь вы вообразили, что написали какую-то книгу. Нет, вы сумасшедшая! И все вокруг сумасшедшие!

Надежда Леонидовна (*глухо*). Я отвечу тебе. Сейчас. (*После паузы*) Я видела Сару Бернар, когда ей было пятьдесят лет. Она играла Жанну д'Арк, которой было восемнадцать. Пьеса начиналась с допроса Жанны, и первая фраза была: «Сколько тебе лет, Жанна?» И Бернар должна была ответить: «Мне восемнадцать!» И весь Париж съехался на позор пятидесятилетней Бернар. И раскрылся занавес, и она вышла, и судья спросил: «Сколько тебе лет, Жанна?» И она обвела глазами затаившийся партер, готовую взорваться галерку, будто прося у них прощения.

А потом выкрикнула, гортанно и с вызовом: «Мне восемнадцать лет!» И они заревели от восторга. Они поняли: актрисе всегда восемнадцать лет. Да, я хочу играть! Я хочу. Я хочу! И буду всегда хотеть! И никогда не признаюсь, что я старуха, и буду ходить на каблуках! И не буду носить очков! Потому что я – актриса, даже если я твоя прабабушка!

Ирина стоит спиной, и плечи ее чуть вздрагивают. Так что может показаться, что она плачет. Но если она и плачет, то

совершенно беззвучно.

Что ты, Иринушка?!

Ирина (после паузы, обернулась, спокойно). Вы даже здесь не смогли удержаться от мелодрамы, тетя!

Ирина уходит, потом уходит Надежда Леонидовна. Коридор пуст.

В квартире Нечаева. Возвращается Нечаев. Он ставит на стол бутылку и стаканы. Разливает.

Трофимов. Ну, за тебя! Эх, Федюха, все пройдет. Вся эта бодяга, все забудется. И останется только то, что учились мы с тобой когда-то вместе и когда-то дружили... Будь здоров! (Пьет) С тобой что-то сейчас происходит? Нечаев. Зачем это тебе?

Трофимов. Всегда интересно, что происходит со сверстником. Особенно в личной жизни. А где Инга? Нечаев. Давай о деле.

Трофимов. Как хочешь. Ну давай о деле. Что ж, худсовет, старик, в большинстве пощипал тебя крепенько.

Нечаев. Не совсем точно. Худсовет в большинстве молчал... Крепенько щипал меня ты.

Трофимов. Давай условимся. Меня нету. Я – это не я. Я – это учреждение, которое я представляю и которое пока ру-

ководит по крайней мере вашей киностудией. Вот так! Значит, вопрос: что же делать дальше? (*Засмеялся.*) Газет ты, конечно, не читаешь. Что газет?! Вы, когда картину снимаете, алфавит забываете. Короче, твой джаз и все эти кретинические вздохи – как это называется?

Нечаев. Это называется пародией.

Трофимов. Я знаю, что это пародия. Кирилл Владимирович знает. И ты знаешь. А кто-то может и не знать. Короче, был джаз, нет джаза. Затем эпизод «Ночью». (*Пьет*) Когда твои герои, говоря деликатно, сходятся... И сам факт, что твои герои быстро сходятся...

Движение Нечаева.

Да нет, я все понимаю, что этот эпизод нужен и что этот эпизод хороший и тэ дэ и тэ пэ. Но эпизод может быть воспринят как воспевание... Я нарочно сейчас все утрирую и разговариваю с тобой, как идиот...

Нечаев. А может быть, ты как-нибудь иначе будешь со мной разговаривать?

Трофимов. Не надо демагогии, старик, а то я уйду. Короче, этот эпизод ты вырезаешь.

Нечаев. Это ты вырезаешь...

Трофимов (*ласково*). Нет. Это ты. Я тебе советую, а ты уже вырезаешь... Но это все частности. Эх, если бы дело было только в ножницах... Хороший коньячок! Армяне уме-

ют это дело. Знаешь этот анекдот? «Кто такой Дарвин, знаете? Грузвин – знаю. Арменвин – тоже знаю, а Дарвин...» (Смеется) Эх, Федюха, коза-дереза, упрямые глаза... Мод-но, чтобы молодые ошибались, и были малоидейными, и не уважали отцов.

Нечаев. Дорогой, мне скоро тридцать. Это, деликатно говоря, не совсем молодость. И отцов у меня в картине нет...

Трофимов. Найдутся. «В Греции все есть». Потому что в картине у тебя все уязвимо. Начиная с темы. Про что твоя картина? Про любовь... Я опять буду сейчас говорить с тобой, как идиот. Ты не обращай внимания. Про какую любовь? Не про ту. Почему не про ту? А потому, что про любовь. Личная тема не в моде. Ты посмотри, как радиоприемник на тебя уставился. Укоризненно смотрит. Вон, зеленый глаз выставил, как кот. У, кот-котофеич! Совесть ему за тебя! В мире столько событий. Масштабных. Строительство ГЭС, открытие какого-нибудь сигма-альфа-гиперона. Огромный мир! А ты жизненный фон сузил – любовью занялся. Узкая у тебя тематика, Федя! Как полоска света, падающего из-за двери!

Нечаев. Это ты уже «там» выступаешь?

Трофимов. Да, уже «там».

Нечаев. Я тебе «там» отвечу. Любовь... (Остановился) Ладно! Тебе ведь абсолютно наплевать на любовь... как и на масштаб, впрочем...

Трофимов. «Оправдаться – это можно, да не спросят –

вот беда!» Идет студеное время. И пройдет только верняк. *(Вскочил. Вдруг выкрикнул дискантом)* Лупит дождик – хорошо; бьют по морде – хорошо, все на свете хорошо! Вот что пройдет! Ты понял?

Нечаев. Ты выпил.

Трофимов. Мне нравится твой фильм, Федя. В нем что-то есть. Я люблю твой фильм, как любят уродца, как любят дефективного ребенка только за то, что он твой сын. Я разрешил твой сценарий, и я его люблю! И, любя, говорю: сейчас не время. *(Вскочил)* Иди к черту! Короче... Ты не будешь подставлять под удар себя и меня... Даю тебе мысль, а ты держи ее за хобот; ты пишешь бумагу: «В связи с тем что заболела актриса тра-та-та... Да и жизнь властно ворвалась в мои творческие планы, тра-та-та-та... прошу разрешить мне внести поправки в сценарий, для чего прошу съемки картины приостановить временно...». Подпись, и все. *(Засмеялся. Нечаев тоже)* Ну, что ты смеешься?

Нечаев. Как я все-таки тебя знаю... А тебе очень трудно... Ты хочешь быть сразу начальником, карьеристом и человеком... Это... не выходит. Потому что по натуре ты – ни то ни другое ни третье. *(Усмехнулся.)* Прости!

Трофимов. Ничего.

Нечаев. А про личную историю я сейчас тебе расскажу. Как обещал. Потому что тогда нам будет легче с тобой договориться. Значит, так. Есть человек... вернее, не человек, а режиссер. Это – на пути к человеку. И сей режиссер мучает-

ся. (*Насмешливо.*) Постоянная проблема: так он творит или не так. И хочется ему с кем-то поделиться. Пей, проехали! И в перерывах приходит жена. Скучная, издерганная. Ну, в общем, жена. И в результате он поделился своими творческими исканиями...

Трофимов. С красивой девушкой.

Нечаев. Ты догадлив! И кончилось бы все это... Ты опять догадлив... тем, чем должно кончаться... Но когда она протянула свои руки и говорила: «До свиданья! До свиданья!» – за это нужно было на колени встать, а он не мог. Потому что в этот момент он вспомнил, что всего десять лет назад его жена была точно такой же потрясающей девушкой. И он так же смертельно любил ее руки, ее колени... Ну почему все это ушло?!

Трофимов. А дальше... с девушкой?

Нечаев (*Помолчал.*) Да... Зачем я тебе это рассказывал? Да. И в результате всего происшедшего наш режиссер стал мучиться втройне. Он уже не только не знал, как снимать, ему вдруг показалось, что он не знает, что снимать. И он стоял над раскрытым чемоданом и думал: «А кому нужна вся эта история о любви? Любовь, даже самая несчастная, – это все равно праздник... Это так – история для восемнадцатилетних! А вот есть другая история, она наступает потом, когда начинается семья. И один интеллигентный человек превращает жизнь другого, тоже интеллигентного и когда-то любимого, чудного человека... в нечто обыденное и

сварливое. Он убийца! Ты понимаешь это? И может быть, об этом надо снимать. О конце «праздника». (*Вновь насмеши-во.*) И опять он начал мучиться. И наступила полная неуверенность. И все это было правильно. Потому что это вызревание какой-то истины. А это – неуверенность и муки. «Семя, чтобы прорасти, должно истлеть!» Но все это понятно... Речь о другом. О том, как в разгар всех этих поисков, мучений приходишь ты – и все прекращается. Оказывается, все эти поиски от лукавого! с жиру! А все гораздо проще: к черту творчество! Нужно думать о том, чтобы выжить! Чтобы чудом доснять до конца! и только! и больше ни о чем!

Трофимов. Я...

Нечаев. Стоп! Спасибо тебе. Мучения прекратились. Ты поверь! Есть трезвость, и есть ясность. История о любви, о двух руках, тянущихся над миром друг к другу, прекрасна. И я ее досниму до конца, ты уж мне поверь!

Трофимов. Как ты себя заводишь. Но ты мне тоже поверь. Как сказал старый Тарас: «Я тебя породил, я тебя и... (*засмеялся*) убью!» Так он сказал. И еще запомни, ты – режиссер, другой профессии у тебя нет. И если ты начнешь со мной бороться...

Нечаев. Слушай.

Трофимов. Ты видел, как струхнула Кирьянова? А ты ведь на нее надеялся, старик? И вообще, вспомни время, когда художнику говорили: «Делай!» И он отвечал: «Будет сделано!» В этом было свое рациональное зерно.

Нечаев. Интересно. Ты сидишь в моем кресле. В моем доме. Пьешь мое вино. И при этом меня же пугаешь. И ты абсолютно уверен, что я испугаюсь. У тебя даже мысли нет, что я могу не испугаться.

Трофимов (*насмешливо*). Конечно, муки, которые я смогу тебе доставить, – ничто по сравнению с творческими муками, которые ты испытываешь во время работы.

Я все это понял, я все это знаю. Но я все же надеюсь на тебя. Понимаешь, старичок, есть милое русское выражение: «Болтаться, как дерьмо в проруби». Сейчас ты завелся, и тебя бросило к одному краю проруби. А ты остановись, подумай... и не спеша... передвигайся к другому краю. Короче, мое дело на тебя надеяться, и я надеюсь.

Звонок в коридоре. Движение Нечаева. Пауза. Новый звонок

Не бойся! Если это твоя красивая девушка, я умоваю. Ах ты, кот! Старик, ты кот! А еще говорил: «Пожалел». Ну да что там, все мы грешники! Только советую: делай что хочешь, а с Ингой не расходись! Она хорошая. Это бывает не так часто.

Нечаев молча встает и выходит. Возвращается с Женой. Она тщательно причесана. В новом платье.

Здравствуйте, Инга!

Жена. Коля! Как хорошо, что вы зашли... Ой, накурили!

Накурили-то как!

Нечаев. Мы вообще не курили.

Жена. Да. Значит, мне показалось. (*Кокетливо.*) Ах, вы пили без меня! Не могли меня обождать... Сейчас мы поставим чай. (*Уходит.*)

Ее голос: «Когда мужчины остаются одни...»

(*Возвращается.*) Да, что же я хотела?.. Ах да, Коля, вы не обидитесь, если мы вас в другой раз позовем, а то мы вас не ждали...

Трофимов (*засмеялся*). Конечно, не обижусь, Инга. Ну, счастливо вам.

Жена уходит.

Значит, ты все помнишь? Так, мол, и так, прошу временно законсервировать фильм...

Нечаев. Я помню.

Трофимов. И помирись с ней.

Возвращается Жена.

Ухожу-ухожу. «Не бойтесь гостя сидящего, а бойтесь гостя стоящего». Адью. (*Уходит*)

Нечаев – за ним. Слышен голос Трофимова: «И помни, что сказал старый Тарас...» Нечаев возвращается. Пауза.

Жена. Знаешь, я никуда не поехала. Я просто у мамы жила... А маме я сказала, что ты уехал и мне стало скучно дома. А потом пришел папа и спросил: «Ну, как поживает твой хозяин?» А потом пришел Боря Фейгельсон и спросил: «Ну, как вы обставили с хозяином новую квартиру?» И вдруг мне стало так ужасно тоскливо...

Нечаев. Ты знаешь...

Жена. Я знаю. С картиной неприятность. Ну и бог с ней! Может быть, это и к лучшему. Нам опять будет трудно, и все опять будет по-старому.

Звонок телефона. Нечаев чуть вздрогнул. Жена это заметила. Звонки телефона.

Кто же это может быть? (*Жалко*) А мы не будем подходить.

Звонки.

А мы не подойдем. Пусть звонят, правда?

Звонки.

Нечаев. Видишь ли...

Жена. Я не хочу ничего видеть! И ничего слышать! (*Поднимает трубку и тотчас вешает*)

Звонки прекращаются.

А у нас сменили лифтершу.

Пауза. Снова звонки. Он направляется к телефону.

(*Хватает его за руку*) Нет, я тебя прошу! (*Поднимает трубку и бросает на рычаг*)

Звонки прекращаются.

Понимаешь! Во всем мире я твоя жена, и когда тебе плохо, я к тебе пришла. Ты меня любишь? Ну хоть немножечко еще любишь?

Звонки.

Молчи! Потом скажешь. И чаще об этом только говори.

Звонки.

А то вы всегда почему-то стесняетесь говорить женщине, как вы ее любите. Только немножечко слов, и я все сделаю!

Звонки.

Ты не представляешь... Ты без меня не сможешь работать! И кроме того, у тебя плохое здоровье! А кто за тобой будет смотреть?

Звонки прекращаются.

Я говорю чепуху. Ты без меня, конечно, проживешь. А я вот не проживу. Пусть я унижаюсь. Да, я унижаюсь, но что тут такого? Я борюсь за свое счастье. Молчи! Я всю жизнь прожила с тобой. У меня, кроме тебя, никого не было! Ты мой единственный мужчина, и ты знаешь, как меня ничего не стоит обидеть! Слышишь? И ни о чем не думай! Если что... было... ты ни в чем не виноват! Ты просто слабохарактерный. А эти девчонки, они пользуются...

Нечаев. Прошу тебя...

Жена. Я говорю ужасные вещи. Прости меня! Я не понимаю, что я сейчас говорю. Ты меня любишь? Хоть немножечко? Ну, скажи, скажи, скажи!

Нечаев. Да.

Жена. Ну вот. Все хорошо. А теперь будем пить чай, как раньше. Там в холодильнике – торт. Принеси!

Нечаев уходит. Жена подходит к стулу, отвязывает от спинки красный шар и выпускает его в окно. звонок в дверь. секундная пауза. Потом жена торопливо открывает входную дверь. на пороге – Аня.

(Шепотом) Вы что?

Аня *(также)*. Металлолом у вас есть?

Жена. Нету. *(Она захлопывает дверь)*

Возвращается Нечаев.

Нечаев. Звонили?

Жена. Да. Дети за металлоломом. Ну, давай пить чай. За-темнение.

Двойная декорация. Комната отдыха на киностудии и павильон № 2. В павильоне № 2 юпитеры потушены, в темноте – странные очертания декораций. В комнате отдыха – Фекин, выдает зарплату. Присутствуют Гитара, Блондинка и Старец с бородой.

Фекин *(держит речь)*. Мы прощаемся с вами и, возможно, не скоро встретимся, ибо, по всей вероятности, нашу картину закрывают. Сегодня у нас с вами расчетный день по эпизоду «В парадном». Лозунг такой: «Получим дензнаки в

порядке очереди и неторопливо». Выдачу зарплаты можно превратить в большое огорчение или в милое светлое ожидание. Начнем по алфавиту: на «А» – нету. Мм! На букву «Ж», кто у нас на букву «Ж», простите за выражение. Товарищ...

Гитара. Жгунди...

Фекин. Вот именно. А где же остальной джаз?

Гитара. Одному оркестранту вернули тигра – у него сегодня большой праздник. А товарищ Трубач пошел на тематический концерт. Они будут к часу.

Фекин. Я рад вам выдать зарплату, товарищ Жгунди! Вы вздыхали, как настоящий грек!

Звонок по телефону

(Снимает трубку.) Да-да... Режиссер не приходил еще... Да-Да! На девяносто пять процентов – прикроемся... Да-да... с пятнадцатого буду на «Сером волке». Да-да.

Входит Зина.

(Тотчас вешает трубку.) Зинуля, я там уже выдал часть зарплаты. У меня очень неважно сейчас со временем... Может быть, ты?

Зина *(язвительно)*. Я понимаю.

Фекин *(сразу оскорбление)*. А я отказываюсь понимать

вашу иронию. И... все! (*И прежде чем она успевает что-то ответить, исчезает.*)

В это время в павильоне № 2 появляется Нечаев, оглядывает павильон, пожимает плечами и быстро выходит. В комнате отдыха Зина садится за стол.

Зина. Сейчас, товарищи, сейчас. Я только войду в курс дела.

Гитара послушно сидит и ждет. Появляются художники Петя и Юрочка.

Петя. Знакомьтесь, Юрочка, это Зина. Она выдает мне плату за поцелуи. Я – на букву «Г», я раньше всех. (*Кивнув на Блондинку*) А вот с этой девушкой я целовался двадцать шесть раз. Ты можешь поверить в это счастье, Юрий?.. Юрий говорит, что не может.

Блондинка. Влезают всякие без очереди!

Петя. Зина, у нас к вам дело. Мы отмечаем сегодня окончание кинематографической карьеры, по этому случаю состоится небольшой бал. Именины сердца! Мы вас приглашаем.

Движение Зины.

Понятно. Отказываетесь. Сожалеем... Но когда придет девушка Аня, с которой я столь неудачно целовался, передайте ей эту записочку.

Зина. Хорошо. (*Протягивает деньги*) Распишитесь!

Петя. Благодарю. А теперь (*трагически*) прощайте, Зина! Примите наши соболезнования по случаю закрытия фильма. Прощайте и вы, желтоволосая девушка. И привет актеру Кободоеву, воплощающему ныне роль Желтого льва.

Блондинка. Во-первых, совсем не Желтый лев, а Серый волк! И вообще, Кободоев, если хотите знать, снимался в двадцати фильмах!

Петя. Не может быть!

Блондинка. Ему пишут письма со всего Союза!..

Петя. Не верю!

Блондинка. А вы... вы...

Петя (*шепотом*). А я... я уйду и Юрочка тоже. (*Уходят*)

Блондинка вдруг расплакалась.

Зина. Ну что ты?

Блондинка (*всхлипывая*). И так все плохо, а он еще... А я уже всем родственникам рассказала, что я у вас снялась. Теперь никто не поверит. И всегда мне не везет: или картину закроют, или мою роль вырежут. Невезучая я! (*Всхлипывая*.) До свиданья! Если, может, вас откроют, вы мне по рабочему телефону позвоните. Я всегда приду... Я очень люб-

ЛЮ КИНО...

Уходит.

Гитара. Бедная девушка!

Зина (*вдруг зло*). Она не бедная! У этих бедных за день случается в личной жизни столько, сколько у меня за всю жизнь!.. Как ваша фамилия?

Стремительно входит Нечаев.

Нечаев. Добрый день! Я что-то ничего не понимаю! Почему во втором павильоне – никого? Где художники? Почему в рабочее время затеяли выдачу зарплаты?

Зина. Но ведь мы же... закрываемся...

Нечаев. Кто вам сказал?

Зина (*радостно*). Фекин.

Нечаев. Где этот Фекин?

Зина (*счастливо кричит*). Фекин! Товарищ Фекин!

Нечаев (*это вновь прежний деспотичный режиссер из первого действия*). И договоримся, Зина, если в следующий раз вы не будете знать, где Фекин...

Зина (*нежно*). Я поняла...

Нечаев (*чуть неловко*). Да... кстати... Здесь не приходила за зарплатой эта девушка, которая в первый раз... Зина (*усмехнулась*). Целовалась, да? Нет, не приходила. Нечаев.

Ясно. Идите в павильон, Зина. Чтобы к часу художники были на месте и декорация готова. (*Кричит*) Фекин!

Зина убегает, сталкиваясь на ходу с вбегающим Фекиным.
Фекин. Я!

Нечаев. Давно не виделись! Здравствуйте! Где же это вы пропадаете?

Фекин. Я был...

Нечаев. Вы были на «Сером волке»? Вы слишком рано решили уходить... И вы еще не один раз об этом с ужасом вспомните!

Во время его речи павильон № 2 освещается, вбегают Зина, Кинооператор какие-то люди. Масса суеты. Павильон ожил.

Фекин (*Нечаеву*). Но ведь мы же закры...

Нечаев. Кто?! Кто сказал?!

Фекин (*оперативно*). Все будет сделано!

Нечаев. Что «все»?

Фекин. Не знаю. Но все будет сделано!

Входит Аня.

(*Обрадовавшись возможности прекратить разговор.*)

Приветствую вас. (*Бодрячком*) Так. Будем получать зарплату. Давайте ваш паспорт. (*Берет у Ани паспорт. Просматривая ведомость*) Так! Вот ваши деньги и вот вам какая-то записочка. Корреспонденция! Расписывайтесь здесь. Чудненько!

Нечаев. Борис Григорьевич, идите, пожалуйста, в павильон. Я туда скоро приду. И мой совет, чтобы я вас там застал.

Фекин исчезает.

(Молча стоит у стола. Потом вопросительно смотрит на преспокойно сидящего в стороне гитариста.)

Гитара (*извинительно*). Мне должны выдать зарплату и все никак не выдадут.

Аня. До свиданья!

Нечаев. Подожди!

Но Аня уже повернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Нечаев бросается к двери, толкает ее, но дверь не открывается. Он пытается открыть ее, но дверь безнадежно закрылась. Он колотит руками, но безрезультатно.

В павильоне № 2 суета. Все бегает. Фекин, вошедший в

павильон, тотчас включился в беготню. Вдруг остановился, заслышав отдаленный стук. Выбегает из павильона. В комнате отдыха Нечаев бессильно опускается на стул.

Гитара (*тихо улыбнулся*). Я хочу вам прочесть стихи. Их сочинил мудрый поэт.

Все будет хорошо.
Оставьте ваши спешки!
Все будет хорошо,
И выйдут в дамки пешки,
И будут сны к деньгам,
И дождички по четвергам.
Все будет хорошо!

Нечаев молча вскакивает и снова колотит в дверь. Неожиданно дверь распахивается. На пороге Фекин.

Нечаев (*будто с зубной болью*). Дверь...

Фекин. Да.

Нечаев. Должна быть...

Фекин. Починена.

Нечаев. Через двадцать минут!

Фекин. Будет.

Нечаев. Нет, через десять!

Фекин. Сделаем.

Нечаев. Сейчас же!

Фекин. Сейчас же не могу. *(Он боится паузы и понимает, что его спасение в том, чтобы без конца говорить скороговоркой.)* Жил был шах, у него была собака, он ее любил. Он позвал визиря: «Хочу, чтоб через год собака говорила, как человек». – «Сделаем», – ответил визирь. «Ты что, с ума сошел?» – спросили его. «Нет, – сказал визирь, – главное – никогда не отказывать! А кто знает, что случится за год: или я умру, или шах умрет, или собака сдохнет». Мораль: любое желание можно выполнить, дайте лишь время! *(Стараясь весело.)* Ха-ха-ха!

Нечаев *(устало)*. Я понял. Выдайте зарплату товарищу Жгунди. И возвращайтесь в павильон.

Входит Кирилл Владимирович.

Кирилл Владимирович. Приветствую вас, Тореадор Тореадорович! Я поздравляю вас со смелым решением. Итак, вопреки всему вы решили продолжать снимать.

Нечаев. Вопреки.

Кирилл Владимирович. Следующий эпизод у вас по плану – «Ночью»?

Нечаев молчит. Кирилл Владимирович удивленно смотрит на него.

Нечаев *(после паузы)*. Я как раз хотел посоветоваться с

вами.

Кирилл Владимирович. О чем же?

Нечаев. Вот о чем. *(Замолчал)* Значит, так. *(Снова замолчал)*

Кирилл Владимирович *(после паузы!)*. Я, кажется, понял... А может, этот эпизод «Ночью»... мы... действительно, хотя бы временно... изыдем?

Нечаев молчит.

Правда, я боюсь, что если мы его сейчас не снимем... мы его вообще не будем снимать...

Нечаев молчит.

Правда, это лучший эпизод... Что вы говорите?

Нечаев. Я ничего...

Кирилл Владимирович. Значит, с «ночью» мы расстались...

Нечаев молчит.

А как же с джазом?.. Может, и его заодно? Конечно, временно и тэ дэ и тэ пэ.

Нечаев молчит.

Ну тогда заодно и джаз... И то, что герои сходятся столь поспешно... Я понимаю, что в этом есть большой смысл и без этого многое будет непонятно... Но уж если резать, так резать...

Нечаев молчит.

Ну вот и порядок! (*Глухо*) Там, правда, мало что останется...

Нечаев (*отчаянно*). А что же делать? Вы сами видели, как Кирьянова... (*Замолчал*)

Кирилл Владимирович. Вам очень хочется сейчас... рыдать? Рыдайте, милый! Рыдайте, и вам сразу станет легче. Рыдайте... Я тоже часто рыдал в свое время. Уступал себя, а потом рыдал. Это помогает. Слезы бесценны! Порывав, мы жалеем себя и прощаем себе многое. Чаше рыдайте! И вспоминайте при этом чужую слабость или подлость. Это помогает! Только один вопрос, риторический. Почти афоризм. Понимаете, не то страшно, что есть плохие люди... А страшно то, когда плохих людей боятся... Ну, я там, к примеру, боялся, потому что тогда и посадить могли. Такое было время. Я не оправдываюсь, я поясняю... А вы-то почему сейчас боитесь? Вы поясните.

Зина (*вбегая*). Сколько человек массовки готовить на завтра?

Нечаев (*глухо*). Я завтра вам все расскажу. А сегодня... На сегодня все свободны. Хватит на сегодня...

Затемнение.

Двойная декорация. Слева – телефон. У телефона Нечаев. Справа – мастерская художника Пети. Уголок у вешалки, в беспорядке свалены пальто. За сценой веселье в разгаре.

Нечаев (*разговаривает по телефону*). Можно Аню?
Голос Надежды Леонидовны. Ани нет дома.

В мастерской. Появляется Аня, за ней Петя.

Аня. Хорошо, когда где-то музыка и поют. Я пьяная. Вот возьму сейчас и бухнусь у двери.

Петя. Тсс! Она, кажется, споткнулась на дороге жизни и сейчас упадет у двери.

Аня. Наступил час пудры. Что бы ни случилось! (*Пудрится*)

У телефона.

Нечаев (*набрав номер*). Можно Аню?

Голос Надежды Леонидовны. Ани нет дома.

В мастерской.

Аня. Смешно! У меня к одежде всегда пристают какие-то бумажонки. Я их почему-то притягиваю, как эбонитовая палочка. Ну, ладно! Я, пожалуй, пойду, а то у меня с весельем сегодня не ладится!

Петя (*вдруг серьезно*). Плюнь! Слышишь! Что бы ни случилось...

Аня. Молчи!

У телефона.

Нечаев (*набрал номер*). Можно Аню?

Голос Надежды Леонидовны. Ани нет дома.

Нечаев уходит. В мастерской. Петя вдруг взял Аню за руку.

Аня (*судорожно болтая под его взглядом*). А вот в прошлом году у меня был прекрасный год. Хохол у меня почти не торчал. И еще обнаружилось, что у меня две макушки. А теперь по закону должна быть полоса невезения. Жизнь идет полосами и похожа на тигра... Слушай, я тебя сейчас...

немного боюсь... А где Юрочка?

Петя. Ты зря меня боишься. Раньше я думал, что я по натуре бобыль, а теперь неожиданно выяснилось, что я попросту моногамен. Я познал себя.

Аня. А что такое «моногамен»?

Петя. Это значит единобрачен. Я могу любить только одну, на которой и женюсь. Моногамная семья образовалась на ранних ступенях человеческого развития, на пороге второго тысячелетия до новой эры. Кстати... *(Остановился.)*

Аня. Что?

Петя. Слушай, а ты бы не хотела, для смеха... выйти за меня замуж на пороге третьего тысячелетия новой эры?

Аня. Петя... Петечка...

Петя. Ясно! Я пошутил. А ты молчи. Ты пьяная!

Звонок в дверь. Пауза. Снова звонок. Петя не двигается.

Аня. Ну открывай... Ну что ты!

Петя открывает. Входит Нечаев.

Петя. Здравствуйте! А мы вас так ждали! Особенно я. Раздевайтесь. Как хорошо, что вы пришли. *(Берет у него пальто.)* О Юрий, возрадуйся, к нам пришел великий! *(Петя убегает.)*

Нечаев *(помолчав).* Я не знал, что она вернется.

Аня. Это неважно. Она все равно вернулась бы. Ты это знал... Только ты не подходи ко мне. Ладно?..

Нечаев. Ладно. Ты...

Аня. В конце концов, она твоя жена. А между нами ничего не было. Ты пожалел меня. Большое спасибо. Откуда ты узнал, что я здесь?

Нечаев. Узнал.

Аня. И я тоже знала, что ты сюда придешь.

Нечаев. Аня...

Аня. Не надо. Мы не будем объясняться. Все эти объяснения... *(Махнула рукой. Потом подходит к нему и, осторожно коснувшись пальцами, проводит по его лицу)* И не переживай из-за меня. Я была готова к этому с первой секундушки. Мой милый Иосиф Прекрасный! Мой милый Иосиф Пугливый!

Нечаев. Я...

Аня. Нет. Все, что ты сейчас скажешь, будет не то. Понимаешь? У нас уже ничего больше не будет. Никогда! После того как я ее увидела, я уже не смогу... Мне ее жалко. Или не жалко... В общем... И все! Все! Все! *(Засмеялась.)* Странная штука жизнь. Если бы мне сказали год назад, что все это со мной может случиться... Ладно. А теперь пообещай, что ты сделаешь одну вещь. Только пообещай.

Нечаев. Обещаю.

Аня. Ты не будешь меня провожать. Не бойся! Я сейчас совершенно трезва. Я притворялась. Ну вот! Прощай! Мы

с тобой часто расставались... Ты только помалкивай. Я все знаю. Тебя никто так не знает. *(Коснувшись пальцем его щеки)* Ух, щеки-то горячие! Я буду вспоминать о тебе часто-часто. И буду за тебя молиться в душе, чтобы у тебя все было хорошо. «Молись за меня, бедный Николка!» А теперь постоим до трех: раз, два... три. И убежали мышки, серые пальтишки! *(Поворачивается и быстро выходит.)*

Стук двери. Нечаев один. Он хотел надеть пальто, но не успел. С криком: «Юра, давай!» вбегает Петя, за ним – возбужденный Юрочка.

Юрочка. Утром в газете, а вечером в куплете! Петя. Ура! Юрочка выпил, на Юрочку стих нашел. Юрочка. Ах, я страдала, страданула, прямо в речку сиганула!

Петя. Жарь, Юрочка! Возьмите Юрочку сниматься! Юрочка. Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать! Не раскинуть ли умишком, не послать ли за винишком!

Нечаев молча стоит.

Петя. Здесь была девушка небывалой красоты. Она что ж, совсем ушла?

Нечаев. Вы очень похожи на Кирилла Владимировича, вас будто одна мать родила.

Петя. Я не могу быть... я никак не могу быть на него по-

хож. Потому что он живет в сострадательном наклонении, а я – в повелительном. Что же касается внешней оболочки...

Юрочка. Оболочка-то сотрется, свиная кожа – остается.

Петя. Bravo, Юра! Юра, гляди, он надел пальто! Он уходит от нас! Такой потрясающий! Такой утонченный! Интеллигентный! Ах, как нам всем не хватает интеллигентности! Ну поглядите хотя бы на мою рожу: лоб один на два – будка! Но на прощание скажите нам, интеллигентный, вы бросили девочку?

Молчание.

Бросили или нет?

Нечаев. Послушайте...

Петя. Не хочу! Бросили или нет? Бросили или нет? Бросили или нет?

Нечаев. Бросил.

Петя. Опа! И вернулись в лоно семьи. Да? Вернулись в лоно или нет? (*Бешено*) Вернулись или нет? Вернулись или нет?!

Нечаев. Вернулся.

Петя. Опа! И это наверняка из благородства? Из чувства человечности?! Да здравствует человечность! Человечность нас спасет! Эпохе не хватает человечности! Лей, Юра, незримые миру слезы по поводу такой нехватки!

Юрочка. Лью.

Петя. А вот фильм свой вы тоже будете переделывать из чувства человечности? Будете или нет? Будете или нет?! Будете или нет?!

Юрочка. Будет!!!

Петя. Опа! Что и требовалось доказать. А в завершение пойдет баллада под названием «В конце концов».

В продолжение последующего монолога Нечаев молча стоит у двери и очень спокойно слушает.

Близится первый счастливый конец! В результате творческих исканий он снимет тихохонький благополученький фильмик! Но при этом будет очень мучиться. Второй счастливый конец! В результате личных переживаний он все-таки останется с преданной супругой. Конечно, из чувства человечности. Он будет жить с ней в чудной благоустроенной квартире. Потолок пять метров, отдельный санузел. А по вечерам к нему будут приходиться гости. Все сплошь знаменитости... Какой-нибудь Лоренцо Медичи Великолепный, Бенвенуто Челлини, Фадеев. И, сидя в мягких креслах, вы будете беседовать с ними о том, как хорошо шахтеру... где-нибудь под землей... рубать уголек для семилетки. Или художнику в полутемной мастерской творить для будущего. И при этом, конечно, будете мучиться от своей обеспеченности. И еще оттого, что вернулись к жене. И в результате этих нестерпимых мук вы станете жить с женой и с той девушкой тоже. Из чувства человечности, конечно. И опять же страдать от

этого! Дорогой, вы – мученик! Вы – чемпион по страданиям! Вы – символ человечности! Только один вопрос, дорогой символ. Отчего у вас такие удобные муки? Отчего в результате всех ваших мучений ломают себе шею другие? А вы остаетесь страдать, но в самых безопасных и комфортабельных условиях? Отчего? Отчего, несмотря на все ваше благородство... из вас всех так легко сделать дерьмо?!. Слушайте, а может быть, у вас в порядке с человечностью? Может быть, чего другого не хватает?

Юрочка. Пусть в каждом доме стар и мал прочтут газету и журнал!

Нечаев (*усмехается, Пете*). Видите ли... Бабочки живут один день. И если этот день был дождливым, им кажется, что вся земля – это дождь. В вашей жизни было дождливое утро, и вы привыкли считать, что вокруг дождь и вы честнее других. И от этого вы стали злым. Целенаправленно злым. А когда есть злость – ничего не понятно. Видна, как вы точно сказали, только оболочка.

Юрочка. Неправда! Он добрый! Вы его не знаете. (*Наливая вино из принесенной бутылки.*) И давайте выпьем на прощание. А то у меня уже стих прошел! Милки, за то, чтобы мы были здоровы! Пусть с нами все будет хорошо! И пусть мы будем жить до ста лет! (*Передает стаканы,*)

Петя (*Нечаеву*). Я не хочу, чтобы вы были здоровы. Я буду пить за то, чтобы вы сдохли!

Нечаев (*глухо*). Согласен. За ваше здоровье!

Затемнение.

У входа в киностудию. На ступеньках сидят Гитара и Кирилл Владимирович. Глубокая ночь. Гитара тихонечко играет. В темноте вспыхивает и гаснет надпись: «Киностудия». Появляется Нечаев. Изумленно глядит на сидящих.

Кирилл Владимирович. Теплая ночь! Не захотелось идти домой. Мне и товарищу...

Гитара... Жгунди. (*Нечаеву*) Мы с вами знакомы. Я вздыхал в вашем фильме.

Нечаев (*усаживаясь рядом*). Вы давно здесь сидите?

Кирилл Владимирович. Давно.

Нечаев. Сюда не приходила девушка небывалой красоты?

Кирилл Владимирович. Сюда никто не приходил.

Нечаев. Тем лучше... Тогда будем сидеть втроем. Теплая ночь.

Жгунди тихонечко играет на гитаре. Все молчат.

Кирилл Владимирович (*Нечаеву*). От вас несет фруктовом вином. Вы плодоовощник, вы были в бедных гостях.

Нечаев (*Гитаре*). Хочется плакать, когда вы играете.

Кирилл Владимирович. Он играет про человека. Человек стоит на земле, над ним солнце. И человек просит:

«Остановите землю, я хочу слезть».

Нечаев. Зачем же он так торопится, этот человек? К чему тревожить галактику... Мы и так не очень-то задерживаемся на нашей доброй планете. Идите спать! Сегодня у вас не выдался день афоризма!

Гитара. Грустно играть на исходе ночи, когда слабеют звезды. Много вспоминаешь. У меня на юге живет брат. Он работает агентом в конторе по сдаче жилплощади. Мы с ним близнецы. Но он почему-то никогда ко мне не приедет... А я уже в том возрасте, когда есть что вспоминать... и улыбаться.

Нечаев. Дайте мне поиграть немного.

Гитара. Не могу.

Нечаев. Почему?

Гитара. Вам нельзя. У вас такие глаза. Если вы станете играть, вам подадут.

Нечаев. А вам?

Гитара. Я артист. Мне не подадут.

Нечаев. Ясно. Вы неправы, древний грек товарищ Жгунди! И вы зря слушали иносказания доброго Кирилла Владимировича. Да, мне некуда идти, потому что у меня нет дома. И я все сделал, чтобы потерять ту, к которой нужно было идти. И работать не могу, потому что во мне проснулся трусливый раб! Что делать? Что делать? Я не оправдываюсь. Я просто верю. И еще я люблю. И надеюсь. А это три ниточки, и пока они есть, не надо останавливать землю. Дайте мне

поиграть, Жгунди.

Жгунди молчит.

Жизнь не всегда путь на гору. Куда чаще это цепь гор. Поднимаемся, а потом опять спускаемся, чтобы попытаться снова идти наверх. И тут главное – понять, когда ты спускаешься. И не погнубить от отчаяния на пути вниз.

Кирилл Владимирович. Дайте ему поиграть, товарищ Жгунди!

Жгунди молча протягивает гитару Нечаеву. Нечаев играет. Жгунди тихо покачивается в такт мелодии.

Затемнение.

Только звучит в темноте гитара Нечаева.

Занавес.

Чуть-чуть о женщине

Часть первая

Голоса в затемнении.

Женский. Мама... мама...

Мужской. Катастрофа... катастрофа...

Женский. Мама... мама... катастрофа... Катастрофа...

Мужской. Прекрасно... прекрасно... мама... мама... Третий голос. Это дикторы радио разминают голоса перед выходом в эфир.

Команда. Выход в эфир.

Мужской... передаем последние известия... **Женский...** вести с полей.

Мужской... тысяч тракторов выехали сегодня на поля.

Звук радио выключается. Освещается купе поезда. Это спальный вагон на двоих. В купе входит Женщина и выключает радио. Она стоит посреди купе и молча смотрит перед собой.

Она (в зал). И долго вы будете меня разглядывать?... Ну, женщина, руки, ноги. (Со сдержанной яростью.) Вот вы та-

кая милая, молодая. Вам бы в парке с любимым юношей целоваться... А вы, почтенный отец семейства, весь в помыслах о завтрашнем футболе. Вам бы храповецкого сейчас, а вы здесь подыхаете с тоски по повелению супруги. (*Усмехнулась.*) А совсем неплохо было так начать... а уж потом им прочесть лекцию о морском дне... Я привыкаю разговаривать вслух. (*Включила радио*)

Мужской.... Два – один. С таким счетом динамовцы Москвы на своем поле нанесли сегодня поражение столичному «Торпедо».

Женщина садится и молча слушает радио.

Женский. По родной стране. Сегодня в посольстве Швеции состоялось вручение премии Нордстона за исследования в области...

Радиодиктор поезда (*прерывая передачу*). Граждане пассажиры, до отправления нашего поезда остается три минуты. Просьба к провожающим выйти из вагона, а отъезжающим занять свои места.

Женщина. Они заняли.

Радиодиктор. Граждане провожающие, не забудьте передать билеты отъезжающим.

Женщина. Они не забыли.

Женский голос по радио (*продолжает читать последние*

известия). В заключение был устроен обед в честь нового лауреата.

Мужской. Погода.

Женский. Тепло и сухо было сегодня на Черноморском побережье Кавказа, в Крыму...

Женщина выключила радио. Дверь купе открывается, и входит Пассажир Это человек лет тридцати.

Пассажир Можно?

Женщина. Что поделаешь...

Молчание.

Пассажир. Чуть не опоздал. Не беспокойтесь, я уже попросил проводницу, меня переведут в мужское купе.

Она. Спасибо.

Молчание.

Пассажир Курите?

Она. Сейчас не хочу.

Пассажир. А я, пожалуй, пойду подымить... Или нет, потом пойду. (*Засмеялся.*) Нерешителен в мелочах.

Она (*насмешливо*). Вероятно, в крупном...

Пассажир. В крупном тоже нерешителен. (*Включил радио*)

Радиодиктор поезда. Граждане пассажиры, в нашем поезде имеется вагон-ресторан. Он расположен в шестом вагоне...

Женщина сделала рукой движение, обозначающее просьбу выключить радио. Пассажир понял, кивнул, выключил.

Пассажир Вы жили в этом городе?

Она. Почему?

Пассажир. Когда приезжаешь в город, где жил прежде, всегда много надежд. Поиски пошлого. Надеешься встретить кого-то... Надеешься... Но все оказывается не так, и оттого уезжаешь вот в таком дурном настроении.

Она. У меня просьба. Устройтесь побыстрее. Я устала. Я хочу спать.

Пассажир. Вы счастливая. Я плохо сплю в поездах.

Она. Я тоже. Но я надеюсь...

Пассажир. А я жил в этом городе. Мы с вами даже учились в одном университете и даже жили в одном общежитии...

Она. Я вас не помню.

Пассажир. Я так и думал. Я всегда был незаметным... Хотел быть заметным, но не сложилось. Однажды я стоял в коридоре и дымил, а вы проходили мимо. Вы спросили у

меня пробочник открыть шампанское. Вы были вся в белом. В тот день вы выходили замуж...

Она. Я вас не помню.

Пассажир. Я никогда не ездил в таких вагонах. Дороговато. Но других билетов не было. (*Берет со стола листок, который положила Женщина. Прочел.*) «Праздничная анкета». Позвольте посмотреть?

Она. Вы уже смотрите.

Пассажир. Страна увлекается анкетами. Есть все виды анкет, даже, оказывается, праздничные есть. (*Читает*) «Имя-отчество».

Она. Вы собираетесь отвечать?

Пассажир. Да. В ожидании проводницы. Отвечая на анкету, всегда хочется быть остроумным. А это исключает правду. Поэтому за себя я никогда не решился бы отвечать, а вот за вас...

Она. Вы много говорите.

Пассажир. Это у меня с детства. Итак, анкета: семейное положение... конечно, разведены.

Она. А это почему?

Пассажир. А это – у вас в глазах. Но даже не глядя в глаза, я бы все равно так подумал. Потому что вы вышли замуж за сверстника, даже хуже – за однокурсника. Эти браки непродолжительны... Но, вероятно, вы хотели встретить его в этом городе...

Она. Отчего же мне хотеть его встретить, если я с ним

развелась, как вы говорите?

Пассажир. А это оттого, что без него вам не живется лучше... Но вы его не встретили и печальны.

Она. Вы ничего не знаете! Вы ничего... (*Успокоилась. Насмешливо.*) Я не могла хотеть его встретить хотя бы оттого, что он не знал, что я сюда приезжала.

Пассажир. Мало что он не знал... Он должен был почувствовать. Это потрясающая женская логика.

Она. Вы упоенно болтаете. И при этом с таким восхищением слушаете самого себя... Он не мог почувствовать это, потому что он живет на маленькой станции Клин. И я хочу спать.

Пассажир. Я будто слышу ваши семейные сцены. Это не предусмотрено в анкете, но я вам о них тоже расскажу.

Она (*яростно*). Вы не боитесь, что я вас возненавижу чуть раньше, чем вы уйдете в новое купе?

Пассажир. Что поделаешь?.. Я по натуре – просветитель. Мне полагается терпеть. Дикая племена, например, обожали кушать своих просветителей. Интеллигентные люди поступают, конечно, иначе. Но тоже, знаете, не сахар... Позвольте мне рассказать про вас. Вы знаете, я не буду ждать проводницу, я сам удалюсь в поисках купе, как только ошибусь. В любом пункте. Вы позволите мне рассказать про вас? Это для меня важно. Итак...

Она. Хорошо, что вы сами просите и сами себе разрешаете.

Пассажир. Итак, брак однокурсников. Нет отношений мужчины и женщины, потому что нет тайны. Есть два приятеля: какой-нибудь Петя и какая-нибудь Валя. Они все знают друг о друге. Более того, они все время соревнуются. Они все время считаются, как положено сверстникам. И никто не хочет уступать. Это больше похоже на совместный турпоход, чем на брак. Кроме того, они молоды, и им кажется, что все это – временно, что самое прекрасное и самое главное у них еще впереди. И они полны ощущения несерьезности этого брака, и они не боятся его разрушать. Они – смелы.

Она. Вам придется уйти. Все это не так! Главное – это когда после его восторгов, после его жажды встреч она вдруг понимает, что он уже не рад ей. Она сидит, беременная, с глупым животом, и видит, что ему с ней скучно. Ему, который летел, который бросал все, чтобы быть с ней. И вот он с нею и не рад. И притом она все время чувствует, что он врет. И поэтому говорит с ней каким-то новым, льстивым, омерзительно ласковым голосом...

Пассажир. Вы даже сейчас считаетесь. А как же ему не врать. Его зовут приятели, или, наконец, ему просто нужно побыть одному. Это иногда необходимо – побыть одному. А нельзя, потому что он все время натывается на ее обиженный взгляд: «А может быть, ты хочешь уйти? Ну конечно, уходи. Ведь ты свободен». И дальше идут скандалы, и, чтобы уйти без скандалов, он врет ей, что уходит на работу. На работе он врет на случай, если она туда позвонит. Далее он врет...

Он весь опутан этим враньем. И он все время попадаетеся. И умирает от унизительности этой лжи, а она сходит с ума от подозрений. А дальше – быт. Быт, где все преувеличено. Где все пахнет шекспировской драмой. Кухонной шекспировской драмой. Он всегда покупает не ту колбасу и забывает принести сыр. И когда она узнает об этом преступлении, она кричит в восторге обиды: «Единственно, что мне осталось в жизни, – это сыр. И ты, конечно, забыл его купить. Потому что ты помнишь только о себе...»

Она. Вы давно развелись?

Пассажир. Как и вы... тогда же.

Она. Зачем вы жили с ней, если все так плохо вспоминать?

Пассажир. Вспоминать об этом мне прекрасно. Как и вам. Есть прекрасная грусть в близко придвинутом прошлом.

Она. Я не так спросила. Зачем же вы жили с ней, если вам было так плохо?

Пассажир. Как и вы. Я ее любил.

Она. А что вы называете любить?

Пассажир. Это когда все время хочется плакать. Это очень страшно. Вот в мире существуют беды, огорчения, обиды и т. д. И вот все эти «неприятности» можно представить в виде одной равнодействующей – в виде одного длинного лезвия, направленного острием против нас. Люди нормальные обычно к нему боком стоят, чтобы обойти свои бе-

ды, не напороться. А вот она... та, которую любишь, к этому лезвию всем телом стоит. Глупая и нелепая. Во всяком случае, так тебе всегда кажется. Потому что когда человека любишь, кажется, что он не такой, как все, что он совсем беспомощный, что ему все время грозит опасность, и оттого вечером, после работы, всегда бежишь домой, и все время страх, что с ним что-то, что у тебя его отнимут... И однажды этот страх проходит. Это значит, что все кончилось. (*Шепотом*) Я, наверно, скоро буду бояться за вас.

Она. Вы идите.

Пассажир. Я очень скоро буду бояться за вас.

Она. Ну идите, идите.

Пассажир. Я уйду, а потом буду бежать по вагонам обратно. Я потеряю вас сегодня, я обязательно вас потеряю.

Скрип тормозов. Остановка поезда.

Она. Почему остановились?

Пассажир. Это маленькая станция Клин.

Она. Я не знала, что тут останавливается...

Пассажир. Знали. Вы так ждали эту маленькую станцию... Поднимите занавеску. Он там стоит. Он пришел. Он вас ждет. Он там! Он там! Клянусь! Он там!

Она вскакивает, поднимает занавеску и молча стоит у окна. Ее плечи вздрагивают.

Она... Не надо было так...

Пассажир положил руки ей на плечи.

(Жутко монотонно) Не трогайте меня. Я вас прошу... не надо... Я вас прошу. *(Зло, почти кричит)* Прошу!

Он убрал руки. Молчание. Поезд тронулся.

(Повернулась и засмеялась. Спокойно) Все, что вы рассказали, – это слишком просто. На самом деле все иначе.

Пассажир. А как?

Она. А вот этого я вам не скажу. Вы не поймете. А сейчас идите.

Пассажир. Куда?

Она. Я не знаю. Вы потом вернетесь. А пока идите. Пассажир. Мне с вами проститься?

Она молчит. Он уходит. Входит Проводница.

Проводница. Чай пить будем?

Она. Нет. Здесь едет товарищ, который просил его перевести в другое купе.

Проводница. Меня никто не просил.

Она. Значит, хотел попросить.

Проводница (*вдруг заулыбалась*). А я вас узнала. Я для вас кого хочешь переведу. А вы сейчас в каком кино снимаетесь?

Она. Название не придумали.

Проводница. А конец хороший? Я не люблю с плохим концом.

Она. Я тоже. Конец хороший. Спокойной ночи!

Проводница забирает вещи пассажир а, уходит.

Так... Теперь я все равно не засну. Раз, два, три, четыре... Сто белых слонов... Надо что-то придумать. (*Берет анкету. Читает*) «Самый страшный случай, произошедший с вами в детстве, в молодости, в зрелые годы»... Как стыдливо... «в зрелые годы». Самый страшный... Это когда меня привели в детский сад, и я увидела, что там все одинаково – тумбочки, кровати и дети. И тогда я впервые поняла, что такое «не дома». Я стала бунтовать.

Стук в дверь. Она молча сидит и смотрит перед собой. Снова сильный стук. Голос проводницы: «Чего расстучались? Люди отдыхать легли...» Голос пассажира: «Но я здесь нахожусь». Голос проводницы: «На четырнадцатом месте теперь находитесь... Люди нагулялись, уже спать легли, а вы все...» Голоса удаляются.

Он говорил неправду. Я забыла все плохое. Я помню только, что был рай. Это были ссоры – в раю. Мой первый, мой милый, мой мужчина, мой муж. Как все просто – во всем мире был человек, который был мой. А сейчас нет, вот и все... (*С усмешкой*). Не трогайте первых браков. Это браки детей. Их легко уничтожить. Дети все преувеличивают. Взрослые умеют прощать. Они знают, что все в мире объяснимо. И измены тоже. А для детей – это конец. Как правило – конец. Будьте милосердны! Не трогайте первых браков!

Когда ты ушел... У них у всех был чужой голос. Они были чужие. И я никак не могла понять, как можешь ты, если у нее чужой голос. Теперь я научилась. Я тоже теперь могу. Я стала взрослой. Я не заметила этих лет, потому что я все время ждала. Ждала, когда ты вернешься, когда все закончится. И я ложилась спать и верила, что проснусь – и все будет как прежде.

Тихий стук в дверь. Снова стук.

Не надо стучать... Не надо стучать...

Голос проводницы: «Вам просили передать снотворное. Сказали, что без этого вы не заснете».

Затемнение.

Ее квартира. Она в халате. На полулежат чемоданы – она только что приехала. Звонок телефона. Во время разговоров по телефону ее собеседники могут быть видны, а могут быть просто слышны их голоса.

Она (*взяла трубку*). Да!

Мужской голос. С приездом! Я хотел подъехать на вокзал. Встретить. Но...

Она. Ага...

Мужчина. Как ты доехала? Что ты молчишь?

Она. Я не молчу.

Мужчина. Ты будешь сегодня на работе?

Она. Да, зайду на полчаса.

Мужчина. Значит, я тебя жду. До свиданья!

Она повесила трубку, подошла к зеркалу. Молча смотрит в зеркало. Снова звонок телефона.

Она. Это наверняка на целый час. (*Взяла трубку.*) Аллю!

Голос подруги. Приехала?

Она. Да. (*Усаживается поудобней.*)

Подруга. Как ты жила?

Она. Жила.

Подруга. А вообще?

Она. Жила. Опять меня приняли за эту актрису. Подруга. Ты стала похожа на нее до неприличия. Она. Это разнооб-

разит мою жизнь. Все-таки актриса, в кино снималась, а не какой-то там ученый. Ну, а как ты?

Подруга. Я бы сказала хорошо, но сегодня не первое апреля. Медаль-то носить можно?

Она. Она несколько похожа на консервную банку.

Подруга. А чего – на большой цепи.

Она. Как собачка с выставки.

Подруга. А я вчера вещала о тебе в «Последних известиях». Надо же, так странно... Шмотки-то какие-нибудь привезла?

Она. Да, зонт я тебе купила.

Подруга. Я не поэтому... Видала?

Она. Кого?

Подруга. Ну, хорошо, хорошо...

Она. Нет, не видала.

Подруга. А зонт кружевной?

Она. Да.

Подруга. Что ты молчишь?

Она. Обдумываю. Хорошо бы сейчас выспаться, но нет смысла – через два часа на работу. Хорошо бы сходить в магазин, но опять же нет смысла. Потому что как только я зайду в магазин, в нем, согласно моему везенью, окажется очередь в полтора километра. И я пойду в другой магазин. Но там очередь будет в два и семь десятых километра. Тогда я вернусь в первый магазин. Но там уже ничего не будет. Тогда я разозлюсь на себя...

Подруга. Поскули, поскули, старая калоша! Портниха звонила?

Она. Никто не подходит. Это значит – портниха отбыла на дачу, и я сижу без платья до сентября.

Подруга. За что я тебя люблю? За оптимизм... Серьезно, мне не нравится твое настроение. Я к тебе заскочу. Может быть, даже сегодня вечером. Ты куда-нибудь вечером...

Она. Никуда.

Подруга. А то мой чудесный, мой распрекрасный, кажется, выматывается в очередную командировку. И я от него отдохну неделю. В общем, при всех обстоятельствах – у меня в воскресенье выходной. Устроим девичник, без треклятых мужчин. Посплетничаем. Покурим. А ну их всех...

Она. Я люблю, когда ты ругаешься. *(Вдруг)* Пожалей меня.

Подруга. Пожалела.

Она *(засмеялась)*. Ну вот и получше стало. А то я все сама себя жалею. Можешь еще пожалеть?

Подруга. Еще пожалела.

Она. Ну вот и совсем хорошо. Подожди... *(Закурила)*

Подруга. Закурила! Сволочь! Закурила! Мало хрипишь, старая рваная калоша!.. Ну, рассказывай, рассказывай, чем ты занималась в столице?

Она. Ну, сначала я читала лекцию в Политехническом. Слушали о морском дне, прямо скажем, невнимательно. Дремали. Потом был прием в посольстве. Ну, это отдельный

рассказ. Навесили на меня эту медаль. Потом подошел ко мне милый человечек. Он оказался из Дома ученых, проводил Праздничную анкету

Подруга. Красивый?

Она. Кто? А, нет, приятный...

Подруга. Симпатичный.

Она. Вот-вот. А анкета глупая до трогательности... Ну, например, ваш любимый герой. Оказывается, у меня сейчас такого нет. Вот кто твой любимый герой?

Подруга. Василий Теркин. И еще Садко – богатый гость.

Она. «Какие качества вы больше всего цените в людях?» Опять не могу ответить. Это кошмар какой-то. И так ни на один вопрос. Потом я ехала в поезде и все думала: «Ну это же черт знает что такое!» Ведь раньше у меня были любимые герои: Айвенго, например, Пиквик. Раньше я задумывалась... А сейчас, весь этот последний год... Он как-то совершенно меня выбил. Ты пожалела меня?

Подруга. Пожалела, пожалела.

Она. Ты только успевай жалеть.

Подруга. Хорошо, хорошо. Я за этим слежу.

Она. Понимаешь, я поглупела с возрастом. Годы идут, и абсолютно нет никакого ощущения повзросления. Внутри мне по-прежнему десять лет. Но если бы это все на морде было видно. Был бы в этом какой-то толк. А то выглядишь на все свои, а внутри – дитя. Это ужас какой-то!

Подруга. И что же было в поезде дальше?

Она (*засмеялась*). Встретила очень забавного человека. Чудный, великолепный человек.

Подруга. Я так и знала. Голос у тебя нехорошо вибрирует. Ну и что же?! Что?!

Она. А вот этого я тебе не скажу. (*Засмеялась.*) Ничего!..

Подруга. Мне бы твой темперамент. Я бы горя не знала. Калоша, ты – романтик! Но влюбляться тебе не надо. Ты – не модная женщина. В этом году в моде женщина-подросток, с узкими бедрами, хилой спиной и маленькой грудью... Я тебя за это тоже пожалела. (*Вдруг закричала.*) Старая, рваная, глупая калоша! Я на днях читала на радио статью «Женщина на работе и дома». Это двое мужчин, которым нечего делать, провели исследование: один – в Ленинграде, другой – в Польше. И там разные любопытные цифирки...

Она. Это ты к моему приезду готовила?

Подруга. Отстань. Главный вопрос к бедным женщинам: «С чем вы связываете свое участие в общественном труде?» Тринадцать процентов ответили просто: «Хотим быть в коллективе». Это значит – просто хотят болтать на работе. Это – я. Семнадцать процентов хотят иметь материальную независимость от мужа. Это тоже я. Потом еще какие-то там разные проценты. А вот любят работу как таковую – менее одного процента. И вот ты, которая любишь работу как таковую. Ты, счастливая калоша, гневишь Бога плохим настроением. Да плюнь ты на все: «Медаль, квартира, морда в порядке». Если бы у меня была своя квартира, я никогда бы не вышла замуж,

жила бы одна. Посуду мыть не надо...

Она. Одной жить трудно. Когда живешь с матерью или с мужем, есть кого обвинять в своих неудачах. Это большое преимущество, поверь. Ну, ладно, я уже радостная. Пока!..

Подруга. Да! Что я тебе звоню? Совсем забыла. Продаются чудесные австрийские сапожки: две пары. Ты богатая, лауреат. Купи себе, если захочешь.

Она. Я не захочу. Мне в деревню надо деньги посылать. Я письмо получила: венцы хотят к осени сменить, племянник в первый класс идет. Затем Евдокия замуж собралась – зубы починить надо. Они мне такое прекрасное письмо написали: «Слыхали, что вы уезжаете по границу». Это как по воду.

Подруга. Жаль. Таких сапог больше не будет.

Она. Сколько тебе нужно денег, я могу заложить песца.

Подруга. При чем тут я? Я объеду всех знакомых – соберу как-нибудь. Я хотела для тебя к осени.

Она. А! Ну ладно, я опаздываю на работу.

Подруга. Значит, договариваемся на девичник в воскресенье... Позови Галку, Жанку... Часиков на шесть?

Она. Только не надо никаких часиков. Я хочу хотя бы в воскресенье никуда не спешить. *(Вешает трубку)* Начнем становиться красивой. *(Усаживается у зеркала)*

Звонок.

Да.

Мужской голос. Слушай, мы как-то плохо поговорили.

Она. Почему?

Мужчина. Не знаю. Ну ладно. Ты когда придешь на работу?

Она. К двенадцати.

Мужчина. Только не опаздывай. А то ты все время опаздываешь. *(Шутливо)* Почему ты так опаздываешь?

Она. Это, наверно, потому, что мне не так хочется тебя видеть.

Мужчина. Ну хорошо, хорошо... Поговорим.

Гудки в трубке.

Она. Он предпочел это не услышать. Поразительно. Я не хочу с ним видаться, потому что чувствую, что он со мной не так уж хочет видаться. Но он звонит, а я иду... Или вот сейчас, мне не хотелось с ней разговаривать. Мне отвратительно, когда она называет меня «старой калошей». Мне не хочется устраивать девичник. Но я это сделаю. Это все оттого, что я не так живу. Раньше я была свободной и дерзкой, я начинала. От меня никто не ждал свершений, радость дебютантки. Теперь от меня ждут. Страх ответственности. Я уже не думаю о работе. Я думаю только о том, что обо мне скажут в связи с этой работой. Я не свободна... Я все переменю. Я клянусь! Все переменю. Боже, до чего потолстела! Все худею, худею и опять потолстела. Так... Попрыгаем... Попры-

гаем... *(Начинает делать гимнастику?)* Попрыгаем... попрыгаем... *(Бьют часы. Она останавливается. После паузы)* Чудовищно. Прошел целый час в этой глупой трескотне по телефону. В этих идиотских мыслях – прошел целый час. И вот все эти пустяки, болтовня и есть течение моей жизни. Единственной и невозвратной жизни, которой больше не будет. *(Вдруг протяжно)* Так не-ль-зя!..

Затемнение.

Ее работа. Кабинет. В кабинете Мужчина, с которым она говорила по телефону. Это ее начальник, у него в кабинете сидит его Друг.

Входит Она.

Мужчина. А, садитесь, Ирина Николаевна. Присаживайтесь. *(Другу)* Знакомься. Это – наша гордость, наш лауреат. Шведская академия. Премия Нордстона. Без поллитры не выговоришь. А это мой дружок с Крайнего Севера. Учились вместе. Зовут Димитрий. Именно Димитрий, потому что мягок и женолюбив... *(Другу)* Прости, прости! Итак, Димитрий и просто Ирина. Мы еще можем себе это позволить.

Она смеется.

Да, Димитрий, вот такие дела!.. Премии за исследование

морского дна получаем, а морепродуктами, или, по-народному, рыбой... страну обеспечить все не можем. Наука... сложная жидкость.

Она опять смеется. Наступает молчание. Молчание становится неловким.

Друг Димитрий. Да... А я хотел тебя спросить, где же сейчас Копылов?

Мужчина. Копылов у Сергеева.

Друг Димитрий. Главным?

Мужчина. Главным.

Снова молчание. Пауза.

Друг Димитрий. А Фролкин?

Мужчина. Фролкин у Сапожникова.

Друг Димитрий. Замом?

Мужчина. Замом.

Друг Димитрий. Ну так. Я, пожалуй, пойду.

Мужчина. Что ты, еще посиди. (*Быстро, не дожидаясь ответа.*) Значит, до завтра! Все, как договорились, в семь на площади Пушкина, у остановки.

Друг Димитрий. Железно!

Мужчина. Может, все-таки еще посидишь? (*Нажал кнопку.*) Ты в какие края?

Вошла Секретарша.

Пусть отвезут товарища. Ну бывай!

Друг уходит. Секретарша – за ним. Пауза. Секретарша возвращается.

(Секретарше, стараясь весело.) Мы здесь с Ириной Николаевной разговоры будем разговаривать. Они у нас не такие уж важные. Так что, если кто ко мне по делу, милости прошу.

Секретарша уходит. Молчание.

Мы как-то нехорошо говорили по телефону. Я так рад тебя видеть. Ты чудно выглядишь.

Она. Ты говоришь об этом так удивленно, будто мне семьдесят лет.

Секретарша *(входит, с удовольствием)*. К вам насчет майского КВН Троянкин пришел.

Мужчина. Конечно, конечно...

Троянкин *(входя)*. Здравсьте, Кирилл Палыч! Значит, такая задумка. Я подойду к Гаврилину и молча отрежу у него волосы. После этого задам вопрос команде Люберец: «На-

званию какой оперы соответствует данная сцена?»

Мужчина. Ну?

Троянкин. «Самсон и Далила».

Мужчина. А Гаврилин даст тебе волосы отрезать?

Троянкин. А ему все равно на лето стричься. И еще другая задумка. В каком произведении в наличии одно убийство и три покушения? В детской сказке «Колобок». Там Колобка хотят съесть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.